DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1

ISSN 1996-7853
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE "Transbaikal State University"

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Transbaikal Territory, Russia, 672039

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

129 Babushkina st., Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail. ru

http://www. zabvektor.com

Том 14, № 1
2019

Vol. 14, No. 1
2019

Гуманитарный вектор

Издаётся с 1997 г.
Выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:
07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);
07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки);
07.00.06 – Археология (исторические науки);
07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки);
07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки);
09.00.11 – Социальная философия (философские науки);
09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки);
10.01.01 – Русская литература (филологические науки);
10.01.10 – Журналистика (филологические науки)

Направление номера журнала
Филологические науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» ***42407***

Размещение и индексация журнала
CrossRef, ERIHPLUS, Index Copernicus, Ulrich'sPeriodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WorldCat, НЭБ, Соционет, Znanium, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks

Редакционная коллегия

Главный редактор
И. В. Ерофеева, доктор филологических наук, доцент

Выпускающие редакторы
М. В. Пименова, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Ц. П. Ванчикова, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия)

Б. В. Базаров, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Улан-Удэ, Россия);
Вейзель Батмаз, доктор наук, профессор (Стамбул, Турция);
Т. В. Бернюкевич, доктор философских наук, доцент (Москва, Россия);
Андре Буржо, доктор социальных наук (Париж, Франция);
Бэрон Келли, доктор наук, профессор университета Луисвилл (Штат Кентукки, США)
Т. В. Воронченко, доктор филологических наук, профессор (Чита, Россия);
Мариан Геруля, доктор филологических наук, профессор (Катовица, Польша);
М. И. Гомбоева, доктор культурологии, профессор (Чита, Россия);
З. К. Дербишева, доктор филологических наук, профессор (Бишкек, Киргизская Республика);
В. С. Диев, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
Жамбалын Цэцэгма, доктор исторических наук, профессор (Монголия);
Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Москва, Россия);
Е. Ю. Захарова, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);
В. К. Зубарева, доктор филологических наук, профессор (Филадельфия, США);
Т. Ю. Игнатович, доктор филологических наук, доцент (Чита, Россия);
Масами Изухо, доцент (Токио, Япония);
А. А. Камалова, доктор филологических наук, профессор (Ольштын, Польша);
В. И. Карасик, доктор филологических наук, профессор (Волгоград, Россия);
В. В. Колесов, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
М. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия);
В. А. Маслова, доктор филологических наук, профессор (Витебск, Белоруссия);
Б. Я. Мисонжников, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
А. Н. Новиков, доктор географических наук, доцент (Чита, Россия);
Н. С. Розов, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
Грег Саймонс, доктор наук, доцент (Уппсала, Швеция);
Д. В. Сергеев, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);
Д. Л. Стровский, доктор политических наук, профессор (Ариэль, Израиль);
Д. В. Трубицын, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);
М. Н. Фомина, доктор философских наук, профессор (Чита, Россия);
Фуми Иизука, доктор антропологии (Калифорния, США);
Хероним Граля, доктор исторических наук (Варшава, Польша);
И. В. Черникова, доктор философских наук, профессор (Томск, Россия);
Чжао Сяобин, доктор литературы, доцент (Баодин, КНР)

Ответственный секретарь
Е. В. Седина, кандидат культурологии

Редактор О. Ю. Гапченко, вёрстка Г. А. Зенковой
редактор перевода В. М. Ерёмина

Подписано в печать 25.02.2019. Дата выхода в свет 28.02.2019.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура "Arial".
Способ печати оперативный. Заказ № 19001.
Усл. печ. л. 13,9. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).
Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Тематика журнала связана *с ключевыми смыслами, ценностями и артефактами культуры.* Данный выпуск представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей по русской и зарубежной филологии, языковой картине мира и медиалингвистике. Также в журнале представлены материалы российских и зарубежных авторов по востоковедению, освещающие проблемы литературы и языка, материальной и духовной культуры стран Востока.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

© Забайкальский государственный университет, 2019

Founded in 1997
Published six times a year

Humanitarian Vector
Gumanitarnyi Vektor

The journal is registered
by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate
ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal
is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:
07.00.02 – National history (historical sciences);
07.00.03 – Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
07.00.06 – Archeology (historical sciences);
07.00.07 – Ethnography, ethnology and anthropology (historical sciences);
07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences);
09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);
10.01.01 – Russian literature (philological sciences);
10.01.10 – Journalism (philological sciences)

Journal Issue direction
Philological Sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:
Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution" ("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in “Press of Russia” ***42407***

Journal placement and indexing
CrossRef, ERIHPLUS, IndexCopernicus, Ulrich'sPeriodicalsDirectory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WorldCat, RSC, Sotsionet, Znanium, BiblioRossika, Arbikon, IVIS, KiberLeninka, Universitetskaya biblioteka onlain, IPRbooks

Editorial Board

Editor-in-Chief
I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Main Handling Editor
M. V. Pimenova, Doctor of Philology, Professor
St. Petersburg, Russia);
Ts. P. Vanchikova, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia)

B. V. Bazarov, Doctor of History, Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
Veysel Batmaz, Doctor of Sciences, Professor (İstanbul, Turkey);
T. V. Bernyukevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Moscow, Russia);
Andre Bourget, Doctor of Sociology (Paris, France);
Baron Kelly, Doctor of Sciences, Associate Professor (University of Louisville, Kentucky, USA)
T. V. Voronchenko, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia);
Marian Gerula, Doctor of Philology, Professor (Katowice, Poland);
M. I. Gomboeva, Doctor of Culturology, Professor (Chita, Russia);
Z. K. Derbisheva, Doctor of Philology, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic);
V. S. Diev, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);
Zhambalyn Tsetsegma, Doctor of History, Professor (Mongolia);
N. L. Zhukovskaya, Doctor of History (Moscow, Russia);
E. Yu. Zakharova, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
V. K. Zubareva, Doctor of Philology, Professor (Philadelphia, PA, USA);
T. Yu. Ignatovich, Doctor of Philology, Associate Professor (Chita, Russia);
Masami Izuho, Associate Professor (Tokyo, Japan);
A. A. Kamalova, Doctor of Philology, Professor (Olsztyn, Poland);
V. I. Karasik, Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia);
V. V. Kolesov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);
M. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia);
V. A. Maslova, Doctor of Philology, Professor (Vitebsk, Belarus);
B. Ya. Misonzhnikov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);
A. N. Novikov, Doctor of Geography, Associate Professor (Chita, Russia);
N. S. Rozov, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);
Gred Simons, Doctor of Sciences, Associate Professor (Uppsala, Sweden);
D. V. Sergeev, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
D. L. Strovsky, Doctor of Political Science, Professor (Ariel, Israel);
D. V. Trubitsin, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
M. N. Fomina, Doctor of Philosophy, Professor (Chita, Russia);
Fumie Iizuka, Doctor of Anthropology (California State University, USA);
Hieronim Grala, Doctor of History (Warsaw, Poland);
I. V. Chernikova, Doctor of Philosophy, Professor (Tomsk, Russia);
Zhao Xiaobing, Doctor of Literature, Associate Professor (Baoding, People’s Republic of China)

Executive Secretary
E. V. Sedina, Candidate of Culturology

Corrector O. Yu. Gapchenko,
Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 25.02.2019. Date of publication 28.02.2019.
Format 60×84 1/8. Offset paper. Headset “Arial”.
Operative printing. Order No. 19001.
Conv. quires 13,9. Ed.-print quires 11,7.
Circulation 1000 copies. (first impression 1–100 copies).
Free price

Printed by FSBEI HE “Transbaikal State University”
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

The dominant subject matter of the journal is connected with key meanings, values and artifacts of culture.The issue is a collection of original and review scientific papers on the Russian and world philology, linguistic worldview, and media linguistics.The journal also presents materials of Russian and foreign authors on Oriental studies covering the issues of literature and language, material and spiritual culture of Oriental countries.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, postgraduate students, students, workers in culture and education.

© Transbaikal State University, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Колесов В. В. Синергийные связи концептов 6
Яо Жун. Концепт «печаль» в русском языковом сознании (на фоне сравнения с китайским концептом)..... 13
Березина А. В., Александрова М. Д. Концепт «смерть» в иранской культуре (на примере фраземики персидского языка) 20
Ерофеева И. В., Бочарников В. Н. *Собака* как гешталь в языковой картине мира охотника: дискурс специализированных журналов 30

МЕДИАТЕКСТ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Войтик Е. А. Категория «спорт» в русской литературе и журналистике середины XIX века 41
Зубко Д. В. Публицистические дискуссионные программы на отечественном радио XXI века: полемика против софистики 50
Маслова В. А., Гурина Т. С. Речевой портрет политика на материале твитов Д. Трампа 58
Ташпулатова Н. К. Жанр беседы в современном узбекском интеллектуальном журнале 64

ИГРА В БИСЕР: СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ТЕКСТА

Пименова М. В., Алаева С. А. Реализация понятийных признаков макроконцепта *человек* в произведениях Ч. Т. Айтматова 73
Акматова А. Б. Зооморфные сравнения в произведениях Т. Касымбекова «Сынган кылыч» («Сломанный меч») 81
Дугаржапова Т. М. Роль стихотворных фигур в художественном тексте Э.-Х. Галшиева «Бэлигэй толи» («Зерцало мудрости») 86
Чжао Сяобин, Ван Инли. Реконструкция эстетических и поэтических значений при переводе на основе интерактивного взаимодействия двух языков 93

РЕЦЕНЗИИ

Жамсаранова Р. Г. Рецензия на издание «Топонимический словарь Республики Калмыкия» 100
Тепляшина А. Н. Рецензия на монографию «Экстремизм в современном мире» 103

Звенящая струна: душа учёного (Поэтическая страничка) 105

HUMANITARIAN Vector

CONTENTS

LINGUISTIC WORLDVIEW

Kolesov V. V. Synergetic Relations of the Concepts 6
Yao Rong. The Concept of "Sorrow" in Russian Language Consciousness (In Comparison with Chinese Concept)..... 13
Berezina A. V., Alexandrova M. D. The Concept of "Death" in the Iranian Culture (on the Example of Persian Idioms) 20
Erofeeva I. V., Bocharnikov V. N. *Dog* as Qestalt in Hunter's Linguistic View of the World: Specialized Magazine Discourse 30

MEDIA TEXT IN THE PUBLIC COMMUNICATION SYSTEM

Voytik E. A. The Category of "Sports" in Russian Literature and Journalism in the Middle of the 19th Century 41
Zubko D. V. Publicistic Discussion Programs on Russian Radio of the 21st Century: Controversy against Sophistry 50
Maslova V. A., Gurina T. S. A Politician's Speech Portrait: a Case Study of D. Trump's Tweet Material 58
Tashpulatova N. K. Genre of Conversation in the Modern Uzbek Intellectual Journal 64

THE GLASS BEAD GAME: HIDDEN MEANINGS OF THE TEXT

Pimenova M. V., Alaeva S. A. Implementation of the Macroconcept *Human Being* Cognitive Signs in Ch. T. Aitmatov`s Works 73
Akmatova A. B. Zoomorphic Comparisons in the Works by T. Kasymbekov "Syngan Kilich" ("Broken Sword") 81
Dugarzhapova T. M. Role of Poetic Figures in The Literary Text "Baliga Toli" ("Mirror of Wisdom") by E.-Kh. Galshiev 86
Zhao Xiao-bing, Wang Ying-li/ Reconstruction of Aesthetic and Poetic Meanings in Translation Based on Bilingual Interactivity 93

REVIEWS

Zhamsaranova R. G. A Review of "Toponymic Dictionary of the Republic of Kalmykia" 100
Teplyashina A. N. Review of the Monograph "Extremism in the Modern World" 103

A Ringing String: the Soul of a Scientist (Poetic Rubric) 105

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

LINGUISTIC WORLDVIEW

УДК 81
DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-6-12

Владимир Викторович Колесов,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11),
e-mail: prof.kolesov@gmail.com

Синергийные связи концептов

В предлагаемой статье описываются особенности концептологии как формы когнитивной лингвистики в сопоставлении с современными достижениями естественно-научного знания, прежде всего с квантовой физикой. На материале серии философских работ конца XX века показано полное сходство между этими научными направлениями в распределении материала, в постановке проблемы, в методе, в синергийных связях исходных элементов и в конечных результатах. Особое внимание уделяется категории «Причинность» (*основание – условие – причина – цель*) и первосмыслу концепта в виде *концептума* (вневременность бессознательного). Из произвольного *хаоса* авторских текстов последовательными редукциями выявляются исходные *денотаты* (синергийная связь предметного значения и объёма понятия), на основе которых строится семантическая константа, синергийно связывающая все составы Причинности в целях создания *метатекста*, который раскрывает глубинные представления концепта. *Ментальная парадигма* в последовательности элементов также создаётся синергийной связью всех составов Причинности и выступает в виде своеобразного *блока памяти*. Последовательное наложение ментальных парадигм друг на друга организует концептуальное *поле* национального сознания в глубинном отражении от бессознательного. Все эти действия укладываются в логику *синергии* (т. е. содействия). Концептология использует её в целях получения ясных ответов относительно виртуальных позиций, поскольку синергетика есть метод построения порядка из хаоса в динамике *самоорганизации,* на основе логических *правил отбора* релевантных единиц текста. Доказано, что концептология как учение о концептах сознания является адекватным отражением процессов, происходящих в реальном физическом мире.

Ключевые слова: синергийные связи, семантическая константа, ментальная парадигма, семантический треугольник, концептуальное поле сознания, «первосмысл» концепта

Развитие в мире предполагает *ничто.*
Николай Бердяев

Введение. Содержание концептологии как формы когнитивистики соответствует современному уровню научного знания. Это проявление глубинной грамматики *языка* в противоположность формальной грамматике *речи*. Расширяя границы возможных приложений концептологии, можно указать серию философских работ, опубликованных журналом «Вопросы философии» (ВФ), которые освещают, например, принципы современной теоретической физики, и убедиться, насколько точно основные положения этой науки соответствуют содержанию концептологии. Целью дальнейшего изложения и является обоснование сказанного; необходимость соотнести ключевые установки концептологии с основными открытиями естественных наук. Для краткости изложения привлечены только несколько работ, написанных в то время, когда в отечественной научной среде происходило распространение новых идей. Они вполне исчерпывают все необходимые параметры сопоставлений, необходимые для сравнения. Цитаты приводятся без конкретных ссылок, поскольку они не имеют принципиального значения, а служат только для оживления изложения. В качестве наводящего на тему текста использована глубокая по содержанию работа В. В. Налимова [12].

Начать следует с описания операций при концептуальном анализе текстов.

© Колесов В. В., 2019

Методология и методы исследования. Алгоритм описания. Исходим из того, что *концепт* есть единство четырех составов: *образ – понятие – символ – концептум* – как их *ментальный* прообраз, или «первосмысл». Наличие всех четырех – обязательное условие актуальности концепта, который хранит в себе коллективное знание в совокупности всех смыслов, объединённых словесным знаком. Понятие о концепте как совокупности содержательных форм слова возникло именно в связи с завершившимся к началу XX века наполнением концептов русского коллективного бессознательного всеми возможными содержательными формами. В современном употреблении имеются слова, лишённые концептуального единства именно потому, что у них не развиты некоторые содержательные формы (типа *безнадёга* и т. п.).

Для лучшего уяснения предмета следует напомнить три модели, которые использует концептология: семантический треугольник, концептуальный квадрат и семантическая константа:

Знак R обозначает наличие или отсутствие референта, знак D – наличие или отсутствие денотата, под которым понимается совмещённость предметного значения слова и объёма понятия. Содержательно три состава треугольника совпадают с тремя составами квадрата (образ вещи, понятие идеи, символ знака) – кроме концептума, который является ментальным образованием и одновременно начальной точкой движения составов концептуального квадрата.

Концептуальный анализ предполагает следующую последовательность действий: подбирается определённый массив текстов, желательно близких стилистически, относящихся к определённому периоду и к известному кругу, авторов, но представленных в случайном хаотическом состоянии. Эти тексты подвергаются предварительной редукции – из них выбираются *десигнаты* (единство словесного значения и содержания понятия) и выделяются *предикаты*, на основе которых в дальнейшем определяются *денотаты* (единство предметного значения и объёма понятия). Последовательные редукции стягивают *контент* (содержание форм) в точку подобий, которые распределяются по составам *причинности* как следования четырёх причин Аристотеля: *основание – условие – причина – цель.*

Затем на основе выделенных составов формируется семантическая константа, основанная на произвольно выбранном ментальном *Основании* (он *д а* н) и следующих из него трёх конструктивных причин (они з а д а н ы ключевым словом Основания). Троичность конструктивных причин не случайна: «триады – аспекты гармонии между мыслью и природой» [12].

В результате рисуется реальная картина *действительных* соотношений смысла, которые могут быть *прочитаны* в законченном метатексте. Здесь *синтагматически* представлено обобщённое высказывание всех участников речевого акта. В зависимости от выбора Основания, *вербально* эти высказывания могут варьировать в широких пределах, но в конечном счёте *ментально* они, как правило, выражают один и тот же общий смысл. Важно правильно выбрать Основание, ибо, по суждению Лейбница, «аксиома, что *ничего не бывает без основания*, должна считаться одной из самых важных и плодотворных аксиом человеческого познания» [6].

После этого *те же* составы концепта располагаются в *концептуальном квадрате*, причём *образ* замещает *условие*, *понятие – причину*, *символ – цель*, а Основание соотносится с «зерном первосмысла» – *концептумом*. Выстроенная таким образом *ментальная парадигма* выражает уже не действительную, а *идеальную* перспективу возможных отношений. Это уже *парадигматика* всех составов концепта, системно представляющая все содержательные формы. Ментальная парадигма, графически представленная концептуальным квадратом, предстаёт своеобразным *блоком памяти*, в системном порядке располагающим четыре содержательные формы концепта. «Мир предстаёт перед нами в своей четверичности, ибо четверичность есть архетип почти универсального явления, он формулирует логическую основу для любого цельного суждения. Четверичность начал мира – не более чем заданный в нашем сознании способ его видения» [12, с. 104]. Более того, как заметил С. Н. Булгаков, «четверица – та же троица, только в движении», в данном случае движение задаёт концептум.

В составе парадигмы концепт, данный как *род*, одновременно есть и *вид* – в зависимо-

сти от содержания самого концепта: это либо *понятие* (концепт «страх» на фоне концептов «трепет», «ужас и полох»; «гнев» на фоне концептов «гроза», «лютость» и «ярость»; «грусть» на фоне концептов «скука», «тоска» и «печаль»), либо исходный *концептум* («зерно первосмысла») как «лик» на фоне концептов «лицо», «личина» и «личность» или «София» на фоне концептов «вера», «надежда» и «любовь». Иными словами, это указание либо на начало парадигмы в виде концептума, либо на её завершение в виде понятия. Поскольку каждый концепт в составе парадигмы одновременно и сам может иметь свои содержательные формы, обсуждения требует и вопрос о совмещённости ряда видовых концептов в составе родовой парадигмы. По-видимому, это проблема пересечения видовых *значений* и родового *смысла*. Таким образом, последовательным наложением индивидуальных парадигм друг на друга мы получаем *концептуальное поле* русского сознания. «С некоторым удивлением мы замечаем, что наши попытки описания психических явлений в их *глубинном* понимании связаны с обращением к бессознательному, напоминают современные представления квантовой теории поля… Таким образом, состояния семантического поля, лежащего в основе слов, оказываются проявлениями бессознательного… , поскольку всё научное знание опирается на некоторые шаблоны нашего бессознательного» [12, с. 93, 104, 235].

Тот факт, что концепт, например, «страх» является одновременно и родом в собственном развёртывании содержательных форм, и видом в составе парадигмы, является существенным признаком структуры познания, поскольку «двоичность и двусторонность определяют структуру человеческого» [9].

Ментальная парадигма становится *наводящим* принципом воссоздания изоморфных категорий, в которых следование содержательных форм концепта осуществляется в определённом порядке. Например, последовательности ментальных парадигм *София – вера – надежда – любовь, лик – лицо – личность – личина, ум – разум – рассудок – мудрость* и т. п., совмещаясь, выстраивают общую структуру концептуального *поля*. При этом «*структура* – это *процесс*, имеющий определённую *геометрическую* форму, *событие* развёртывается по *внутренним* свойствам среды в спектре *возможного*» (курсив наш – *В. К.*) [4; 5]. Соотнося представленные концепты по составам (все Основания, Условия, Причины и Цели в совместном их проявлении), мы получаем цепочки, например: *Основания* – Лик Софии Ум, *Условия* – Лицо Веры Разум, *Причины* – Рассудок Личности Надежда, *Цели* – Любовь Личины Мудрость. Никакие перестановки не допускаются, потому что в противном случае произошло бы смешение всех составов, например, причин и целей.

Все эти действия укладываются в логику синергии, начиная с *семантического треугольника*, который объединяет три *реальных* состава: вещь, её идею и их именование (знак, слово). Показать их синергийную связь можно на традиционном примере сопряжения трёх – *власти в идее*, *народа в вещи* и *закона в знаке*, – которые зависят друг от друга и вступают во взаимные действия. Конфликт между народом и законом решается властью (*эволюция*), между властью и народом – законом (*деволюция* – перемещением власти), между законом и властью – народом (*революция* – смещением власти). Это при условии, что закон действует, причём для всех одинаково, иначе всё зависит от терпения народа. Единство трёх – *внутренняя* синергия среды, единство четырёх в концептуальном квадрате – структурированная матрица *внешней* синергии, обогащённой динамическим «перводвигателем» всех составов.

В конечном счёте, путём ряда редукций (*анализ*) и заключительного *синтеза* в новом тексте (создание *метатекста*) мы получаем развёрнутое высказывание о составах концепта в их виртуальном (скрытом) до того виде. По замечанию Л. В. Щербы, *смысл* целого больше *значения* его частей – мы получаем возможность проникнуть в подтексты всех привлечённых текстов и прочесть то, о чём их авторы думали, но по разным причинам не смогли выразить в полном виде.

Синергия. Синергию как утверждение *содействия* элементов систем установили в естественных науках, и это возвело её в область *точного* знания *неявных* позиций. Греческое слово *синергия* (συνεργεία – «содействие») обозначает совместное действие, по крайней мере, минимально трёх составов.

Концептология также использует синергию в целях получения ясных ответов относительно виртуальных позиций. Сопоставление алгоритма концептуального анализа текста с синергией позволит уточнить место и роль концептологии в границах современного научного знания. Значение теоретической физики в таком сравнении весьма выразительно показано в работе С. С. Аверинцева [1].

Синергетика как *содействие* – это метод построения порядка из хаоса «в динамике самоорганизации». Неравновесность *неустойчивости* и *случайность* проявления, сугубая *вероятность* описания нарушают классическое понимание мира, который теперь видится несколько иначе – не в обязательных причинно-следственных связях, а в *вероятностном развитии*. В процессе познания осуществился переход от механической к электродинамической картине физического мира, и прежние представления о мире сменила квантово-релятивистская картина, с одновременным преобразованием реальных принципов самого мира. Более того, произошло включение науки в культуру – одновременно с отказом от прежнего плоскостного взгляда на мир и с пониманием *относительности* теорий и самой картины мира в *многообразии её описаний,* поскольку в каждом из таких описаний может содержаться истинное знание, которое не следует упускать из виду [17]. «Многообразие описаний» и представляет собой совокупность семантических констант, выражающих один и тот же концепт. Случайность и неопределённость – свойства хаоса, но его самоорганизация «не представляет собой абсолютного произвола – не всё… может наблюдаться в реальности. Существует некая система законов – *правил отбора*, отличающих реальное от виртуального. Её описание и составляет основу фундаментальных наук». «Сборка» (новых текстов) также имеет свои закономерности. «В процессе «сборки», т. е. *возникновения новой системы*, у неё… могут возникать новые свойства», развивается *энтропия*, «как источник порядка», а не разрушения и не деградации [11]. Правила отбора регулируются выбором Основания, а неопределённая случайность текстов в их хаотическом проявлении выстраивается в систему Причинности. «Все возможности актуализируются, сосуществуют и взаимодействуют друг с другом, а система оказывается в одно и то же время всем, чем она может быть» [14], подобно тому, как сосуществуют все семантические константы одного концепта, взаимодействуя в построении ментальных парадигм: *целостность системы во времени определяется вариантностью её положений*. Своё значение имеет и «множественность интерпретаций: это, по существу, множественность ракурсов видения предмета, каждый из которых несёт в себе определенную информацию» [11].

Все эти смыслы находим и у концептологии: *случайность* проявления текстов, *неустойчивость* их содержания, *вероятность* вариантов констант, наличие *концептума* как *кванта* смысла, новое представление о *причинности*, признание постоянных *преобразований* её составов. Даже функция концептума совпадает с физическим квантом: и тот и другой не существуют в изолированном виде, внешним образом представляя собой *ничто*.

На основе анализируемых текстов возникают сложные *саморегулирующиеся* системы, создающие новое *единство* с обязательным включением *ценностных* характеристик в состав нового истолкования. Понимание когнитивистики как общенаучного подхода к новому типу познания определяется современной научной теорией «постнеоклассической рациональности» в исследовании саморазвивающихся систем с формированием «категориальных матриц». Мы переживаем тот момент развития научного познания, когда важна *включённость субъекта в процесс исследования*, когда классическое понимание традиционных *смыслов* заменяется категорией *части – целого* (несводимость целого к сумме его частей – у нас денотаты в составе семантических констант, которые предстают с обогащённым смыслом), изменяются понятия причинности (не одна причина, а *состав* причин – «*вероятностная* причинность»), случайности и необходимости, процесса и состояния и т. п.

Причинность. Как и многое другое, «философия проверяет справедливость таких общих законов, как причинность» [10]. По мнению Марка Планка, даже «физическая причинность обладает явно выраженным телеологическим характером», поскольку она виртуальна [13].

Сложным системам нельзя диктовать траекторию их развития – они *самоорганизуются*. Сам хаос предстаёт как созидающее начало, поскольку именно через него *происходит связь разных уровней организации.* В нашем случае тексты, произвольно набранные, представляют собой этот хаос, который становится источником всех дальнейших действий.

Однако хаотическая система ставит под вопрос понятие традиционной причинности как причинно-следственной связи. Более того, высказано мнение, что вообще «причинно-следственная классика оберегала всесветный дурдом» [2]. Новое представление о причинности предполагает множественность «причин» разной степени жесткости; в нашем понимании это вытекающие одна из другой *основание – условие – причина – цель.*

Важнейшее свойство систем есть их нелинейность, но при организации порядка важен момент *выбора*, который в нашем случае осуществляется редукцией предикатов до денотатов, «как фактором выдавливания “лишнего” из глыбы текста». Варианты выбора дают различные практические следствия, и на их основе строятся *образные понятия* в режиме «неединственности решения». Образное понятие – это актуально выраженное *понимание* смысла в данный момент, представленное сочетанием десигната (определение) и денотата (имя существительное). *Белый дом, жёлтый дом, казенный дом* и прочие дома в том же роде различаются и в номинации немедленно превращаются в символы как устойчивые сочетания двух слов. Понятиями они становятся благодаря соединению содержания (прилагательное) и объёма (существительное) понятия.

Четыре указанных действия: *хаос – редукции* до денотата и десигната и построение на их основе *понятия* представляют собой поверхностную структуру сознания в её вербальном воплощении. Следующие действия создают его глубинную структуру.

Неустойчивость и разнообразие текстов, их хаос делают возможным *развитие*, начиная с *выбора* Основания и построения синтагматики семантической константы. Перебором новых текстов система «нащупывает карту возможностей, всё больше удаляясь от состояния равновесия», и «эта деятельность определяет, что в описании… системы существенно, а чем можно пренебречь» [15]. Семантическая константа – это вербальное оформление логически (ментально) постоянного, т. е. «первосмысла» концептума. Слова разного *значения* в вариантах констант передают ментально один и тот же *смысл*. Форма относительна, содержание абсолютно.

В силу вступает каузальная цепь причинности в реальном (условие – причина – цель) и идеальном составе, т. е. с добавлением ментального концептума в концептуальный квадрат. В итоге именно «*системный* взгляд на любое действие заставляет прогнозировать *цепочку последствий*» [3]. В самом начале движения находится «идеализированный образ», который и даёт «возможность проникнуть в глубинную суть вещей», в нашем случае – в концептум Основания как исходной точки развития. В конце концов, и «15 миллиардов лет тому назад вся материя и энергия, составляющие Вселенную, должны были быть сконцентрированы в точке, не имеющей измерения» [15]. Именно таков *концептум* – вневременная точка неразвёрнутого смысла, актуализирующегося в содержательных формах концепта.

Причинность в русском понимании есть также последовательность вхождений одного в другое. Применительно к нашему случаю это вхождение составов семантического треугольника в концептуальный квадрат с изменением самого состава: *вещь* становится помысленным *образом*, *идея – понятием, знак – символом*. В свою очередь концептуальный квадрат, становясь ментальной *парадигмой*, входит в широкое концептуальное *поле* человеческого сознания.

«Первосмысл». «В системе исходных гипотез желательно иметь и некий “постулат о начале”. Здесь произвол в выборе ещё больше» [11]. Из многих терминов, которые именуют такое «начало», избираем термин *концептум*.

Первосмысл, или, по А. Потебне, внутреннюю форму слова концептология понимает как *концептум* (от лат. *conceptum* «зерно»), который в процессе исследования преобразуется в Основание как начальную точку развёртывания причинности. О наличии *перводвигателя*, который сам не движется, писал ещё Аристотель (Метафизика, книга XII, 1072b). Это нечто, принадлежащее материи и форме *одновременно* («чистая граница отношений»), где материя представлена как *возможность* (реальная), а форма есть её акт (действие актуализации).

Вневременность бессознательного и есть концептум. Вневременная *точка* Основания, одинаково связанная со всеми тремя временами [16], устанавливает связи между ними, в границах которых прошлое как причина отталкивает, а будущее как цель притягивает. В результате «причина – в будущем как таковая» [2]. «Нет различия между прошлым и будущим, ибо всё присутствует во всевидящем разуме» вневременного [15], под которым мы понимаем концептум. Концептум «существует как несуществующее, ибо само небытие – всего лишь предельность Мира, а физический вакуум – основное понятие квантовой теории поля… Это состояние абсолютной семантической непроявленности (или ненаблюдаемости, как сказали бы физики), которое должно быть дополнено представлением о Потенциальности как о начале, порождающем семантические проявления» [12, с. 94].

Показана «Предзаданность конечных целей, которые *притягивают*, организуют состояние *самодостраивания* структуры на

основе аттракторов» цели. Аттрактор – «притягатель», от лат. *attrahere* «привлекать»). Тут важна интуиция: «в состоянии озарения, после выпадения из аттракторов, человеку-творцу остаётся только успевать записывать изливающиеся потоки мыслей, идей, образов. Не человек пишет, а ему пишется, не он говорит, а язык говорит через него. Мысли сами строятся, сами организуют себя», такова «предданность целого, которое *достраивается интуицией* по установочному плану», поскольку «блуждание по элементам наличного знания *неизбежно в озарении*» [5]. С. Аверинцев подчёркивал значение теории как абсолютного аттрактора: «Теория создаётся не как индуктивное обобщение опыта, а строится как бы сверху по отношению к опыту, т. е. так, как и учил великий Кант» [1].

Нет ничего удивительного, что понятие *концептума* выражено в теологических терминах – «в теоретической физике есть законы, которые (также) невозможно себе представить, их можно только сформулировать. Современная физика находит всё новые и новые *глубокие* закономерности, настолько далеко ушедшие от нашего повседневного здравого смысла, что мысленно увидеть их в качестве наглядных образов уже нельзя» [16]. То же самое относится и к проблемам когнитивистики. Это та, как представляется, мистическая область сознания в бессознательном, которая предстаёт как «не постижимая для нашего ума реальность, соединившая в себе противоположности – частица материи (корпускула) одновременно является волной» [17].

Выводы. Самое главное следствие проведённых сопоставлений состоит в том, что на их основе оправдывается суть концептологических «штудий»: авторская воля исследователя на основе хаотически представленных текстов, моделируя и структурируя их, создаёт законченную систему смыслов того, о чём думали и что знали в своё время авторы этих текстов. В результате исследования представленных текстов выявленный метатекст передаёт «отложенное знание», до поры скрытое в подсознании, но необходимое для понимания последующим поколением учёных скрытого смысла имплицитных высказываний.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Два рождения европейского рационализма // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 3–13.
2. Гефтер М. Я. История – позади? // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 3–15.
3. Кара-Мурза С. Г. Наука и кризис цивилизации // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 3–15.
4. Князева Е. И., Курдюмов С. П. Интуиция как самодостраивание // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 110–122.
5. Князева Е. И., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3–20.
6. Лейбниц Г. Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль,1984. 734 с.
7. Лефевр В. От психофизики к моделированию души // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 25–31.
8. Мамардашвили М. К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 3–18.
9. Марк В. Архаические корни аутизма // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 64–68.
10. Мигдал А. Б. Физика и философия // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 5–32.
11. Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3–28.
12. Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Реальность нереального. М.: Мир идей, 1995. 432 с.
13. Планк М. Религия и естествознание // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 25–36.
14. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–50.
15. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3–19.
16. Раушенбах Б. В. О логике триединости // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 63–70.
17. Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

Статья поступила в редакцию 20.09.2018; принята к публикации 16.10.2018

Библиографическое описание статьи

Колесов В. В. Синергийные связи концептов // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 6–12. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-6-12.

Vladimir V. Kolesov,
Doctor of Philology, Professor,
Saint Petersburg State University
(11 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia),
e-mail: prof.kolesov@gmail.com

Synergetic Relations of the Concepts

The article describes peculiarities of conceptology as a form of cognitive linguistics in relation to modern achievements of scientific knowledge, especially with quantum physics. On the basis of a series of philosophical works of the late 20th century, we show a complete similarity between these scientific areas in the distribution of material in the formulation of the problem, in the method, in synergetic relations of the source elements and end results. We give special attention to the category of Causality (*base – condition – cause – goal*) and the concept of "pervosmysl" in the form of *conceptum* (the timelessness of the unconscious). From the random *chaos* of the original *texts,* we reveal consistent reductions of the original *denotations* (synergetic relationship of subject value and volume concepts) on the basis of which a *semantic constant* is built, it synergically links all formulations of Causality in order to create a *metatext*, which reveals the underlying presentations of the concept. The *mental paradigm* in the sequence of elements is also created by synergetic relationship of all components of Causality and acts as a kind of *memory block*. Sequential imposition of mental paradigms to each other organizes the *conceptual field* of national consciousness in the deep reflection from the unconscious. All of these actions fit into the logic of *synergy* (i. e. assistance). Conceptology uses it to obtain clear answers relative to the virtual positions, because synergetics is a method of constructing order out of chaos in the dynamics of *self-organization*, based on logical *rules* of *selection* of relevant text units. We prove that conceptology as a theory of concepts of consciousness is an adequate reflection of the processes occurring in the real physical world.

Keywords: synergetic relations, semantic constant, mental paradigm, semantic triangle, conceptual field of the consciousness, "pervosmysl" of the concept

References

1. Averintsev, S. S. The two origins of European rationalism. Voprosy filosofii, no. 3, pp. 3–13, 1989. (In Rus.)
2. Gefter, M. Ya. Is history behind? Voprosy filosofii, no. 9, pp. 3–15, 1993. (In Rus.)
3. Kara-Murza, S. G. Science and the crisis of civilization. Voprosy filosofii, no. 9, pp. 3–15, 1990. (In Rus.)
4. Knyazeva, E. I., Kurdyumov, S. P. Intuition as self-building. Voprosy filosofii, no. 2, pp.110–122, 1994. (In Rus.)
5. Knyazeva, E. I., Kurdyumov, S. P. Synergetics as a new worldview: dialogue with I. Prigozhin. Voprosy filosofii, no. 12, pp. 3–20, 1992. (In Rus.)
6. Leibnits, G. F. Compositions. In 4 tons. M: Mysl',1984. T. 3. (In Rus.)
7. Lefevr, V. From Psychophysics to modeling of soul. Voprosy filosofii, no. 7, pp. 25–31, 1990. (In Rus.)
8. Mamardashvili, M. K. Consciousness as a philosophical problem. Voprosy filosofii, no. 10, pp. 3–18, 1990. (In Rus.)
9. Марк, В. Archaic roots of autism. Voprosy filosofii, no. 3, pp. 64–68, 1993. (In Rus.)
10. Migdal, A. B. Physics and philosophy. Voprosy filosofii, no. 1, pp. 5–32, 1990. (In Rus.)
11. Moiseev, N. N. Universal evolutionism. Voprosy filosofii, no. 3, pp. 3–28, 1991. (In Rus.)
12. Nalimov, V. V., Drogalina, Zh. A. The reality of the unreal. M: "Mir idei", 1995. (In Rus.)
13. Plank, M. Religion and natural science. Voprosy filosofii, no. 8, pp. 25–36, 1990. (In Rus.)
14. Prigozhin, I. Philosophy of instability. Voprosy filosofii, no. 6, pp. 46–50, 1991. (In Rus.)
15. Prigozhin, I. The rediscovery of time. Voprosy filosofii, no. 8, pp. 3–19, 1989. (In Rus.)
16. Raushenbakh, B. V. On the logic of triunity. Voprosy filosofii, no. 3, pp. 63–70, 1993. (In Rus.)
17. Stepin, V. S. Scientific knowledge and values of technogenic civilization. Voprosy filosofii, no. 10, pp. 3–18, 1989. (In Rus.)

Received: September 20, 2018; accepted for publication October 16, 2018

Reference to the article

Kolesov V. V. Synergetic Relations of the Concepts // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 6–12. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-6-12.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 81.1
DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-13-19

Яо Жун,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11),
e-mail: yao730@yandex.ru

Концепт «печаль» в русском языковом сознании (на фоне сравнения с китайским концептом)

Статья посвящена исследованию концепта «печаль» в русском языковом сознании. Актуальность работы определяется тем, что концепты негативных эмоций занимают уникальное место в русской языковой картине мира, но они остаются непонятными и малодоступными для большинства иностранных учащихся. Так что следует анализировать их на фоне сравнения с другой культурой. Исходя из представления о единстве речемыслительного акта, в котором языковое и логическое содержание представлены совместно, исследуем образное понятие и смысловые постоянные концепта «печаль». На основе изучения материалов в Национальном корпусе русского языка выделены все эпитеты, которые употребляются в сочетании со словом «печаль», и классифицированы типичные, реальные и образные признаки концепта «печаль». Установлено, что эти признаки проявляются либо сами по себе, либо извне, иначе – по авторскому произволу. А денотаты, которые проявляются семантическими константами, доказывают суть концепта «печаль». В отличие от русского представления, суть китайского концепта «печаль» понимается с помощью комбинации иероглифов. Кроме того, по поводу перевода слова «печаль» в художественных произведениях с русского на китайский язык доказано, что это слово входит в те лексические единицы, подбор абсолютно точных соответствий которым в китайском языке невозможен.

Ключевые слова: концепт «печаль», образное понятие, эпитеты, денотат, безэквивалентность

Введение. Как отмечает С. Г. Воркачев, «в конкурентной борьбе в российской лингвистической литературе» с начала 90-х годов прошлого века столкнулись «концепт», «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема» [2], «однако на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным здесь оказался концепт, по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования» [Там же, с. 41]. Таким образом, что в настоящее время следует признать, что именно концепт является ключевым понятием когнитивной лингвистики.

Лингвокультурология сосредоточивает внимание на отображении в языке духовного состояния человека и общества [12, с. 36]. В лингвокультурологии описание человеческих эмоций, как значимых областей жизни, относится к одной из сложных сфер. С помощью эмоций каждый человек познаёт окружающий мир через собственные ощущения и переживания, формирует и общается с другими людьми.

Существуют в русском языке соответствующие эмоциональные базовые концепты, к которым относятся и положительные, и отрицательные. К первым – «счастье», «радость», «надежда» и др.; а к последним – «печаль», «грусть», «скука», «тоска», «скорбь» и т. п. Концепт «печаль», будучи в числе отрицательных эмоциональных концептов, выражен одним из ключевых слов русской ментальности, занимает уникальное место в русской культуре и имеет яркую национально-культурную специфику.

Методология и методы исследования. Объектом исследования является концепт «печаль» в текстах русского языка. Цель исследования состоит в сравнении русских и китайских толкований изученного концепта с целью выявления личностно-образных и национально-символических смыслов.

Методов исследования несколько. В первую очередь чисто описательный, классифицируется и излагается полученный материал, и на этой основе даётся направление для дальнейших исследований. Затем используется метод сравнительно-сопоставительный, сравнивается исследуемый концепт в русской и китайской культурах с выявлением характеристик сходства и различий. Наконец, специально на русском материале используется метод когнитивного исследования, позволяющий углублённо описать содержательную суть концепта «печаль».

Результаты исследования и их обсуждение. В русском сознании концепт «печаль» очень давно описывается во многих видах русского народного творчества: в послови-

© Яо Жун, 2019

цах, поговорках, присказках и афоризмах, даже в обрядах, заговорах и ритуалах. Например, в пословицах: День меркнет ночью, а человек – печалью (о том, что человек так же печалится, как на улице темнеет); Не к месту печальна, не к добру весела (о человеке, который грустит и веселится не в то время и не в том месте); Печаль не красит, горе не цветит (о том, что человек станет мрачным и некрасивым, когда приходит к нему печаль); Ржа съедает железо, а печаль – сердце; Что червь в орехе, то печаль в сердце (о том, что печаль «разъедает» человека).

Как национально-специфичный концепт, русский концепт «печаль» обладает определённым содержанием. Он, как и другие концепты, имеет собственный запас признаков, что выделяет носителя русской культуры. Как считает А. Вежбицкая, языковое сознание имеет много разных уровней, оно содержит в себе как факты, лежащие на поверхности, так и факты, которые скрыты очень глубоко [1, с. 244]. Постараемся исследовать эти факты с двух сторон: со стороны определения перед именем и со стороны предиката после имени. По мнению А. А. Потебни, для русского сознания признаки важнее содержащих их предметов. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Полное описание того или иного концепта, значимого для определённой культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его выражения [10, с. 10]. В. В. Колесов выделяет четыре признака выражения концепта в форме прилагательного – *типичные, глубинные, интенсивные и длительные признаки* [13, с. 92].

В Национальном корпусе русского языка представлено всего 1836 документов, в которых дано 3246 предложений, описывающих слово «печаль». В этих материалах мы нашли 161 прилагательное, которое употребляется со словом «печаль». Классифицируем их по указанным четырём признакам:

Типичные признаки: горькая, грустная, душевная, сердечная, духовная, смертная, скорбная, тоскливая.

Глубинные признаки: большая, глубокая, глухая, гнетущая, густая, далёкая, дикая, долгая, едкая, жестокая, крикливая, кроткая, ласковая, лёгкая, лютая, маленькая, мягкая, негромкая, нежная, огромная, острая, светлая, сильная, смутная, строгая, суровая, твёрдая, тёмная, терпкая, тихая, тонкая, тучная, тягучая, тяжёлая, тяжкая, тупая, угрюмая, жгучая.

Интенсивные признаки: ангельская, бархатная, безвинная, безвыходная, безгласная, безграничная, бездонная, беззащитная, безличная, безмерная, безмолвная, безнадёжная, безысходная, беспомощная, бесконечная, бескорыстная, беспредельная, беспричинная, беспросветная, бессмертная, бессмысленная, благодушная, божественная, былая, великая, взрослая, влажная, внезапная, внутренняя, восточная, врождённая, высокая, весёлая, весомая, вселенная, всемирная, всенародная, всеобщая, глубинная, гордая, громадная, детская, длительная, древняя, жаркая, женская, живая, загадочная, задумчивая, застарелая, изначальная, изящная, искренняя, истинная, истовая, каменная, красивая, кроткая, лирическая, любовная, манерная, мечтательная, милая, мировая, молодая, молчаливая, мудрая, мужественная, напрасная, народная, настойчивая, настоящая, натуральная, невозможная, невыносимая, невыразимая, невысказанная, недвижная, неземная, незрячая, непонятная, неизбежная, неизбывная, неизлечимая, неизменная, неизмеримая, неизъяснимая, неиссякаемая, неисцелимая, необъяснимая, необыкновенная, необычная, неожиданная, неотвязная, неотступная, неподдельная, непомерная, непоправимая, непреодолимая, непривычная, несносная, неутешная, неутолимая, ностальгическая, ночная, общая, обильная, общественная, обычная, октябрьская, оправданная, осенняя, особая, откровенная, отчаянная, погребальная, показная, покорная, полная, постоянная, прекрасная, прелестная, природная, притворная, приятная, потаённая, поэтическая, прозрачная, пронзительная, простая, простодушная, просторная, разноцветная, реальная, робкая, русская, святая, скрытая, своеобразная, сдержанная, серьёзная, скупая, славянская, сладкая, сладостная, смешная, сознательная, сонная, сосущая, спокойная, старая, странная, таинственная, тайная, тёплая, терпеливая, томная, торжественная, трогательная, удручающая, умилительная, умиротворённая, усталая, холодная, хорошая, хрупкая, чёрная, человеческая, чистая, чувствительная, чудесная, чужая, чуждая, чуткая, элегическая, энергическая, юношеская.

Длительные признаки: вековая, вечная, извечная, мимолётная, тысячелетняя.

По классификации видно, что интенсивных определений больше всего, поскольку они используются свободно согласно авторскому желанию, носят «в какой-то степени» оценочный характер, дают метафорический

образ концепта, ср. *необъяснимая, невыносимая, безграничная* и т. д. Среди интенсивных определений встречаются и такие употребления, которые трудно понять без контекста: *торжественная печаль, бескорыстная печаль, чувствительная печаль,* хотя в них можно разбираться с помощью фрагмента (в контексте) в языковой ситуации.

Типичные признаки всегда постоянны, они указывают основное свойство концепта и раскрывают символ. Например, в типичные признаки входят такие прилагательные, как *горькая, душевная, сердечная*, ибо установлено, что печаль – это душевное переживание внутреннего мира человека, которое приносит ему горькое страдание. Типичные признаки представляют собой основные характеристики предметов, свойственных себе.

Глубинные признаки создают реальный образ и формируют актуальное понятие концепта, поэтому они не столь постоянны, но устойчивы при образовании словосочетания; ср.; *гнетущая печаль, смутная печаль, тяжёлая печаль* и т. п. Глубинные признаки представляют собой самые обыденные, образные признаки предмета. Типичный признак исходит из самой предметности изнутри, а глубинный привносится извне, интенсивный признак проявляется с другой стороны – со стороны субъективного ощущения. Длительные признаки очень редки, по существу ограничиваются определением, ср.: *вечная печаль*.

Кроме того, в русском языке у слова «печаль» возможны причудливые сочетания оксюморонов. Оксюмороны как стилистический приём обычно используются для более яркой характеристики описанного предмета. В оксюморонах основное предметно-логическое значение определений в большей или меньшей степени подавляется эмоциональным. Действительно, в таких сочетаниях, как *сладкая печаль, сладостная печаль, упоительная печаль,* первый компонент фактически теряет своё основное предметно-логическое значение и является средством выражения субъективного отношения автора к описываемому предмету. Именно поэтому оксюмороны всегда входят в состав интенсивных признаков. Оксюмороны часто встречаются в художественном дискурсе. Эти употребления своеобразны для русского языка и представляют русскую печаль отличающей от других национальных представлений этой эмоции. Несмотря на это, они не отражают концептуального ядра основного слова и в принципе могут возникать по авторскому произволу.

На втором этапе мы определяем денотатные признаки концепта «печаль» на основании предикатов текста, поскольку объём понятия в предметном значении слова мы можем установить в виде предикатов. На основе денотатов строим семантические константы.

На семантическом уровне лингвистическая константа проявляется в соотношении основания (исходного общего значения концепта) и трёх его следствий – условия, причины и цели действия [13, с. 28]. Из около двух тысяч текстов оказалось возможным выделить только несколько показательных примеров. Расположим их по четырём признакам:

1. Основания.

«Скорбь или печаль есть состояние души, томимой внутреннею болезнью, из самой души истекающею…» (В. А. Жуковский. О меланхолии в жизни и в поэзии, 1848).

2. Условия.

«Какой-то горькой изжогой поднималась откуда-то от желудка густая печаль» (Зиновий Юрьев. Смертельное бессмертие // Наука и жизнь. 2007); «Печаль его горька» (Марьяна Строева. Если бы знать… , 1990–2000); «Есть оттенок тоски – печаль, но она, скорее, связана с воспоминаниями прошлого и качается души» (А. С. Демидова. Бегущая строка памяти, 2000); «Печаль о происшедшем и прошедшем трогает нас через разум, а эмоции в этом случае развиваются в связи с опосредованным воздействием извне, а не изнутри организма» (Н. П. Бехтерева. Магия мозга и лабиринты жизни, 1994); «С возрастом я узнал: радость кратка, преходяща, часто обманчива, печаль вечна, благотворна, неизменна» (В. П. Астафьев. Царь-рыба, 1974); «Радости противополагается печаль, которая есть не что иное, как вышняя степень скуки» (Я. П. Козельский. Философические предложения, 1768).

3. Причина.

«Возникло пронзительно ясное ощущение свершения судьбы, и с ним смешалась печаль о потере чего-то странно милого, трогательного, хорошего» (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, 1960. Ч. 3); «На любом этапе нового стресса наблюдается печаль по поводу потери товарищей с острой эмоциональной болью и желанием вернуться на войну» (Будем жить, ребята... // Солдат, удачи, 2004); «Но главное – во всём увиденном ощущалась не столько печаль об уходящем времени, утраченных возможностях, сколько гордость за судьбу русского артиста» (Романтик вне большой дороги // Культура. 2002); «Печаль

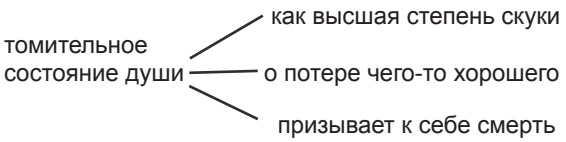
светит тихо, как неугаданная звезда, но свет этот не меркнет ни ночью, ни днём, рождает думы о ближних, тоску по любви, мечты о чём-то неведомом, то ли о прошлом, всегда томительно сладком, то ли о заманчивом и от неясности пугающе притягательном будущем» (В. П. Астафьев. Царь-рыба, 1974).

4. Цель.

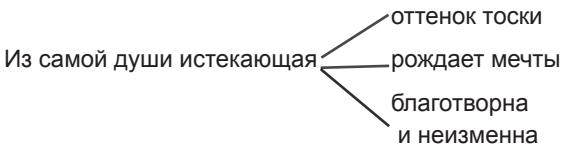
«Здесь чрезмерное отчаяние, а там сильная печаль призывает к себе смерть» (Е. Булгар, С. Платонов (перевод). Рассуждение против ужасов смерти, 1805).

На основании этих примеров можно сделать вывод о том, что печаль представляет собой одну из распространённых негативных базовых *эмоций*, возникает при отсутствии *удовлетворения* либо потере чего-либо. Это такое томительное чувство, которое противопоставляется *радости* и истекает из самой глубины души.

Системное отношение концепта «печаль» можно было бы представить в следующих видах:



что читается: печаль — это томительное состояние души, которое рождается как высшая степень скуки, по причине потери чего-то хорошего или думы о неясности будущего, наконец призывает к себе смерть.



что читается: печаль – из самой души истекающий оттенок тоски, который рождает мечты о благотворном и неизменном.

В литературных текстах XIX и XX веков также часто описывается концепт «печаль». Приведём примеры:

«Мне грустно и легко; печаль моя светла; печаль моя полна тобою» (А. Пушкин); «Человек, переживший опустошение своей нравственной жизни, не умея вновь населить её, старается наполнить её печалью об этом запустении, чтобы каким-нибудь стимулом поддержать в себе падающую энергию» (В. Ключевский); «Я мог переживать и тоску, и ужас, но не мог выносить печаль …Печаль душевна и связана с прошлым… Печаль лирична… Печаль очень связана для меня с чувством жалости» (Н. Бердяев).

Семантическая константа концепта «печаль» может представляться в следующих видах:

что читается: Печаль – это душевная забота жалости, представленная как поддержка пребывания страдания в прошлом.

В данных описаниях не трудно заметить, что сто лет назад люди испытывали печаль как заботу о другом, а наши современники считают печаль субъективно личным состоянием души. Это свидетельствует о том, что концепты довольно динамичны, содержание концептов зависит от изменений в массовом сознании, которые в свою очередь определяются изменениями в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей [5, с. 23].

Как одно из ключевых слов русской ментальности, слово «печаль» не имеет полного эквивалента в других языках, в том числе и в китайском языке. В большинстве случаев русское слово «печаль» переводится на китайский язык как *bei shang* (悲伤), или *bei* (悲） – в более сокращённом виде. Что касается этимологии китайского слова *bei*, мы можем объяснить его так: слово *bei* (悲) состоит из двух частей (иероглифов) – «нет» (非) и «сердце» (心). Таким образом, внешняя форма слова *bei* – неприятное чувство, которого человек сам не хочет, то есть когда он получает какой-то неудачный результат, вызывающий его неудовольствие. Другими словами, образное понятие представляется в китайском языке с помощью комбинации двух иероглифов.

Следует отметить, что в китайском языке *bei shang* обозначает не только печаль, но и грусть, и русское слово «печаль» переводится на китайский язык не только как *bei shang* (悲伤), но и ещё как *tong ku* (痛苦), которое представляет собой горькое ощущение, приносящее человеку боль. Итак, слово «печаль» в китайском языке, возможно, воспринимается по-разному, учитывая языковую ситуацию и смысл контекста. Например, в НКРЯ тоже найден такой фрагмент из классического текста И. Тургенева с китайским переводом: «Она до того была бледна, такая горькая печаль, такая глубокая усталость сказывалась в каждой её черте…» (И. С. Тургенев. Первая любовь, 1860). В параллельном китайском тексте печаль здесь одновременно переводится как *bei shang* и *tong ku*.

Заключение. Печаль отражается в русском языковом сознании многочисленными образами, имеет широкую ассоциативную направленность. Эмоциональные концепты, как отмечает А. Вежбицкая, содержат определённые «сценарии», на основе которых носитель языка может интерпретировать чувства и моделировать свои эмоции и отношения с другими людьми. Именно поэтому такие концепты дают бесценный ключ к пониманию культур и обществ [1, с. 343].

Следует указать на такие ярко выраженные национально специфические номинации эмоций в русском языке, как «печаль-тоска» или «тоска-печаль». Согласно существующей квалификации, они выступают как национально маркированные и обладают наличием номинантов-дублетов эмоций, принадлежащих безэквивалентной лексике, которые при помощи описательных средств могут передаваться в языке иной культуры. С семантической точки зрения, они представляют собой обозначения-дубликаты, трудно переводимые на другие языки. Их перевод на другой язык возможен только описательными номинативными средствами.

Этот лингвистический факт свидетельствует о глубокой, детальной специфике в русском сознании данной группы эмоций. Архитектонику концепта формирует само понятие (собственно когнитивный элемент сознания), а также ассоциируемые с ним образы, ценности и нередко оценки его продуцентов и носителей. Некоторые концепты этномаркированы, поскольку средой их рождения и функционирования является сама национальная культура. Свойственный ей концепт аккумулирует в себе множество понятийных, образно-ассоциативных и ценностных признаков. Эти признаки могут как частично пересекаться, так и не совпадать в сознании представителей разных социумов.

Можно сделать вывод о том, что современные люди понимают печаль как нестерпимую боль человека из-за безвозвратно потерянного или невозвратно счастливого прошлого. Как мучительная тяжесть, она длится без конца, являясь более неопределённым по сравнению с другими подобными эмоциями – скукой, тоской или грустью. Печаль – это символ, который включает в себя все подобные эмоции. Печаль занимает промежуточное положение между тоской и грустью, склоняясь ближе то к одному, то к другому. Вместе со скукой, тоской и грустью печаль входит в список ключевых лингвокультурных концептов, которые свойственны русскому сознанию, поскольку национальная специфика концептов проявляется в наличии различий в одноимённых концептах в разных национальных культурах, а также в наличии эндемичных, уникальных концептов, характерных только для одной культуры [16, с. 99].

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

2.Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.

3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

4. Красавский Н. А. Лингвистические методы исследования эмоциональной концептосферы // Лингвистическая панорама рубежа веков: материалы междунар. симп. молодых учёных. Волгоград: Перемена, 2000. С. 18–28.

5. Крючкова Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов. Саратов: Науч. кн., 2005. 164 с.

6. Кубрякова Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура: материалы междунар. конф. Тамбов, 1999. Ч. 1. С. 6–13.

7. Майданюк Д. В. Логоэпистематика как новое направление лингвокультурологии. Русская филология // Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. 2014. № 1–2. С. 46–49.

8. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007. 67 с.

9. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2002. 250 с.

10. Потебня А. А. Полное собрание трудов: мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.

11. Шайкевич А. Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок // Московский лингвистический журнал. 2005. № 2. С. 5–21.

Источники

12. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебник. М.: Флинта, 2010. 224 с.

13. Колесов В. В. Концептология: конспект лекций, читанных в сентябре–декабре 2010 г. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2012. 163 с.

14. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 592 с.

15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 09.09.2018).
16. Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / под ред. М. В. Пименовой. Кемерово, 2004. Вып. 4. 208 с.
17. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Статья поступила в редакцию 12.12.2018; принята к публикации 10.02.2019

Библиографическое описание статьи
Яо Жун. Концепт «печаль» в русском языковом сознании (на фоне сравнения с китайским концептом) // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 13–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-13-19.

Yao Rong,
Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University
(11 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia),
e-mail: yao730@yandex.ru

The Concept of “Sorrow” in Russian Language Consciousness (In Comparison with Chinese Concept)

The article is dedicated to the exploration of the concept of sorrow in Russian linguistic consciousness. The relevance of the work is determined by the fact that the concepts of negative emotions occupy an unique place in Russian linguistic picture of the world, but they remain incomprehensible and inaccessible to most foreign students. So it is necessary to analyze them against the background of comparison with another culture. Based on the idea of the unity of the speech-thinking act, in which the linguistic and logical content are presented together, we study the figurative notions and the semantic constants of the concept of sorrow. Based on the study of materials in The Russian National Corpus, all epithets that are used in combination with the word ‘sorrow’ are identified and typical, real and figurative signs of the concept of sorrow are classified. It is established that these signs are manifested either by itself, or from outside, or by the author’s arbitrariness. The denotata that are manifested by semantic constants prove the essence of the concept of sorrow. Unlike the Russian representation, the essence of the Chinese concept of sorrow is understood by the combination of hieroglyphs. In addition, with regard to the translation of the word ‘sorrow’ from Russian into Chinese in works of art, it is proved that it is included in those lexical units in which there is impossible to find accurate matches in the Chinese language.
Keywords: concept of sorrow, figurative notion, epithets, denotation, non-equivalence

References

1. Wierzbicka, A. Language. Culture. Knowledge. M: Russkie slovari, 1996. (In Rus.)
2. Vorkachev, S. Happiness as a linguocultural concept. M: Gnozis, 2004. (In Rus.)
3. Karasik, V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. M: Peremena, 2004. (In Rus.)
4. Kracavski, N. A. Linguistic methods of emotional concept sphere research. Proceedings of the International Symposium of young scientists. Linguistic paradigms: traditions and innovations. Volgograd, 2000: 18–20. (In Rus.)
5. Kryuchkova, N. V. Linguistic and cultural variation in concepts. Saratov, 2005. (In Rus.)
6. Kubryakova, E. S. Language consciousness and language picture of the world. Philology and culture. Proceedings of the international conference. Part 1. Tambov, 1999: 6–13. (In Rus.)
7. Maydanyuk, D. V. *Logoepistematics* as a new direction of linguistics. Russian Philology. Bulletin of Kharkiv National Pedagogical University named after G. S. Skovoroda, no. 1–2, vol. 51, pp. 46–49, 2014. (In Rus.)
8. Popova, Z. D., Sternin, I. A. Language and national picture of the world. Voronezh: “Istoki”, 2007. (In Rus.)
9. Popova, Z. D., Sternin, I. A. Semantic-cognitive analysis of language. Voronezh, 2002. (In Rus.)
10. Potebnya, A. A. Complete collection of works. Thought and language. M: Labirint, 1999. (In Rus.)
11. Shaikevich, A. Y. Russian linguistic picture of the world in a number of other pictures. Moscow Linguistic Journal, no. 2, pp. 5–21, 2005. (In Rus.)

Sources

12. Alefirenko, N. F. Cultural linguistics: axiological space language. M: 2010. (In Rus.)
13. Kolesov, V. V. The Present. SPb: 2012. (In Rus.)
14. Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., Kharitonov, A. A. Dictionary of Russian mentality in 2 volumes. SPB, 2014. (In Rus.)
15. The Russian National Corpus. (In Rus.)

16. Pimenova, M. V. Preface / Introduction to cognitive linguistics. Under the editorship of M. V. Pimenova. Vol. 4. Kemerovo, 2004. (In Rus.)
17. Stepanov, Y. S. Constants. Dictionary of Russian culture. M: 1997. (In Rus.)

Received: December 12, 2018; accepted for publication February 10, 2019

Reference to the article

Yao Rong. The Concept of “Sorrow” in Russian Language Consciousness (In Comparison with Chinese Concept) // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 13–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-13-19.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 811.222.1
DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-20-29

Анна Владимировна Березина[1],
доктор философии,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России
(119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76),
e-mail: a.berezina@inno.mgimo.ru
orcid: 0000-0003-2741-2956

Марина Дмитриевна Александрова[2],
преподаватель,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России
(119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76),
e-mail: m.d.aleksandrova@inno.mgimo.ru
orcid: 0000-0002-9848-3420

Концепт «смерть» в иранской культуре (на примере фраземики[3] персидского языка)

Статья посвящена изучению концепта «смерть» как культурно-семантического компонента фразеологических единиц персидского языка. Актуальность рассмотрения вербализации понятия «смерть» в иранской речевой культуре обусловлена недостаточной изученностью трактования данного концепта в отечественной иранистике. Результаты данной работы будут интересны востоковедам, иранистам, лингвистам и могут быть использованы в ходе дальнейшего лингвокультурологического анализа фразеологии персидского языка. Предметом исследования служат литературные и разговорные фразеологические единицы персидского языка, содержащие компонент *marg* («смерть»). При написании работы авторы использовали концептуальный анализ; приём сплошной выборки фразеологических единиц, характеризующих концепт «смерть» в персидском языке, из сборников пословиц и поговорок, а также толковых словарей; метод семантического анализа; лингвокультурологический анализ, позволяющий выделить универсальное и национально-специфичное в культуре Ирана; метод группировки. Подводя итог, авторы делают вывод о конструктивном отношении иранцев к смерти, что вписывается в систему общечеловеческих ценностей и поддерживает тезис об универсальности рассматриваемого феномена. Тем не менее, иранцы воспринимают смерть как последнее критическое событие в жизни человека. Влияние ислама на их мировосприятие прослеживается в разговорном языке, изобилующем фразеологизмами – клятвами и проклятиями, частотность появления лексемы *marg* в которых весьма велика. Эгоцентризм и, как следствие, болезненное восприятие небытия, находят отражение лишь в двух отмеченных нами фразеологических единицах, из чего следует вывод о непопулярности данных воззрений. Тема смерти во фраземах, трансформированных в агитационные лозунги, остаётся актуальной для продвижения в Иране господствующей доктрины и иллюстрации фундаментальных направлений внешнеполитического курса страны.

Ключевые слова: концепт, смерть, иранская культура, фраземика, персидский язык, ислам

Введение. Фразеология любого языка аккумулирует особенности исторического развития этноса, отображает фундаментальные моральные ценности и самобытность картины мира его представителей. Сокровищница народной мудрости – пословицы и поговорки – охватывает всю многогранность восприятия бытия человеком и иллюстрирует складывающиеся веками представления о «вечных вопросах» философии, в частности вопросе жизни и смерти. На протяжении всей истории феномен смерти – одно из основополагающих понятий, которое по-своему трактует каждая из мировых религий, – оказывал заметное влияние на развитие культур разных цивилизаций. Ему отводилась особая роль не только в жизни отдельного индивида, но и во всей культуре, где важность данной

[1] А. В. Березина – основной автор, осуществляла сбор, анализ и систематизацию материала исследования, формулировала выводы и обобщала итоги.

[2] М. Д. Александрова – организатор исследования, осуществляла анализ материала, оформляла статью.

[3] Фраземика – совокупность всех фразеологических оборотов в том или ином языке [Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология: учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.].

© Березина А. В., Александрова М. Д., 2019

темы значительно усиливалась системным качеством, а также резонансом совокупности мировоззрений. По словам исследователей Е. А. Клениной и А. Е. Пескова, «совокупность индивидуальных представлений о мире включает в себя такой неотъемлемый компонент, как представление о смерти, отношение к смерти, т. к. каждый человек, собирая своей биографией жизнесмертный континуум, творит уникальную композицию проявлений жизни и смерти» [9, с. 74].

Отношение к смерти – один из наиболее устойчивых факторов в истории человеческого общества и культуры, благодаря изучению которого становится возможным выявить тенденции в формировании взглядов на мир и моделей поведения [Там же, с. 73]. Восприятие ухода из жизни иранцами предстаёт в качестве одного из концептуальных моментов бытия и играет важную роль в понимании и культурных мировоззрений этого народа. Благодаря исследованию проявления данного устойчивого культурного феномена во фразеологических единицах (ФЕ) персидского языка, становится возможным выявлять определённые тенденции в создании жизненных установок и моделей поведения соответствующего этноса.

Общеизвестно, что к вопросу смерти обращались едва не все иранские философы, суфии[1] и богословы. Исследования по осмыслению эсхатологических воззрений Ибн Сины (XI–XII вв.) [17], Яхьи ас-Сухраварди (XII в.) [19], Муллы Садры (XVII в.) [17], аятоллы[2] Алламе Табатабаи (XX в.) [7] и т. д. не утрачивают актуальности и по сей день.

В современном Иране интерес к изучению восприятия небытия не ослабевает – появляются всё новые коранические исследования, толкования книги «Нахдж аль-Балага[3]», работы в области калама[4], фикха[5], изучение хадисов[6]. Из недавних изданий по шиитской эсхатологии можно назвать, например, работы шиитского богослова Алирезы Закизаде-Ронани об аде [4] и мосте Сират [5], расположенном над огненной преисподней и ведущем в рай; а также книги иранского исследователя Мехди Фарбуди о смерти в шиизме [14], пребывании в могиле [16], преисподней [13], судном дне [15] и др. Проводятся лингвистические и философские исследования отношения к смерти великих персидских поэтов-классиков Насира Хосрова (XI в.), Санаи (XI–XII вв.), Омара Хайяма (XI–XII вв.), Аттара (XII–XIII вв.), Джалаладдина Руми (XIII в.), Саади (XIII в.) и т. д., а также современных поэтов Нимы Юшиджа, Форуг Фаррохзад, Ахмада Шамлу, Сохраба Сепехри и т. д.

Как и в случае с анализом эсхатологических взглядов философов, в рассмотрении феномена смерти в творчестве литераторов большую роль играет личностный фактор: сумма знаний отдельно взятого человека, его индивидуальность и мировосприятие, образ и стадия жизненного цикла. По сведениям авторов, исследования философско-лингвистического аспекта концепта «смерть» на материале фраземики персидского языка ранее не проводились, хотя именно этот элемент устного народного творчества вбирает в себя глубину мысли и мудрость отдельно взятого этноса, его опыт и историческую память.

Актуальность изучения вербализации понятия «смерть» в иранской речевой культуре обусловлена недостаточной изученностью трактования данного концепта в персидском языке в отечественной иранистике.

Цели исследования – изучение культурно-семантического компонента *marg* в персидских фразеологизмах и выявление специфики данного концепта в системе эсхатологических представлений иранцев. Подобный концептуальный анализ на материале фраземики языка страны с самобытной культурой – Ирана – проводится впервые. Результаты данной работы будут интересны, в первую очередь, востоковедам, иранистам и лингвистам, занимающимся сравнительно-сопоставительными исследованиями, а также студентам, изучающим иранские языки, могут быть использованы в ходе дальнейшего лингвокультурологического анализа фразеологии персидского языка.

Методология и методы исследования. Предметом исследования служат литературные и разговорные фразеологические единицы персидского языка, содержащие компонент *marg* («смерть»). Основным источником выборки стали фразеологические сло-

[1] Суфий – последователь суфизма, мистико-аскетического течения в исламе.

[2] Аятолла – высший титул шиитских богословов, которые самостоятельно могут выносить решения по вопросам мусульманского права.

[3] «Нахдж аль-Балага» («Путь красноречия») – проповеди, письма и высказывания Али ибн Аби Талиба, собранные багдадским поэтом и шиитским улемом Шарифом Рази.

[4] Калам – наука о личностных и атрибутивных качествах Аллаха, сущности пророчества, конце бытия в соответствии с положениями Ислама.

[5] Фикх – исламский кодекс социальных норм.

[6] Хадис – сообщение о жизни пророка Мухаммеда, его высказывания на различные темы.

вари Х. Куроглы[1] и Е. Шокурзаде-Болури[2]. При написании работы авторы использовали концептуальный анализ; приём сплошной выборки ФЕ о смерти на персидском языке из сборников пословиц и поговорок, а также толковых словарей; метод семантического анализа; лингвокультурологический анализ, позволяющий выделить универсальное и национально-специфичное в культуре Ирана; метод группировки.

Результаты исследования и их обсуждение. Представления о бытии и небытии – это эталон, индикатор характера цивилизации, взяв за основу который, следует изучать закономерности развития человека, общества и культуры [1, с. 1]. Источником, формирующим такие представления и оказывающим колоссальное влияние на мировоззрение и убеждения индивида, является религия. Подавляющее большинство иранцев исповедуют ислам шиитского толка[3] – государственную религию страны.

Следует отметить, что в современной иранистике условно выделяют три подхода к пониманию и содержанию термина «иранская культура» [8, с. 164–169]. И в каждом из существующих подходов подчёркивается тезис о том, что ислам – это неотъемлемая часть синкретической культуры Ирана, которую иногда называют «ирано-исламской» (не «персидской»). Иранские лингвисты Х. Изанлу и Х. Голами в статье «Эфвемизация и дисфемизация концепта «смерть» в персидском языке» тоже отмечают ключевую роль мусульманских представлений о мире, жизни, Боге, смерти и т. п. в формировании языковой картины мира народа Ирана, а также неотделимость современной иранской духовной культуры от арабской [6, с. 180–181]. Шиизм же является фактором национальной общности иранцев, позволяющим народу, с одной стороны, быть причастным к исламской умме[4], а с другой – сформировать в своём сознании чёткое представление об этнической идентичности.

Ислам учит человека не бояться смерти, ибо кончина праведного мусульманина проходит без мук и страданий, легко и спокойно – он тихо переносится в иной мир, где жизнь смертная сменяется жизнью бессмертной, где его ждёт рай: «Поистине, те, которые говорят: “Господь наш – Аллах”, – а потом стоят прямо, на них нисходят ангелы. Не бойтесь, и не печальтесь, и радуйтесь раю, который вам обещан» [10, 41:30 (30)]. Поэтому весь земной жизненный путь человека (*donyā*), все его мысли и действия являются лишь подготовкой к моменту истины – перехода души в царство теней.

В Коране зафиксировано около двух тысяч аятов[5], объясняющих понятие *ma’ād*, – термин, который шииты[6] трактуют как загробную жизнь человека, его воскресение и возвращение [на Землю] [11, с. 443]. В исламской эсхатологии используется также синонимичное понятие *āxerat* – «ахират» («конец», «будущая жизнь») от ар. *āxar* («конец», «последний день», «то, что бывает после»), т. е. вечная жизнь в раю или аду.

Одно из ключевых понятий в исламе – арабский термин шахид (*букв*. «свидетель») – применяется к правоверным мусульманам, принявшим мученическую смерть на пути Аллаха: на войне, сражаясь за свою веру, семью, честь или Родину. Согласно Корану, мученикам будет даровано отпущение грехов, они не замечают смерти – их души сразу попадают в рай и радуются нерушимым счастьем: «Не говорите о тех, которых убивают на пути Аллаха: “Мёртвые!” Нет, живые! Но вы не чувствуете» [10, 2:149 (154)]. Культ мучеников особенно актуален в мировосприятии шиитов – почти все двенадцать имамов[7], признаваемые шиитами-двунадесятниками, объявлены шахидами. В целом самопожертвование характерно для монотеистических религий. Так, понятие «шахид» отразилось на самосознании иранского народа и пробудило в них готовность безропотного принятия мученической смерти, очищающей душу и дарующей отпущение грехов. Жертвенность стала философской основой борьбы и в ходе Исламской революции 1979 года, и во время Ирано-иракской войны (1980–1988). Данный термин вошёл в политическую терминологию современного персидского языка, расширив своё исконное значение. В 8-томном толковом словаре персидского языка под редакцией доктора Х. Анвари приводится следующее

[1] Куроглы Х. Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова с переводом на русский язык. – Тегеран: Кийа, 1992. – 615 с.

[2] Шокурзаде-Болури Е. Двенадцать тысяч персидских пословиц и тридцать тысяч их эквивалентов. – Мешхед: Астан-э Годс-э Разави, 2001. – 1138 с.

[3] Шиизм – течение в исламе, возникшее во второй половине VII в. среди арабских племён, поддержавших Али ибн Аби Талиба, двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда.

[4] Умма – мусульманская община, исламский мир.

[5] Аят – мельчайшая структурная единица Корана, стих.

[6] Шииты – приверженцы шиизма, признавшие Али ибн Абу Талиба и его потомков единственно законными наследниками и приверженцами пророка Мухаммеда.

[7] Имам – духовный глава шиитов, исполняющий обязанности посредника между человеком и Богом.

определение термина: «Тот, кто погиб (был убит) во имя идеалов, в частности, идеалов веры или Родины»[1]. В общественно-политической лексике современного персидского языка так называют героев, погибших на фронте, а также невинных жертв терактов, военных действий или стихийных бедствий [2, с. 257].

В этой связи стоит упомянуть о термине *jahād* (джихад), традиционно толковавшемся как «война с неверными, война (борьба) за веру», который в современном Иране приобрёл значение «борьба за достижение политических, идеологических или экономических целей» [Там же, с. 256–257].

Мусульмане верят в то, что после смерти физического тела душа человека попадает в промежуточное состояние барзах (ар. *barzax* – «преграда»), в котором пребывает вплоть до дня Воскресения. Этот промежуточный период можно назвать преисподней, и состояние умершего в ней весьма схоже с состоянием человека, вызванного в судебное ведомство для изучения его деяний, где рассматривается его досье, где он подвергается допросам и ждёт судного дня [12, с. 61]. «А когда придёт к одному из них смерть, он скажет: “Господи, верни меня: может быть, я сделаю благое в том, что оставил”. Так нет! Это – слово, которое он говорит, а за ними – преграда до того дня, как они будут воскрешены» [10, 23:101 (99), 23:102 (100)]. В целом данный термин трижды упоминается в Коране [18, с. 62].

День Воскресения очень подробно описан в Коране [10]. Вера в этот Судный день – важный фактор для побуждения человека к праведности и воздержании от дурных поступков: «Поистине, для тех, кто сбивается с пути Аллаха, – сильное наказание за то, что они забыли день расчёта!» [Там же, 38:25 (26)].

После Суда Аллаха праведники обретают вечное счастье и блаженство в раю (джаннат), грешников же ожидает объективное наказание – ад (джаханнам). «Всякая душа вкусит смерть, и вам сполна дадут ваши награды в день воскресения. И кто будет удалён от огня и введён в рай, тот получил успех. А ближайшая жизнь – только пользование обольщением» [10, 3:182(185)].

В персидском языке количество лексических единиц, вербализирующих понятия «смерть», «кончина», «небытие» и т. д., достаточно велико. К ним относятся слова персидского и арабского происхождения: *marg, dargozašt, nābudi, nisti, mowt, fowt, vafāt, fana, rehlat, ertehāl, zavāl, halāk, ajal* и т. д. Во фраземике персидского языка зафиксирована наибольшая частотность употребления универсальной и многозначной лексемы *marg*, которую можно назвать словом-символом, отражающим мир материальной, социальной и духовной культуры иранцев [3, с. 43].

Существительное *marg* («смерть») является производным от простого глагола[2] *mordan* («умирать») (от среднеперсидского[3] *murtan*). В упомянутом толковом словаре Х. Анвари[4] приводится следующая дефиниция лексемы *marg*: 1. Полное и константное прекращение жизнедеятельности. 2. (*Перен.*) Уничтожение. 3. (*Разг.*) Проблема, неприятность, боль. 4. (*Мист.*) Освобождение от ограничений и земных привязанностей, забвение материального мира. Примечательно, что в двухтомном «Персидско-русском словаре» Ю. А. Рубинчика[5] зафиксировано только одно значение лексемы *marg* – «смерть, кончина».

Проанализировав истолкование концепта «смерть» во фраземике персидского языка, можно выделить ряд характеристик и ассоциаций, раскрывающих место этого феномена в когнитивной картине мира иранцев.

1. Смерть как предопределённость, неизбежность.

Примером тому могут служить следующие ФЕ: *ādamizād toxm-e marg ast* (*букв.* «люди – семена смерти») означает то, что исход всего человечества предрешён; *marg čāre nadārad* или *ādami rā az marg čāre nist* («смерть не предотвратишь [*букв.* безвыходна]») и её вариант (*шутл.*) *marg va mihmān čāre nadārad* («смерть и гости неизбежны»); *‘omr agar hezār sāl ast āxaraš marg ast* («хоть тысячу лет прожить, всё закончится смертью»).

Безрезультатность борьбы с законами бытия отражают фраземы: *bā marg dast o panje narm kardan* («бороться со смертью») используется для характеристики бесполезного, бессмысленного действия; *nušdāru ba’d*

[1] Анвари Х. Большой толковый словарь «Сохан». Тегеран: Сохан, 2002. – Т. 5. – 5136 с.

[2] Простой глагол в персидском языке состоит из одного слова, в котором, если оно берётся в форме инфинитива, выделяются две морфемы – основа прошедшего времени и суффикс -an [Рубинчик Ю. А. Грамматика персидского литературного языка. – М.: Вост. лит. РАН, 2001. – 600 с.].

[3] Среднеперсидский язык (пехлеви) – мёртвый среднеиранский язык юго-западной группы, литературный и официальный язык Персии в эпоху правления династии Сасанидов (III–VII вв.).

[4] Анвари Х. Большой толковый словарь «Сохан». – Тегеран: Сохан, 2002. – Т. 7. – 7585 с.

[5] Персидско-русский словарь: в 2 т. Т. 2 / под ред. Ю. А. Рубинчика. – М.: Сов. энцикл., 1970. – 848 с.

az marg-e Sohrāb («[принести] лекарство после смерти Сохраба[1]») подчёркивает тщетность попыток изменить предначертанное, необратимость смерти и иногда осуждает несвоевременные или запоздалые меры (*ср.*: «мёртвому припарки»).

2. Смерть как всеохватывающее понятие.

Равенство всех живущих перед смертью отображают ФЕ: *marg pir o javān nemišenāsad* («смерть не разбирает ни старого, ни малого»); *marg be faqir o qani negāh nakonad* («смерть не разбирает [*букв*. не смотрит], беден или богат»), *marg šotori ast ke dar-e har xānei mixābad* («смерть – верблюд, который ложится у порога каждого дома»).

Неудивительно использование лексемы *marg* как универсального понятия во фразеологизмах, подчёркивающих неравенство социального положения индивидов: *ādam-e faqir margaš bisedā ast* и его вариант *ādam-e gedā margaš nadārad sedā* («бедный умирает тихо»), т. е. никто не замечает смерти неимущего человека; *nang-e bozorgān va marg-e faqirān sedā nadārad* и его разновидности *nang-e amir va marg-e faqir sedā nadārad*, *marg-e foqarā va nang-e ʻaqniyā sedā nadārad* («позор богатых и смерть бедных неслышны»), т. е. удел неимущих – забвение, так же, как забвению предают пороки сильных мира сего.

3. Неожиданность прихода смерти.

Внезапность кончины фиксирует фразема *marg xabar nemikonad* «смерть не сообщает [о своём приходе]».

4. Смерть как устранение кого-л. неприятного.

Смерть как средство освобождения от ненавистных людей в семье, окружении и обществе, «злопожелание» родственникам предстаёт в следующих ФЕ: (*груб.*) *xor-xor-e marg-e mādarzan az če-če-ye bolbol behtar ast* («предсмертное хрипение тёщи лучше трелей соловья»); (*груб.*) *marg-e zan hič kam az lezzat-e dāmādi nist* («смерть жены – удовольствие не хуже женитьбы»). Данные ФЕ могут употребляться в шутливой форме в разговорной речи. Выражение *marg-e nākasān xolāsi-ye bikasān ast* «смерть бесчестных – освобождение для угнетённых» демонстрирует желание бедных избавиться от ига власть имущих.

5. Смерть как уничтожение.

К персидским выражениям, раскрывающим коннотативное значение лексемы *marg* («уничтожение»), относят, например, глагольные фразеологизмы *…marg nadārad* (*букв*. «что-л. не имеет смерти»), т. е. служит вечно, не изнашивается и не портится; *marg kardan* («принести [*букв*. сделать] чему-л. смерть») используется как синоним глагола *xordan* («кушать, есть») с неодобрительной, осуждающей коннотацией.

6. Смерть как проклятие.

Ислам рекомендует верующим поминать имя Бога как можно чаще, поэтому разговорный персидский язык изобилует славословиями и клятвами с употреблением слова «Аллах» и различных его эквивалентов. Весьма распространены клятвы-фраземы с лексемой *marg*: *marg-e man/marg-e xodam* (*букв*. «[да чтоб] моя смерть»), *marg-e to/marg-e xodat* (*букв*. «[да чтоб] твоя смерть») в значении «клянусь [своей жизнью]», «да чтоб я умер/провалился». Используются также проклятия: *xodā margat bedehad* (*букв*. «да пошлёт тебе Бог смерть»), *xodā margam bedehad* (*букв*. «да пошлёт мне Бог смерть») и т. д.

Одной из разновидностей проклятия может считаться и фразеологизм *marg mixāhi borow Gilān* (*букв*. «ищешь смерти – поезжай в Гилян»), в значении «чем ты недоволен?», «чего тебе не достаёт?». Гилян – это северная провинция Ирана, расположенная на побережье Каспийского моря, в которой когда-то была распространена малярия. Данное выражение может нести шутливый характер и произносится в адрес людей, которые недовольны жизнью. Но чаще оно употребляется в тех случаях, когда исчерпаны все весомые аргументы, а убедить оппонента никак не удаётся. Иногда иранцы используют и более сильное экспрессивное проклятие – *marg-o-jask/jasg* (*букв*. «смерть да напасть») или просто слово *marg* для выражения недовольства, досады, раздражения, гнева или как ругательство.

7. Смерть как проблема, неприятность, болезнь, боль.

В некоторых разговорных ФЕ персидского языка лексема *marg* употребляется в коннотативном значении «неприятность», «проблема», «болезнь» и т. д. Например, фраземы (*груб.*) *margat čist?* (*букв*. «в чём твоя смерть?» и её аналоги *če margat ast? če margi dāri?* (*букв*. «какая у тебя смерть?») в значении «что у тебя случилось?», «чего ты хочешь?», «чего тебе не хватает?»; *če margam ast?* («что со мной [происходит]?»). К числу ФЕ, в которых лексема *marg* употреблена в подобном значении, можно отнести следующие: *marg-e xar ʻarusi-ye sag ast* (*букв*.

[1] Сохраб – легендарный богатырь, один из героев поэмы «Шах-наме» Фирдоуси (935–1020).

«смерть осла [служит причиной] свадьбы собаки»), т. е. что одному хорошо, то другому – плохо/смерть; *marg rā be češm didan* (*букв*. «увидеть смерть [своими] глазами», «встретиться лицом к лицу со смертью», т. е. столкнуться с большими трудностями, проблемами, тяжёлой болезнью; *tars barādar-e marg ast* («страх – спутник [*букв*. брат] смерти») – это выражение персы раньше употребляли, чтобы поднять боевой дух воинов, теперь же семантика пословицы изменилась – она означает, что страх влечёт за собой большие неприятности; *marg-e novat mobārak bād* (*букв*. «поздравляю [тебя] с новой смертью») употребляется, когда у кого-л. идёт череда негативных событий (*ср*.: пришла беда – отворяй ворота); *marg be ambuh jašn ast* («смерть вместе со всеми – праздник»), т. е. собственные беды, горести и напасти переживаются легче, когда окружающие испытывают те же проблемы (*ср*.: на миру и смерть красна), иногда данная ФЕ может употребляться в значении «вместе и умирать веселее»; *marg yek bār, šivan yek bār* («смерть приходит один раз, один раз её и оплакивают») используется в назидание кому-л., когда стоит попытаться сделать что-л., даже если не уверен в успехе (*ср*.: «попытка – не пытка»). Иногда так иранцы говорят при затянувшемся оплакивании усопшего, а также в адрес людей, которые без конца на что-нибудь жалуются. Похожую семантику имеет ФЕ *yek šab tab, yek šab marg* (досл. «один вечер – лихорадка, один вечер – смерть»).

ФЕ *az marg-e mā bizāri* (*букв*. «ты далёк от нашей смерти») употребляется в адрес более удачливого и счастливого человека как недоброе пожелание перенести тяжёлые жизненные испытания, потрясения. Похожей семантикой обладает разговорное выражение *be marg gereftan tā be tab rāzi kardan-e kasi* (*букв*. «грозить смертью, чтобы кто-л. согласился на лихорадку»). Данный фразеологизм употребляется в случаях, когда кому-л. создают худшие условия для того, чтобы тот согласился на плохие (*ср*.: «из двух зол выбирать меньшее»); просить больше, чтобы получить хоть что-нибудь.

8. Смерть как сон.

В попытке разгадать некоторые феномены разума и различных физиологических состояний человека, в частности сна, возникло такое выражение: *xāb barādar-e marg ast* («сон – брат смерти») – этим иранцы объясняют природу сна. В персидском языке существует фразеологический глагол *kappe-ye marg gozāštan* (*букв*. «впасть в мертвецкий сон»), эквивалентный глаголу *xābidan* – «спать», а словосочетание *xāb-e marg* («глубокий, продолжительный сон») является метафорой смерти (*ср*.: «вечный сон»).

9. Смерть как рок.

Субъективность и эгоцентризм вызывают болезненное восприятие небытия, обострённое внимание к проблеме смерти и необходимости её преодоления. В некоторых ФЕ зафиксировано явное нежелание сталкиваться с этой данностью: *marg haqq ast ammā barāye hamsāye* («смерть – закон, но для соседа») и её вариант *marg xub ast barāye hamsāye* («смерть хороша для соседа»); *marg xābi nāmarqub va āsāyeši nāxāhān ast* («смерть – дурной сон и нежеланное успокоение»).

Убеждение мусульман в том, что после смерти физического тела они покинут этот бренный мир навсегда, породило несколько эгоистичное отношение ко всему материальному: *donyā pas az marg-e mā če daryā če sarāb* («после смерти мир будь хоть морем, хоть пустыней»). Восприятие смерти как рока подразумевает внимание к земной жизни и наслаждение её благами, соответственно, порицание скорби и печали о кончине раньше срока: *piš az marg vāveylā* («причитать до [прихода] смерти [начинает]»).

10. Смерть как небытие.

В отдельную группу можно отнести персидские ФЕ по различной тематике, в которых слово marg употреблено в денотативном значении: *ču vaqt-e marg-e mār āyad begerd-e rahgozar gardad* («когда змее сдохнуть пора, она ищет путника»), которую произносят в адрес того, кто берётся за очень опасное дело; *marg-e mārgir āxar be dast-e mār* ast и её вариант *mārgir rā āxar mār mikošad* («смерть змеелова от [укуса] змеи»); *towbe-ye gorg marg ast* («клятва волка – это смерть») о невозможности изменить натуру (*ср*.: «сколько волка не корми, а он всё в лес смотрит»).

11. Смерть как политическая метафора.

Одним из богатейших пластов фразеологии являются обороты, связанные с преобразованиями в общественной жизни страны. В XX веке тема смерти, в частности героизация идеи отдать свою жизнь за Родину, вошла в политический дискурс и породила лозунг, используемый для поддержания революционного духа народа и ставший частью современной фразеологии персидского языка: *Yā marg yā esteqlāl!* («Смерть или независимость!»). Одним из самых известных политических слоганов в Иране является трансформированный фразеологизм[1] *marg bar…* (*букв*.

[1] Трансформированный фразеологизм – импровизированное изменение фразеологизма в экспрессивно-стилистических целях.

«смерть (тому-то)»), который принято переводить на русский язык выражением «долой того-то/что-то». Его скандировали ещё в ходе Исламской революции 1979 года, но эта фразема не утрачивает своей актуальности и сегодня. После пятничного намаза[1], по окончании или даже во время произнесения проповедей, публичных речей и обращений к народу президента или духовного лидера (рахбара) Исламской Республики Иран публика скандирует следующую рифмовку: *Marg bar Āmrikā, marg bar Esrā'il, marg bar Engelis, marg bar monāfeqin-e velāyat-e faqih, marg bar Āmrikā!* («Долой Америку, долой Израиль, долой Англию, долой противников [доктрины] велаят-э факих[2], долой Америку!»). В целом метафоричность является главной особенностью современного политического общения. Так, лексема *marg* в данном случае использована во втором словарном значении – а именно как желание прекращения выбранной названными странами стратегии в отношении Ирана. Приведённый выше лозунг в полной мере отражает современный политический курс и основные идеи, на которых зиждется внешняя политика страны, и название страны в нём может меняться в соответствии с целями агитации, что позволяет политикам ловко манипулировать общественным сознанием.

Заключение. Говоря о культурном коде иранцев, следует отметить наличие в нём конструктивного отношения к смерти, то есть принятие её как естественного и необходимого фактора, который выражен в ФЕ о предопределённости существования, неизбежности кончины, равенстве всех живущих перед смертью [9, с. 74]. Данные смысловые характеристики концепта «смерть» вписываются в систему общечеловеческих ценностей, являются абсолютным стандартом для многих этносов. Так, присутствие подобных эсхатологических представлений в лингвокультурах других народов поддерживает утверждение об универсальности рассматриваемого феномена.

Тезис о конструктивном отношении иранцев к смерти подтверждает и наиболее высокая частотность ФЕ в разговорном персидском языке, в которых лексема *marg* употреблена в значении «проблема», «неприятность», «болезнь», «боль», для характеристики неудач, разного рода действий, состояний и т. д. Использование философской категории прекращения физического существования для иллюстрации жизненно-бытовых вопросов, то есть «обытовление» понятия, свидетельствует также о принятии иранцами смерти как крайне неприятной, но неизбежной данности.

Восприятие состояния небытия как вечного сна также нашло отражение во фраземике персидского языка, объясняющей природу данного биологического явления. Яркие национальные черты несут ФЕ с зоонимическим компонентом, ведь человек тесно взаимодействует с окружающим его животным миром, который является уникальным природным ресурсом территории обитания каждого из этносов. В этой связи характерно проведение аналогии между смертью и верблюдом, что можно назвать традиционным образным сравнением [3, с. 43].

На картину мира иранцев огромное влияние оказал ислам, пришедший в Персию в VII веке. Обещание вечной жизни, описание красоты и наслаждений рая в Коране должны были способствовать спокойному принятию физической кончины и даже вызывать у человека стремление к обещанному успокоению и освобождению, облегчению от бремени жизни. Однако фразеологических единиц с семантикой «избавляющего принятия», транслирующих твёрдую веру в счастливую загробную жизнь, авторами зафиксировано не было. Это позволяет сделать вывод о том, что иранцы рассматривают смерть как последнее критическое событие в жизни человека.

Так как поминание Всевышнего в исламе приветствуется, разговорный персидский язык изобилует фразеологизмами – клятвами и проклятиями, причём частотность появления в них лексемы *marg* весьма велика. Такие «злопожелания» являются экспрессивными речевыми формулами, их смысловое наполнение во многом зависит от контекста или ситуации: это могут быть как шутливо-иронические, так и уничижительно-пейоративные высказывания, демонстрирующие ярко выраженную негативную позицию в восприятии смерти.

Эгоцентризм и, как следствие, болезненное восприятие небытия, находят отражение лишь в двух найденных нами ФЕ, из чего следует вывод о непопулярности данных воззрений среди иранцев. Также зафиксировано одно выражение, призывающее фокусироваться на земной жизни, избегая размышлений на тему кончины. Следовательно, деструктивное отношение к смерти, т. е. её

[1] Намаз – ежедневная молитва мусульман.

[2] Велаят-э факих (вилаят аль-факих) (букв. «государство просвещённых») – политико-правовая доктрина шиитов-двунадесятников, подразумевающая правление компетентного шиитского богослова; после Исламской революции 1979 г. – политический строй Исламской Республики Иран.

игнорирование и изгнание из повседневности [9, с. 74], иранцам не свойственно.

Тема смерти в ФЕ, трансформированных в агитационные лозунги, остаётся актуальной для продвижения в Иране господствующей доктрины и иллюстрации фундаментальных направлений внешнеполитического курса страны.

Список литературы

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
2. Гладкова Е. Л. Пути развития общественно-политической лексики современного персидского языка. М.: МГИМО-Университет, 2013. 316 с.
3. Голева Г. С. Фразеология современного персидского языка. М.: Муравей, 2006. 224 с.
4. Закизаде-Ронани А. Преисподняя: гигантское логово. Кум: Агиг-е эшг, 2012. 184 с.
5. Закизаде-Ронани А. Сират: мост над преисподней. Кум: Агиг-е эшг, 2012. 152 с.
6. Изанлу Х., Голами Х. Эвфемизация и дисфемизация концепта «смерть» в персидском языке [Электронный ресурс] // Молодой учёный. 2012. № 8. С. 180–185. Режим доступа: https://www.moluch.ru/archive/43/5213 (дата обращения: 25.08.2018).
7. Кальбаси-Аштари Х., Нагви З. Истина смерти, её виды и ступени с точки зрения Алламе Табатабаи // Габестан. 2015. С. 5–28.
8. Каменева М. С. О трёх подходах к понятию «культура» в ИРИ // Иран при М. Ахмадинежаде. М.: ИВ РАН, 2013. 220 с.
9. Кленина Е. А., Песков А. Е. Отношение к смерти как условие формирования различных типов культуры // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2015. № 1. С. 73–77.
10. Коран. Перевод И. Ю. Крачковского. Ростов н/Д.: Феникс, 2017. 537 с.
11. Месбах-Йезди М.-Т. Учение Корана: Богословие, естествознание, антропология: сборник трудов аятоллы Месбаха. Кум: Образов. и исслед. ин-т им. Имама Хомейни, 2013. 496 с.
12. Табатабаи М. Х. Шиизм в исламе [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.docplayer.ru/38960782-Shiizm-v-islame-seyid-mohammad-huseyn-tabatabai.html (дата обращения: 26.08.2018).
13. Фарбуди М. Барзах: что происходит после смерти? Тегеран: Агиг-е эшг, 2012. 136 с.
14. Фарбуди М. Вкус смерти. Кум: Агиг-е эшг, 2012. 192 с.
15. Фарбуди М. Киямат: день великого раскаяния. Кум: Агиг-е эшг, 2012. 224 с.
16. Фарбуди М. Могила: коранические исследования и предания. Кум: Кум, 2009, 192 с.
17. Шахголи А. Причины смерти с точки зрения Ибн Сины и Муллы Садры // Исследовательский журнал по исламской философии и теологии университета им. Шахида Бехешти. 2001. № 31. С. 109–118.
18. Хаджати-Шураки С., Фарйаб М. Сравнительное исследование судьбы человека после смерти в зороастризме и исламе // Религиозные учения. 2017. № 30. С. 53–74.
19. Хейдари-Нури Р. Полёт души и жизнь после смерти с точки зрения Сухраварди // Теологический научно-исследовательский журнал. 2011. № 2. С. 51–70.

Статья поступила в редакцию 03.10.2018; принята к публикации 09.12.2018

Библиографическое описание статьи

Березина А. В., Александрова М. Д. Концепт «смерть» в иранской культуре (на примере фраземики персидского языка) // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 20–29. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-20-29.

***Anna V. Berezina*[1],**
Doctor of Philosophy,
Moscow State Institute of International Relations (University),
the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(76 Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russia),
e-mail: a.berezina@inno.mgimo.ru
orcid: 0000-0003-2741-2956

***Marina D. Alexandrova*[2],**
Lecturer,
Moscow State Institute of International Relations (University),
the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(76 Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russia),
e-mail: m.d.aleksandrova@inno.mgimo.ru
orcid: 0000-0002-9848-3420

The Concept of "Death" in the Iranian Culture (on the Example of Persian Idioms)

The article is dedicated to the study of the concept of "death" as a cultural and semantic component of phraseological units of the Persian language. The relevance of the verbalization of the concept of "death" in the Iranian speech culture is due to the insufficient knowledge of the interpretation of this concept in Iranistics in Russia. The results of this work will be of interest to orientalists, iranologists, linguists, and can be used in the further linguistic and cultural analysis of the phraseology of the Persian language. The subject of the research is the literary and colloquial phraseological units of the Persian language containing the marg ("death") component. When writing the work, the authors used conceptual analysis; reception of a continuous sample of phraseological unit about death in the Persian language from the collections of proverbs, as well as explanatory dictionaries; method of semantic analysis; linguoculturological analysis, which allows distinguishing the universal and national-specific in the culture of Iran; method of grouping. Summing up, the authors conclude about the constructive attitude of the Iranians to death, which fits into the system of universal values and supports the thesis of the universality of the phenomenon under consideration. However, the Iranians view death as the last critical event in a person's life. The influence of Islam on their perception of the world can be seen in the spoken language, full of phraseological units-oaths and curses, the frequency of occurrence of the "marg" lexeme which is very high. Self-centeredness and, as a consequence, painful perception of nonexistence is reflected only in two phraseological units found by us, from which follows the conclusion of the unpopularity of these views. The theme of death in phrases transformed into propaganda slogans remains relevant for the promotion of the dominant doctrine in Iran and the illustration of the fundamental directions of the country's foreign policy.

Keywords: concept, death, Iranian culture, idioms, the Persian language, Islam

References

1. Ar'es, F. Man in the face of death. M: Progress, Progress-Akademiya, 1992. (In Rus.)
2. Gladkova, E. L. Development of political vocabulary of modern Persian language. M: MGIMO–Universitet, 2013. (In Rus.)
3. Goleva, G. S. Phraseology of the Modern Persian Language. M: Muravey, 2006. (In Rus.)
4. Zakizade-Ronani, A. Barzakh: a giant lair. Qom: Agig-e ehshg, 2012. (In Pers.)
5. Zakizade-Ronani, A. Sirat: bridge over the underworld. Qom: Agig-e ehshg, 2012. (In Pers.)
6. Izanlu H., Golami H. Death Euphemism and Dysphemism in the Persian Language. Molodoi uchenyi, no. 8, pp.180–185, 2012. Web. 25.11.2018. https://moluch.ru/archive/43/5213/ (In Rus.)
7. Kal'basi-Ashtari, H., Nagvi, Z. The truth of death, its types and degrees from the point of view of Allameh Tabatabai. Gabestan, 2015. (In Pers.)
8. Kameneva, M. S. Three approaches to the notion of "culture" in IRI. // Iran pri M. Ahmadinezhade. M: IV RAN, 2013. (In Rus.)
9. Klenina, E. A., Peskov, A. E. Attitude to death as a condition of formation of different types of culture. Vestnik of Astrakhan State Technical University, no. 1 (59), pp. 73–77, 2015. (In Rus.)
10. Quran. transl. of Krachkovskiy, I. Yu. Rostov n/D: Feniks, 2017. (In Rus.)
11. Mesbah-Jezdi, M.-T. Teachings of the Quran: Theology, natural science, anthropology. Collection of works by Ayatollah Mesbah. Qom: Imam Khomeini education research institute, 2013. (In Pers.)
12. Tabatabai, M. H. Shi'ism in Islam. Web. 26.08.2018. https://www.docplayer.ru/38960782-Shiizm-v-islame-seyid-mohammad-huseyn-tabatabai.html (In Rus.)
13. Farbudi, M. Barzakh: what happens after death? Tehran: Agig-e ehshg, 2012. (In Pers.)

[1] A. V. Berezina: the main author, collects and analyzes the research material, formulates conclusions and generalizes results.

[2] M. D. Alexandrova: the organizer of research, analyzes the research material, prepares the manuscript.

14. Farbudi, M. Taste of death. Qom: Agig-e ehshg, 2012. (In Pers.)
15. Farbudi, M. Qiyamah: the great day of repentance. Qom: Agig-e ehshg, 2012. (In Pers.)
16. Farbudi, M. Tomb: Quranic studies and legends. Qom: Qom, 2009. (In Pers.)
17. Shahgoli, A. Cause of death from Avicenna's and Mulla Sadra's perspective. Research journal of Islamic philosophy and theology of Shahid Beheshti University, no. 31. pp. 109–118, 2001. (In Pers.)
18. Hadzhati-Shuraki, S., Farjab, M. Comparative study of human fate after death in Zoroastrianism and Islam. Religious teachings, no. 30. pp. 53–74, 2017. (In Pers.)
19. Hejdari-Nuri, R. Flight of the soul and life after death from the viewpoint of Suhrawardi. Theological research journal, no. 2. pp. 51–70, 2011. (In Pers.)

Received: October 3, 2018; accepted for publication December 9, 2018

Reference to the article

Berezina A. V., Alexandrova M. D. The Concept of "Death" in the Iranian Culture (on the Example of Persian Idioms) // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 20–29. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-20-29.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 811: 002. 703.0
DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-30-40

Ирина Викторовна Ерофеева[1],
доктор филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: irina-jour@yandex.ru
orcid: 0000-0001-5653-2792

Владимир Николаевич Бочарников[2],
доктор биологических наук, профессор,
Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук
(690041, Россия, г. Владивосток, ул. Радио, 7),
e-mail: vbocharnikov@mail.ru
orcid: 0000-0002-6574-7864

Собака как гештальт в языковой картине мира охотника: дискурс специализированных журналов

Охотничьи журналы редко становятся объектом научного интереса, тем не менее, у данного контента многочисленная целевая аудитория и социально значимое концептуальное содержание. В статье на основе лингвокультурологического анализа дискурса специализированных журналов об охоте реконструируется когнитивная модель целостного образа *собаки* в языковой картине мира охотника. Анализ проведён с учётом информационной политики издания, с использованием объёмного эмпирического материала (более 600 номеров охотничьих журналов с 2006 – по 2018 г.), приоритетными выступают текстовые блоки, в которых репрезентированы мнения охотников и владельцев о природе и собаке. Гештальт *собака* является ключевым (ядерным) в совокупности представлений охотников о бытие, объективированных в языке и определяющих специфику восприятия и устройства мира в данной социальной среде. Моделирование целостного образа *собака* осуществлялось в процессе выявления и осмысления наиболее частотных текстообразующих категорий: тема и коммуникативные задачи материала, ассоциативно-смысловые поля ключевых слов, лексическая макроструктура текста, в том числе специфика лексико-фразеологического поля, стереотипные образы, с помощью которых организуется знание и опыт охотника. Языковая картина мира охотника представляет собой преимущественно некую иерархию ценностей, которая отражает единые культурно значимые для её носителей убеждения, идеалы, склонности и интересы. Образ собаки конструируется за счёт символических признаков: «собака – зеркало личности охотника»; «собака как соратник и друг», а также понятийных: «умная и трудолюбивая»; «обладатель обострённого восприятия мира»; «яростный и увлечённый охотник».

Ключевые слова: гештальт *собака*, языковая картина мира охотника, медиадискурс, когнитивное моделирование, когнитивная лингвистика

Введение. Специализированные журналы об охоте – контент со своими особенностями и профессиональной терминологией. К сожалению, научных исследований по данному дискурсу практически нет. И это несмотря на многочисленную целевую аудиторию подобных журналов и порой масштабное концептуальное содержание контента, демонстрирующее не только спектр интересов и ценностей жителей России, социальные приоритеты государства, но и эффективные технологии воздействия и воспитания граждан.

В своих исследованиях мы отталкиваемся от классических положений современной когнитивной лингвистики [14; 18–20]. Язык является главным инструментом организации, моделирования и репрезентации физической реальности людей; он включает в себя не только осязаемый человеком мир, но и выводит за его пределы, способствует движению через мыслительную деятельность в тайну, к тому трансцендентному содержанию, которое часто не может быть однозначно передано в словах человека [2].

Вся наша жизнь есть «пульсация памяти, обращённая в текст», богатый инструментарий языковых возможностей Homo Sapiens преобразует мир в непрерывный дискурс, в котором всё уже когда-то было сказано. В пространстве текста язык концептуализирует действительность, с одной стороны, он отражает некие универсальные реалии,

[1] И. В. Ерофеева – основной автор, осуществляла сбор, анализ материала исследования и написание статьи.
[2] В. Н. Бочарников – осуществлял сбор, анализ и систематизацию материала исследования.

© Ерофеева И. В., Бочарников В. Н., 2019

с другой – национально окрашивает предлагаемую в текстовой канве реальность. В современном информационном обществе наиболее востребованным выступает медиатекст как ключевой формат конструирования картины мира потребителя массмедиа. Условием успешной деятельности СМИ является коллективный интерес целевой аудитории, который возможно интерпретировать как эмоционально-волевое сосредоточение внимания на определённом событии, предмете или явлении. Факторы интереса предопределяют жизнеспособность структур по производству и распространению массовой информации, обусловливают их включённость в социокультурную действительность, экономическую и финансовую системы. Охотничьи журналы являются зеркалом определённого спектра интересов и хобби многих людей, сосредоточием острого тематического поля проблем экологии, охотхозяйства, рыболовства, природопользования и законодательства в данных сферах.

Методология и методы исследования. Несомненно, каждый авторский медиатекст обладает самобытностью, наполняется энергией творчества его создателя, формирует новую реальность согласно авторской воле, включает личностный опыт, эмоции и пристрастия создателя. Языковая личность автора медиатекста определённым образом структурирует действительность, вычленяет, селекционирует атрибуты реальности, ориентируясь как на субъективное видение и оригинальность восприятия, так и на сложившуюся в социуме национальную модель мира. Национальные предпочтения аксиологичны по своей природе, они подразумевают трансляцию духовных и морально-этических ценностей в системе понятийных схем и вербализированных представлений-оценок о собственном «Я» и окружающем мире. Тем не менее, ментальность – трудноуловимая материя. Н. Бердяев писал, что «национальность – таинственна, мистична, иррационально, как и всякое индивидуальное бытие» [1, с. 96].

В медиатексте основной единицей репрезентации ценностей и смыслов мира выступает концепт – текстовая «строительная единица», некая универсальная идея, конструкт миропостижения и алгоритм формирования картины мира человека. Концепт в совокупности с его ассоциативными связями входит в ядро лексической системы языка, позволяет хранить, накапливать и оперировать информацией о важных категориях человеческого бытия. Концепт медиатекста репрезентирует фрагменты многого опыта, сознательного и бессознательного характера. В дискурсе СМИ концепт, в силу специфики медиатекста, его яркой фундаментальной образной системы, трансформируется в гештальт – целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы и воспроизводящий смысловую схему концепта. Гештальт упорядочивает бытийные представления в сознании автора медиатекста и его потребителя в виде многоуровневого единого образа. Гештальт активно репрезентируется с помощью своеобразия лексического потенциала, ассоциативных рядов и монтажно-композиционных элементов текста.

Гештальт ресурсами целостного образа сближает автора и человека, воспринимающего текст. «И верить, что слово способно коснуться», – с этих слов начинает свою публикацию Ирина Булюбаш о специфике анализа языка в гештальт-терапии [4, с. 5]. Психотерапия – это, прежде всего, умение воспринимать всё то, что происходит в контакте с Другим, этот формат общения требует особенного направленного внимания по отношению к Другому. Гештальт реальности в пространстве медиатекста ориентирован на выделение фигуры из фона, что обеспечивает крайне высокий уровень понимания и осознания, результирующий процессы рефлексии и мышления. Включается личностное переживание во множестве «рецепторных переливов» восприятия и ощущения, именно на чувственной основе генерируются смыслы, которые бывают лишены логики рационализма. В этой связи гештальт-подход принципиально феноменологичен и сфокусирован на фактах переживания мира, где язык неотделим от жизни. Знаменательно, что базовым понятием и нередко целью работы гештальт-терапевта является клиентское достижение «включённого» проживания, переживания, осознования (awareness).

Сознание человека, будучи антропоцентрическим по своей природе, воспринимает и упорядочивает окружающие реалии в рамках пространственно-временных отношений и в парадигме соотнесения с природой и животным миром, со всем тем, что обладает качественными, динамическими и ценностными свойствами. Представители разных языков и культур оценивают и видят мир через призму своей национальной картины мира. Одним из универсальных с национальной спецификой концептом является «собака». Домашнее животное семейства псовых, родственное вол-

ку, животное, бывшее когда-то диким, а затем прирученное человеком для охраны, охоты и душевного общения. Существо, по историческому праву являющееся помощником и другом, которое делает нас нередко живее, чем мы сами способны быть, отстраняясь от пульса самой жизни, замыкаясь в ежедневной рутине и проблемах.

Не случайно конструкт «пес (собака)» с течением времени преобразовался в архетип, в некие априорные врождённые формы интуиции человека, осадок психического опыта предыдущих поколений, прообраз которых символизирует верность и преданность, самоотдачу и службу, защиту и бдительность [17].

Целью данной статьи стал лингвокультурологический анализ дискурса специализированных журналов об охоте с целью реконструкции когнитивной модели гештальта *собака* в языковой картине мира охотника – «исторически сложившейся совокупности представлений о мире, отражённых в языке и обусловливающих способы восприятия и устройства мира» [5; 8; 11; 13; 15; 19].

В рамках принципов когнитивной лингвистики под медиадискурсом мы подразумеваем многоуровневое пространство репрезентации национальной картины мира языковой личности автора – создателя текста или генератора «речи в действии». На основе разнотипных оценочных материалов о собаке, опубликованных в журналах об охоте, моделируется гештальт *собака*, закреплённый в языковой картине мира охотника как некое сокращённое и упрощённое образное отражение всей суммы его знаний о значимой реальности.

В свою очередь моделирование есть графический способ представления смысловой информации текста, в котором отражены внутритекстовые связи его структурных компонентов [10]. Модель аккумулирует отдельное и общее, чувственное и логическое, внешнее и внутреннее. Моделирование целостного образа осуществляется на основе выявления и осмысления частотных текстообразующих категорий: тема и коммуникативные задачи материала, ассоциативно-смысловые поля ключевых слов, лексическая макроструктура текста, в том числе специфика лексико-фразеологического поля, стереотипные образы, с помощью которых организуется знание и опыт охотника.

Анализ осуществлён на основе большого массива российских охотничьих журналов (более 600 номеров с 2006 – по 2018 г.), в которых в различных контекстах используется образ собаки. Акцент делался на особенностях восприятия собаки опытными охотниками и владельцами. В поле внимания были тематические модусы текста, рассказы и повествования о весьма специфичной охотничьей среде.

Рассматривались материалы нескольких журналов: «Охота и рыбалка XXI век», «Русский охотничий журнал», «Основной инстинкт», «Охота», «Сафари». В исследовании использованы также материалы охотничьего портала «Охотники.ру». Отметим, что в отдельных журналах действует специализированная рубрика: «Охотничьи собаки» («Охота и рыбалка XXI век»), «Охотничьи собаки», «Собачья жизнь» («Русский охотничий журнал»), «Собаки и охотники» («Охота») (рис. 1).

Рис. 1. Журналы об охоте и рыбалке

Fig. 1. Hunting and Fishing Magazines

Указанные журналы – СМИ с традиционной информационной политикой для подобного типа массмедиа. Так, ежемесячный журнал «Охота и рыбалка XXI век» позиционируется как «художественно-информационный иллюстрированный журнал для любителей разных охот». Главный редактор журнала – Павел Гусев, учредитель – ЗАО «Редакция газеты “Московский Комсомолец”». За весь период его существования не происходило резких перемен в редакционной политике, однако с 2013 года общий объём журнала со-

кратился почти на четверть по сравнению с выпусками нулевых лет.

Ежемесячный «Русский охотничий журнал» издаётся с 2012 года, однако, это результат ребрендинга и полной реконструкции издававшегося с 2007 года журнала «Основной инстинкт», а ещё ранее журнал унаследовал отдельные традиции журнала «Охота по всему миру» с последующим изменением редакционной политики и капитальной реструктуризацией тематического содержания. В настоящее время журнал позиционируется в боковой строчке обложки как «Охотники – за сохранение дикой природы». Главный редактор – Михайил Крейчмар, издатель – Алексей Гнедовский.

Как отмечают охотничьи журналы, в последнее время в России наблюдается массовое увлечение собаководством. Современный человек, уставший от стресса агрессивной цивилизации, крайне нуждается в общении с природой и животными, позволяющими почувствовать недостающих ощущений верности, надёжности и понимания. «Собака – это ниточка к живой природе», уже давно ставшей существом «первой необходимости», отмечает журнал «Охота» (2008. № 3). Человек начала XXI века пытается вернуться к истокам.

Н. И. Маругина подчёркивает, что «наличие в русском языке и многих других языковых картинах мира базовой метафоры “человек – это животное/зверь” говорит о том, что первоначально, в процессе становления этносообществ и развития их культур люди жили неустроенной, сходной со зверьми жизнью, поэтому осмысление мира человека осуществлялось главным образом через понятийную сферу животного мира» [13, с. 14].

В работах многочисленных исследователей (Б. А. Успенский, В. А. Маслова, Н. Д. Арутюнова, А. Е. Бильдиян, З. В. Белкина, О. Н. Трубачева и др.) указывается на частотность данного концепта среди большого количества зооморфизмов, также отмечается, что метафорическая модель «собаки» восходит к древним мифологическим формам языкового сознания и включает основополагающие культурные маркеры бытия человека, как позитивного, так и негативного характера. «Собака» относится к типу культурно-языкового символа, демонстрирующего особенности и тенденции языкового кодирования мира в рамках того или иного культурного сообщества [5; 8; 11–13; 15]. Концепт объективирует неписаные законы людей определённого социума, распространяющиеся на разные проявления жизни и известные всем говорящим на данном языке. Лексема *собака* активно применяется для описания человеческих качеств и моделей поведения.

Собака является киноморфизмом («подобие собаки»), способным проецировать качества данного животного на другие существа. В концептуализированную схему *собаки* включён обширный комплекс различных устойчивых ассоциаций, сформированных за длительный период общения человека с его четвероногим другом. Лексема используется в рамках богатейшей символической парадигмы: для выражения восхищения *(«ловкий, чуткий, знающий – как собака»)* или оскорбления *(«злой, грызётся – как собака», «легавый пёс»)*; для характеристики физического состояния человека с коннотацией чрезмерности, невыносимости, крайней формы проявления *(«устал как собака», «выглядеть как побитая собака», «замёрз как собака»);* для ценностного описания определённой ситуации (*«кобениться»* – упрямиться, не соглашаться*; «вилять хвостом»* – заискивать, добиваться расположения*; «лаять, как собака» (прост.: ругаться, браниться, собачиться);* в ситуации неиспользования чего-то и непредоставления возможности другим – *«собака на сене»;* с семами «ненужности и бесполезности»*: «присобачить наспех», «нужна, как собаке пятая нога», «дело псу под хвост», «собачья жизнь»;* для характеристики внутреннего мира человека и его способностей (*«собачья верность, преданность», «собачий нюх», «цепной пёс»).*

Результаты исследования и их обсуждение. В контенте рассматриваемых нами специализированных журналов, как правило, фигурирует охотничья собака. К сожалению, каких-либо исследований именно медийного дискурса на данную тему мы не нашли. Номинация этого животного в дискурсе охотничьих журналов имеет пространный денотативный и коннотативный ряд. Её образ встроен в реалии языка охотника. Данный тип языка, берущей своё начало со времён княжеской, царской и помещичьей охоты, является результатом уникального пути исторического развития народов, различных приоритетов, выбираемых при осуществлении охоты и ведении охотничьего хозяйства. По мнению Е. К. Целыховой, он, как один из старейших, выразительнейших и богатейших специальных языков мира, «донёс до нас культурные охотничьи связи русского народа и является отражением его культурно-исторического своеобразия» [16].

Общие результаты анализа текстов показали, что хотя в каком-то смысле существует рубрикационная предопределённость изложения материалов о собаке и охоте, сущностные характеристики гештальта *собака* проявляют себя, прежде всего, в контексте показа исключительного разнообразия взаимосвязей человека с природой в аксиологии определённой культуры. Собака обычно сопровождает охотника, она становится его острым слухом, чутким обонянием и незаменимой помощницей при ловле зверя. В пространстве охотничьих журналов неотъемлемые природные качества животного имеют как свои номинативные смыслы, так и особое метафорическое переосмысление, а также яркие концептуальные акценты, демонстрирующие особое трогательное отношение к собаке.

В философских представлениях Валерия Губина изучение человека, его происхождения (а в нашем конкретном примере сопряжённого с сосуществованием собаки – спутника человека) может раскрываться в метафизических и социальных проявлениях бытия, посредством сущностного выражения отношений – к самому себе, к обществу, культуре, природе, что даёт глубокие и основательные знания о мире[1].

В контенте журналов гештальт *собака* соткан из множественных рассказов об увлекательных событиях людей с участием их питомцев: *«Собака помогла американцам выиграть миллион долларов»* (Охота. 2013. 11 февр.); *«Британская собака гуляет в сапогах из-за аллергии на траву»* (Охота. 2013. 7 апр.); «*Моя Юхта Вторая тоже “отличилась”. Многочисленные зрители набрали в ближайшем киоске пряников и побросали их медведю. А Юхта пряники любила и на глазах у судей наперегонки с медведем стала их собирать. Из-за этого они чуть не подрались»* (Виктор Степаненко. Лайки-медвежатницы // Охота и рыбалка XXI век. 2017. № 8. С. 46). Комичность подробным повествованиям придаёт частотный приём «антропоморфизм» – озвучивание мыслей собаки: *«Во время сплава собака смешила тем, что, стоя на круглом борту нашей резиновой лодки, время от времени то ли засыпала, то ли задумывалась – и сваливалась в воду! Выныривала с потрясающей мордой: Блин! Ё-моё! Что случилось?!»* (Русский охотничий журнал. 2013. № 10. Окт.). Масштабно разворачиваются ситуации и баталии, когда в качестве основных персонажей выступают несколько животных: *«Белка останавливалась, чаще в полдерева и на виду, другой раз, совершенно не таясь, начинала ещё и сердито цокать, ругать моего Бурана»* (Анатолий Онегов. Буран // Охота и рыбалка XXI век. 2007. № 7. С. 144).

Собака становится и главным героем многочисленных проблемных материалов на разные темы социального, экономического и даже законодательного характера: *«Пермякам негде выгуливать собак»* (Охота. 2012. 14 авг.); «*О бедном эксперте замолвите слово О спорности правил испытаний гончих собак написано более чем много»* (Охота. 2013. 10 сент.) и др.

Образ *собака* встроен в живописные вербальные картинки описания природы и красоты окружающего мира, наполненного тишиной и светом, когда отчётливо «слышен гомон птиц и шум листвы», звучит музыка души и «переливается электрическими огнями тенистая поляна»: *«Гости начинают прибывать на соревнование накануне: сначала тонким ручейком, потом – целой рекой… Челбасский лес погрузится в дрёму, ожидая новых встреч с гончими»* (Кубанская осень-2018 // Охотники.ру. 2018. 22 окт.).

Исследование показало, что концептуализированная схема *собака* включает ряд исключительно положительных когнитивных моделей – совокупности неких стереотипных образов, с помощью которых воспринимается и репрезентируется реальность жизни охотника.

Частотные мотивы и темы предлагаемых материалов в журналах, подкреплённые определённой лексической макроструктурой и ассоциативно-семантической сетью текстов, стали основой выделения следующих символических релевантов:

«Собака – зеркало личности охотника». Вырисовывание образа *собака* позволяет авторам выстроить рассказ о человеке, раскрыть внутренний мир самого охотника, живущего своим любимым делом вместе с четвероногим другом, а также пребывающего в его континууме. Проблемы, беды и трудности становятся общими, слияние душевных порывов человека и собаки – естественными: *«На выставках собак… я вижу убелённых сединой мужчин, стоявших в стороне и наблюдающих… Они пьют этот воздух, воздух их молодости, когда проходили в день километров тридцать, да не по полевым дорожкам, а по болотам, через овраги, по пашенкам с вывернутыми глыбами мёрзлого чернозёма. И всё для того момента, когда вдруг не откуда явится и замелькает заяц»* (Михаил Ко-

[1] Губин В. Д. Философия: учебник. – М.: Проспект, 2014. – С. 51.

ломыченко. Его величество пойнтер // Охота и рыбалка XXI век. 2010. № 6. С. 143).

Пространство и время человека и собаки – едины, их сближает прошлое, настоящее и будущее, молодость и старость – тоже: *«Время неумолимо: с каждым годом становимся старше и мы, и наши охотничьи собаки»* (Старая собака на охоте // Русский охотничий журнал. 2012. № 9). Пространственно-временной континуум аккумулирует накопленный опыт, общие радости и переживания охотника и его четвероногого напарника. В центре этого хронотопа находится мотив пути, движения по бескрайним природным просторам России и других стран.

Дискурс охотничьего рассказа позволяет передать кванты сознания автора-охотника в контексте экзистенциальных переживаний. В текстах активно используются олицетворение и антропоморфизм. Собака и охотник пребывают внутри одного круга событий, переживают одни и те же эмоции, согреваются одними и теми же фактами. Тоска и печаль, даже болезнь становится общей, объединяющей нитью для человека и животного: «*Буран стоял на задних лапах возле окна. Передними лапами он держался за подоконник и, стоя совсем неподвижно, смотрел и смотрел куда-то за окно… Я попросил приложить телефонную трубку ему к уху и как мог ласково назвал свою собачку по имени... Домой я вернулся только через неделю после операции и тут же узнал, что после нашего разговора с Бураном он улёгся возле телефонного аппарата и почти не покидал это место, отказываясь и от еды, и от прогулок до тех пор, пока я не пришёл домой»* (Анатолий Онегов. Буран // Охота и рыбалка XXI век. 2007. № 7. С. 148, 149).

«Собака – соратник и неизменный друг охотника». В дискурсе журналов гештальт *собака* разворачивается за счёт сложившихся символических признаков соответствующего концепта. Собака – неприхотливое животное, ей свойственна преданность и выносливость. Верность – ещё одно её неотъемлемое качество («Старый пес, да верно служит»). Она всегда готова преодолевать любые трудности ради своего хозяина. Способна испытывать чувство тоски по хозяину-другу, а также по месту проживания. Подобные концептуальные признаки закреплены в паремиях: Своя сторонушка и собаке мила; На чужбине и собака тоскует; И собака свою сторону знает.

В медиадискурсе разные породы собак, охотники за птицами и зверьми, – персонажи не просто одушевлённые, они, как правило, номинированы в друзья, в испытанных и надёжных спутников: «*Слушайте свою собаку… Я старый легашатник… Знаю, что понукать легавыми не приходится – они готовы работать до потери сил. И если ваша собака устала, не пытайтесь заставить её»* (Русский охотничий журнал. 2012. № 11).

Нередко использование одной и той же пространственной метафоры порождает глубокую сопричастность с переживаниями героев текста, даже у тех читателей, которые никогда не были на охоте и не имели охотничьих собак: «*За несколько дней охоты собаки изрядно устали, да и наши мышцы с непривычки ощутимо давали о себе знать. Прошедшие дни охоты были довольно успешными для собак… Добыча не самое важное для нас, ведь мы сполна насладились красотами этого края»* (Александр Фомин. В погоню за вальдшнепом // Русский охотничий журнал. 2018. Март. С. 105).

В повествованиях различного характера собаки выступают спутниками, соратниками, помощниками, друзьями и лучшими членами семьи, например, *«послушными и чистоплотными, сообразительными и невороватыми»* (Охота и рыбалка XXI век. 2017. № 8. С. 46). Именно с такими друзьями, утверждают охотники, вы приобщаетесь к особой категории людей, готовых к любым испытаниям и трудностям, способных выходить из сложных, иногда экстремальных ситуаций (Там же).

В контенте журналов очень распространены рассказы о крайних, необычных, трудных ситуациях на охоте с участием собак. Страшные встречи с медведем, кабаном, носорогом или трагические случаи в болотах и топях описаны детально, с использованием художественно-публицистических средств, в атмосфере трогательной любви к другу-собаке: *«Погрузившись почти по пояс, я дотянулся до загривка спаниельки и выволок её на свой след. Путь назад, по примятому тростнику, когда я волочил налитые водой сапоги и тащил перед собой обессилевшую собаку, запомнился холодом мокрых брюк и судорогой… Опущенная на землю, она, как слепая, поползла в костёр, не обращая внимания на подпаленную шерсть уха и усов… Вкус к жизни спаниельке вернул кусочек бутерброда, который я насильно вложил ей в пасть. Вяло пожевав, она его проглотила»* (Лоркины охоты. Происшествие на воде // Охотники.ру. 2018. 1 сент.).

Осмысление нашего опыта часто является следствием рассказа об этом опыте,

но всегда бывают выбраны лишь отдельные аспекты данного нам бытия в переживании, и в его проекции, если мы описываем, как нам видится переживания животного. В дискурсе специализированных журналов обнажены ценностные аспекты картины мира охотника. Животные – великолепное поле для проекции собственных чувств, которые способствуют пониманию себя самого и вектора своего жизненного пути через сопричастие к жизни близкого существа.

Среди понятийных признаков концепта *собака*, встроенных в моделирование соответствующего гештальта, наиболее частотно выделены смыслы: собака умная и трудолюбивая; у неё обострённое восприятие мира; она – яростный и увлечённый охотник.

Собака умная и трудолюбивая. В национальной картине мира концепт *собака* включает также семы мудрости, большого ума, опыта и зрелости. В укладе российского мировосприятия собака всегда была отнесена к особому рангу сообразительного животного, что и было подкреплено народной фразеологией и стало использоваться, в том числе, в качестве аналогии с жизнью человека: Старую собаку не волком звать; Попову собаку не батькой звать; Старый пёс не обманет; Старого пса к цепи не приучишь.

В отечественном мировосприятии собака всегда противостояла кошке, которая воплощала образ уютной, довольной, сытой и комфортной жизни: Собака крох подстольных, а кошка пролитого молока ждёт.

Подобные стереотипные представления в дискурсе охотничьих журналов проецируются на констатацию неизменной специализации каждой собаки. Большое количество материалов посвящено умениям и навыкам, а также дрессировке разных пород собак. Акцент делается не только на чистой фактологии, например, на том, что обычно легавые собаки успешно справляются с привычными объектами охоты в Центральных районах России (тетерев, вальдшнеп, куропатка и др.), при этом именно немецкие породы легавых собак проявляют разные уникальные навыки при поиске белой куропатки, даже впервые столкнувшись с ними (Сергей Шкарубо. В зимней тундре с дратхаарами // Охота и рыбалка XXI век. 2018. № 3. С. 77). В загоне лучше использовать не «настырных (вязких) крупных лаек», а «разную тихоходную, не очень злобную мелочь» (Охота. № 5. 2018).

Одновременно следует признать, что всё-таки наиболее ярко представлена ассоциативно-семантическая сеть повествования, демонстрирующая трудолюбие собак-профессионалов. Полезная для владельцев информация разворачивается с использованием метафорических образов: «этюд легавых собак»; «работа пойнтера высокого стиля – высочайшее выражение элегантности, красоты и страсти»; «работа собаки сродни впечатлению от танца – быстрого, стремительного или плавного, но всегда страстного» (Охотники.ру. 2018. 26 сент.); «неукротимый зверовик – запсиб лайка Буран» (Охота и рыбалка XXI век. 2007. № 7. С. 144); «команда “Вперёд” как эффект спущенной тетивы», «оборзевшая легавая стрелой срывается с места и широченными зигзагами за минуту пролетает всю полосу изумрудной заставы» (Охотники.ру. 2018. 3 окт.).

Обострённое восприятие мира. Физиология собаки незаменима для охотника, она – его глаза, уши и нос, одушевлённый многовекторный рецептор, улавливающий различные оттенки происходящего вокруг. Один из основных понятийных признаков концепта *собака* – острое обоняние. Данная сема стала одним из ключевых компонентов конструирования образа *собаки* в контенте журналов. Её незаменимость в охоте обусловлена тем, что собака «*нюхом чует»* следы зверей. Метафорическая трактовка данных способностей собаки означает «предвидеть, знать сокровенное интуитивно». На охоте собака ведёт за собой, иногда её действия приоритетны. В отдельных материалах представлены истории, в которых пёс превосходит хозяина: «*Собаки приспособились к новым условиям и стали успешно отрабатывать и запирать птицу. А вот стрелки так и не смогли в достаточной степени привыкнуть к сложностям рельефа, растительности и непредсказуемым полётам самого вальдшнепа – стреляли отвратительно»* (Александр Фомин. В погоню за вальдшнепом // Русский охотничий журнал. 2018. Март. С. 104).

Собака чувствует зверя и «висит на хвосте», т. е. находится на очень близком расстоянии. Профессиональный сленг активно используется в медиатекстах, подчёркивая, в том числе, сенсорную составляющую гештальта *Собака*. В материалах часто используются известные выражения, пришедшие в литературный язык из охотничьего [16]: «след в след» (повторять действия); «запутать следы» (уйти от преследования); «лечь на хвост»; «сесть на хвост» (следовать за кем-то, догонять и настигать кого-либо).

Также распространено словосочетание «сойти со слуха». Обычно речь идёт о гончей,

которая случайно вышла за пределы слышимости, как правило, из-за слабого глухого голоса – лая собаки. Особенно в ветреную погоду охотники теряют направления движения своего четвероногого друга – «сходят со слуха» (О чутье легавых собак // Охотник.ру. 2018. 20 авг.); «*Буран спихивал с лежки зайца-беляка и, не отставая от него, в голос, взрячку гнал этого напуганного нами зверька …Буран подавал голос редко… Всё говорило… либо он остановил лося, либо лось почему-то остановился сам»* (Буран // Охота и рыбалка XXI век. 2007. № 7. С. 144).

На страницах журналов в повествовании об особых породах собак, в советах по их воспитанию, в рассказах об искусстве охоты, в анекдотичных сюжетах о происшествиях в лесу частотно используются устойчивые словосочетания охотничьего языка: «низовая слежка», «держать след», «вести след», «выправить след», «следовая работа», «стерянный след», «выправленный след».

Собака – яростный и увлечённый охотник. Гештальт *собака* основывается ещё на одном важном понятийном признаке. Агрессивность – черта собаки. В медиадискурсе данная черта детализируется разными лексемами-синонимами: ярость, злобность, злость, наступательность, напористость, неукротимость, сила: «*Медвежатницей в полном смысле этого слова Ханта не стала. Медведя не боялась, при неожиданных контактах агрессивно работала»* (Виктор Степаненко. Лайки-медвежатницы // Охота и рыбалка XXI век. 2017. № 8. С. 46); *«Собака хорошо выдерживала короткую травлю, при поимке же зверя её злобность, сила и тяжеловесность делали её вполне незаменимою»* (Охота. 2008. Июль). Указанное качество образует метафорическое соотнесение соответствующих черт собаки и человека. В русской картине мира это нашло своё отражение в устойчивых определениях и лексемах: «злой, как собака», «лаять, как собака», «собачиться», «лаяться», а также в паремиях: Была бы собака, а камень найдётся; Не дразни собаку, так и не укусит; Дразни собаку на цепи; Свекровь на печи, что собака на цепи и др.

При нападении собака способна судорожно сжимать челюсти. В русском языке произошло расширение значения данных действий, в социуме словосочетание «вцепиться/держаться мертвой/железной хваткой» означает либо «крепко держать кого-либо», либо «способность самоотверженно, любой ценой, не отступая, добиваться чего-нибудь».

Несмотря на очевидные отрицательные коннотации признака «агрессивность», целостный образ *собаки* в доминирующих информационных потоках лишён негативного подтекста. Её злобность и ярость воодушевлены делом, смелым, неукротимым, азартным влечением и большим интересом к охоте. Рассматриваемая черта собаки репрезентируется, как правило, с использованием разных художественно-публицистических средств, окрашивающих тексты положительными экспрессивно-оценочными коннотациями: *«Ден, как всегда, работал страстно, азартно. На лёгком галопе он обследовал болото. Проходя твёрдый грунт и мелководье, нёсся, как ураган, более глубокие места преодолевал высокими прыжками, очень напоминая дельфина, а преодолевая заводи, был похож на подлодку с поднятым перископом. Перед таким напором чутья и страсти не может устоять никакая утка»* (Собаки, гуси и охотники // Охота. 2010. № 10. Окт.).

Влечение и любовь к охоте – лейтмотив рассказов о жизни охотничьих собак. Из языка охотника в литературный язык перешла идиома «делать стойку», что обозначает проявление особого, в том числе любовного, интереса к чему-нибудь или кому-нибудь. Дело в том, что собака при охоте на птиц «*делает стойку»,* показывая охотнику о нахождении рядом добычи: «*Красивые, железобетонные стойки прямо над птицей, которые заставляют её затаиваться, в исполнении молодой собаки были очень эффектны и эффективны. Браво, бретон!»* (Русский охотничий журнал. 2008. Март. С. 105). Привязанность к единственному делу всей жизни собаки сближает её с хозяином, именно самоотверженная тяга к любимому занятию – цементирующее качество гештальта *собака* в журнальном контенте: *«Венгерских пойнтер… кобель очень мощный, крупный, костистый, с отличной головой, не отличался ни быстрым ходом, ни дальним чутьём, однако в поле верный и страстный»* (Охотники.ру. 2018. 28 марта).

В этой же ценностной парадигме используется словосочетание «собаку съел». Указанная идиома подчёркивает, что человек в определённом деле стал настоящим профессионалом и знатоком, обладателем большого опыта и незаменимого мастерства. Охотничий дискурс – это масштабная история, эпос, в котором конструируется образ жизни охотника, природы и собаки. Он позволяет упорядочить пережитое и становится способом выражения своих и близкого существа эмоций.

Заключение. Дискурс специализированных журналов об охоте объективирует гештальт *собака* вопреки стереотипным представлениям о том, что «большинство устойчивых выражений с ключевым словом *собака* имеют яркую отрицательную оценку» [13, с. 22]. Журнальный контент моделирует целостный образ *собаки* на основе определённых тематических модусов, обусловленных информационной политикой издания, с активным использованием лексико-фразеологического инструментария, в том числе профессионального толка, в смысловом поле ассоциаций, сравнений и метафор, с вовлечением стереотипных образов, апеллирующих к установкам и знакам отечественной культуры положительного характера: собака с её умом и трудолюбием, обострённым восприятием мира – увлечённый охотник, соратник и друг, а также зеркало личности охотника (рис. 2).

Рис. 2. Гештальт собаки: символические и понятийные признаки

Fig. 2. Gestalt of the Dog: symbolic and conceptual characteristics

И всё-таки последнее. Слово воспроизводит и меняет реальность. Можно уверенно заключить, что в своеобразном и свободном тезаурусе современных СМИ творчество не просто обусловлено неоднозначным потенциалом языковой личности автора, оно насыщено множеством особых дискурсов, существенным образом воздействующих на реальность. В этом смысле медиадискурс об охоте не только воспроизводит устоявшиеся ценности и картину мира, но и вдохновляющим образом воздействует на когниции и модели поведения потребителя. Также предполагаем, что сколько-нибудь ответственная попытка окончательно измерить и классифицировать современное многообразие медийного пространства обречено на неудачу, в смысле раскрытия духовных глубин и культурных смыслов, в том числе тех, которые можно найти в уникальных историях охоты, что доказывает даже краткий экскурс в сопровождении охотничьих собак.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. М.: СВАРОГ и К, 1997. 541 с.
2. Берестнев Г. И. К философии слова (лингвокультурный аспект) // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 37–65.
3. Бочарников В. Н., Ерофеева И. В. Медийные смыслы и идеи концепта «охота» (по материалам интервью в журналах «Основной инстинкт») // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2018. № 1. С. 5–17.

4. Булюбаш И. Д. Я тебя слышу. Феномены языка и речи в практике гештальт-терапевта. Самара: БАХРАХ-М, 2008. 272 с.
5. Ван Минци. Концепт «собака» в русской и китайской языковых картинах мира (на материалах пословиц и поговорок) // Вестник Псковского государственного университета. 2016. № 4. С. 150–155.
6. Винобер А. В. Охота – социальный феномен: историко-философские и антропологические рефлексии // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2018. № 2. С. 38–46.
7. Вознесенская М. М. Метафора охоты в русской фразеологии // Русская речь. 2014. № 5. С. 110–117.
8. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира. М.: Тезаурус, 2009. 228 с.
9. Ерофеева И. В., Бочарников В. В. Охота как рефлексия человека в концептуализированной сфере дискурса специализированных журналов // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 1. С. 144–152.
10. Житарюк М. Г. Лингвосоциокультурные модели: к вопросам содержания, структуры, значения медиатекста // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 24–32.
11. Ивушкина Н. В. Концепт «собака» в английском и русском языках с лингвокультурологической точки зрения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 4. С. 64–67.
12. Кудрявцева Е. В. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом собака: лингвокультурологический комментарий // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 2. С. 131–134.
13. Маругина Н. И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. 2009. № 2. С. 11–30.
14. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта: Наука, 2016. 180 с.
15. Сансызбаева С. К. Лингвокультурный концепт «собака» в языковой картине мира // Вестник Казахского национального университета. Филологическая серия. 2015. № 1. С. 184–189.
16. Целыхова Е. К. Русский охотничий язык и охотхозяйственная терминология // Охота – национальный охотничий журнал. 2012. № 12. С. 16–21.
17. Jung C. G. Gesammelte Werke // Olten und Freiburg im Breisgau. 1987. Bd. VII. Pp. 445–455.
18. Panasenko N., Greguš Ľ., Zabuzhanska I. Conflict, confrontation, and war reflected in mass media: Semantic wars, their victors and victims. Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. Warsaw: De Gruyter Poland, 2018. December. Pp. 132–163.
19. Welt in der Sprache / hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005.
20. Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam: Philadelphia, 1988.

Статья поступила в редакцию 22.12.2018; принята к публикации 10.02.2019

Библиографическое описание статьи

Ерофеева И. В., Бочарников В. Н. Собака как гештальт в языковой картине мира охотника: дискурс специализированных журналов // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 30–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-30-40.

Irina V. Erofeeva[1],
Doctor of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: irina-jour@yandex.ru
orcid: 0000-0001-5653-2792

Vladimir N. Bocharnikov[2],
Doctor of Biology, Professor,
Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences
(7 Radio st., Vladivostok, 690041, Russia),
e-mail: vbocharnikov@mail.ru
orcid: 0000-0002-6574-7864

Dog as Gestalt in Hunter's Linguistic View of the World: Specialized Magazine Discourse

Hunting magazines are rarely objects of scientific research, nevertheless, this content has its numerous target group and socially important conceptual content. Linguoculturological analysis of specialized hunting magazine discourse enables us to reconstruct a cognitive model of the *Dog's* gestalt in hunter's linguistic view. The analysis was performed taking into account information policy of the periodicals using much empirical evidence (more than 600 hunting magazines from 2006 to 2018), the text blocks representing hunters' and owners' opinions about the nature and dogs are the priorities. Gestalt of the *Dog* is the key in total representation of hunters' existence objectified in

[1] I. V. Erofeeva: primary author, collection of information, analysis, writing of the article.
[2] V. N. Bocharnikov: collection of information, analysis, and systematization of research material.

the language and specifying perception and the world structure in this social environment. Gestalt of the *Dog* was modeled in the process of identification and understanding of the most frequently used text-forming categories: the theme and communicative tasks of the material, associative and semantic fields of the keywords, lexical text macrostructure including specific character of lexical-phraseological field, stereotypical images which help to organize hunter's knowledge and experience. First of all, hunter's linguistic worldview presents some hierarchy of values which reflects single views, ideals, inclinations and interests culturally important for its bearers. The dog's image is constructed owing to some symbolic characteristics: "a dog is a mirror of hunter's personality", "a dog as a companion and a friend", as well as some conceptual characteristics: "clever and hard-working"; "holder of sensitivity to the world"; "furious and keen hunter".

Keywords: gestalt of the *Dog*, hunter's linguistic worldview, media discourse, cognitive modeling, cognitive linguistics

References

1. Berdyaev, N. A. The Russian Idea: The Main Problems of Russian Thought XIX. and XX century. M: ZAO «SVAROG i K», 1997. (In Rus.)
2. Berestnev, G. I. To the philosophy of the word (linguocultural aspect). Questions of linguistics, no. 1, pp. 37–65, 2008. (In Rus.)
3. Bocharnikov, V. N., Erofeeva, I. V. Media Meanings and Ideas of the Concept "Hunting" (based on interviews in the magazines "Basic Instinct"). Humanitarian Aspects of Hunting and Hunting, no. 1, pp. 5–17, 2018. (In Rus.)
4. Bulyubash, I. D. I hear you. Phenomena of language and speech in the practice of a gestalt therapist. Samara: Izd. dom «BAHRAH-M», 2008. (In Rus.)
5. Wang, Minci. Concept dog in Russian and Chinese linguistic pictures of the world (based on proverbs and sayings). Bulletin of Pskov State University, no. 4, pp. 150–155, 2016. (In Rus.)
6. Vinober, A. V. Hunting – a social phenomenon: historical-philosophical and anthropological reflections. Humanitarian aspects of hunting and hunting, no. 2, pp. 38–46, 2018. (In Rus.)
7. Voznesenskaya, M. M. Metaphor of the Hunt in Russian Phraseology. Russian Speech, no. 5, pp. 110–117, 2014. (In Rus.)
8. Guketlova, F. N. The zoomorphic code of culture in the linguistic picture of the world. M: Tezaurus, 2009. (In Rus.)
9. Erofeeva, I. V., Bocharnikov, V. V. Hunting as a Reflection of a Person in the Conceptualized Discourse of Specialized Journals. Humanitarian Vector, no. 1, vol. 13, pp. 144–152, 2018. (In Rus.)
10. Zhitaryuk, M. G. Lingvosotsiocultural Models: To the Issues of Content, Structure, Meanings of the Media Text // Media Text as a Polyintensive System: Coll. articles. SPb: SPbGU, 2012: 24–32. (In Rus.)
11. Ivushkina, N. V. The concept «dog» in the English and Russian languages from a linguistic and cultural point of view. Philological Sciences. Questions of theory and practice, no. 4, pp. 64–67, 2012. (In Rus.)
12. Kudryavtseva, Ye. V. Phraseological units with the zoonym dog component: linguistic and culturological commentary. Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova, no. 2, pp.131–134, 2015. (In Rus.)
13. Marugina, N. I. The concept «dog» as an element of the Russian language picture of the world. Language and culture, no. 2, pp. 11–30, 2009. (In Rus.).
14. Maslova, V. A., Pimenova, M. V. Codes of linguoculture. M: Flinta, Nauka, 2016. (In Rus.)
15. Sansyzbaeva, S. K. Linguocultural concept «dog» in the linguistic picture of the world. Vestnik KazNU. Philological series, no. 1, pp. 184–189, 2015. (In Rus.)
16. Tselikhova, E. K. Russian hunting language and hunting terminology. National Hunting Journal «Hunting», no. 12, pp.16–21, 2012. (In Rus.)
17. Jung, C. G. Gesammelte Werke. Olten und Freiburg im Breisgau. 1987. Bd. VII: 445–455. (In Deutsch)
18. Panasenko, N., Greguš, Ľ., Zabuzhanska, I. Conflict, confrontation, and war reflected in mass media: Semantic wars, their victors and victims // Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. Warsaw: De Gruyter Poland. 2018. III (2). December: 132–163. (In Engl.)
19. Welt in der Sprache / Hrsg. von Pimenov, E. A., Pimenova, M. V. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. (In Deutsch)
20. Wierzbicka, A. The semantics of grammar. Amsterdam: Philadelphia, 1988. (In Engl.)

Received: December 22, 2018; accepted for publication February 10, 2019

Reference to the article

Erofeeva I. V., Bocharnikov V. N. Dog as Gestalt in Hunter's Linguistic View of the World: Specialized Magazine Discourse // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 30–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-30-40.

МЕДИАТЕКСТ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

MEDIA TEXT IN THE PUBLIC COMMUNICATION SYSTEM

УДК 80
DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-41-49

Евгения Анатольевна Войтик,
доктор филологических наук, доцент,
Томский государственный университет
(634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 66),
e-mail: voj@yandex.ru
orcid: 0000-0003-1856-6216

Категория «спорт» в русской литературе и журналистике середины XIX века

В настоящее время расширяются границы научных исследований в рамках изучения различных категорий. Категория «спорт» – особая лексическая категория, позволяющая ёмко характеризовать факторы практической и научной деятельности, непосредственно связанные со специализацией соответствующей социальной сферы – спортивной. Она выступает также в качестве компонента целостной досуговой категориальной системы и таким образом даёт также возможность уточнить её базовую функциональность, расширить семантические границы области знаний о предметной сущности этого явления. Специфика исторического конструирования спортивного текста и изучение особенностей его развития относятся к сложной и многоаспектной проблеме. Проблематика темы вызвана и малоизученностью данного вопроса. Статья посвящена изучению становления категории «спорт» в русской литературе в рамках столичной печати России. Возникшая терминологическая система способствовала зарождению текста, в котором стали появляться «спортивные» словосочетания. Тексты о спорте середины XIX века изначально предполагали раскрытие спортивной информации. Их первоочередными задачами были: актуализация спортивной тематики для современников; выражение авторской оценки к категории «спорт» как внедряющегося феномена. Это происходило благодаря представлению как объективной, так и субъективной картины, происходящего события, по тем или иным признакам относящимся к спорту; введению в текст ряда смысловых доминант (понятийной, фоносемантической, в каком-то случае эмоциональной – для создания яркой картинки спортивного явления); динамичности повествования. Основная функция подобных текстов состояла в удовлетворении информационных потребностей представителей общества, интересующихся спортом не только как досуговой забавой, игрой, но и как зарождающейся здесь терминологией. В это время появляются такие словосочетания, как «литература спорта», «язык спорта», «журнал спорта», «газета спорта», «русский спорт», «французский спорт», «английский спорт», «европейский спорт» и другие. Таким образом, в российских текстах постепенно начала утверждаться специальная спортивная терминология, которая в последующее время, особенно в 1870–1880-е годы, намного увеличилась, получив широкое развитие в различных изданиях, не только пишущих о спорте.

Ключевые слова: категория «спорт», русская литература, столичная печать, дискурсивные практики, 1840–1870-е годы.

Введение. Несмотря на то, что в филологии существует устойчивая терминологическая система, изучение дискурсивных практик продолжается. Сегодня они включают в себя: основные, производные, базовые, дополнительные и общие понятия. Тем не менее, даже устойчивые категории требуют уточнения, особенно это касается истории. Такой категорией является спорт.

В России первые попытки филологического осмысления термина начались в конце XVIII века. И только к середине XIX века в текстах начали наблюдаться различные интерпретации понятия «спорт», благодаря которым оно стало приобретать определённые «предметные» очертания. Продвижение того или иного «спортивного» слова во многом зависело от контекста описания события

© Войтик Е. А., 2019

и предлагаемого автором взгляда на происходящее. На ранней стадии появлялись несколько «временные» определения, дающие объяснение тому или иному явлению, эпизоду, посвящённые спорту. Тем самым происходило не только переосмысление, дополнение самой категории, но и порождение ряда спортивных терминологических единиц.

Методология и методы исследования. Исследование, являясь по сути филологическим, базируется на междисциплинарном и системно-интегративном подходе. Любой медиатекст обладает семантическим, синтаксическим и прагматическим потенциалом, то есть объективно отражает представленные в нём факты, события, характеристики героя произведения, имеет гармоничную структурную композицию, авторское начало, а также представляет ценностно-смысловую информацию, помогающую разобраться не только в настоящем, но и в прошлом.

Результаты исследования и их обсуждение. В 1840–1850-е годы процесс распространения категории «спорт» в русской литературе, включая и журналистику, всё ещё был неустойчив, но уже тогда произошли изменения в нескольких направлениях. Одно из них было непосредственно связано с началом использования категории в российских публикациях. В частности, в статье «Энциклопедия охоты» («Журнал коннозаводства и охоты», 1843) спорт представлен следующим образом: «Охота *(*Sport*) означает у Русских и у Англичан все роды полевых увеселений, конских ристаний, стрельбы, травли и ловли: зверей, птиц и рыб*» [15, с. 125].

Значительную роль в становлении категории «спорт» сыграли тексты журнала «Москвитянин». Именно здесь в течение небольшого промежутка времени было опубликовано несколько материалов, посвящённых спорту. Первой из них стала статья А. С. Хомякова «Спорт. Охота» (1845. Ч. I, № 2) – на это же указывают и современные исследователи П. Шалунов [13] и К. А. Алексеев [1]. Позднее были напечатаны «Спорт иностранный и русский» (1850. Ч. II) и «Нового рода спорт» (1850. Ч. IV, № 16).

В начале 1850-х годов попытку дать своё определение сделал санкт-петербургский редактор Ф. В. Булгарин (на это указывал историк первой половины XX века Н. П. Столпянский [12] и его последователи К. А. Алексеев и С. Н. Ильченко [2], А. И. Рейтблат [11] и др.). Исходя из первоисточника, в издании «Северная пчела» (от 8 дек. 1851 г.), в рубрике «Пчёлка» было написано: «*Этим словом, как известно, означаются все гимнастические упражнения или забавы, и сюда же принадлежат псовая охота, стрельба в цель, фехтование, верховая езда, рыболовство, охотническое мореплавание*»[1]. В качестве основы журналист предлагал гимнастику, называя её «забавой», и несколько видов «спорта». Одним из «новшеств» в этой формулировке стало то, что Ф. Булгарин включил в перечень определение «*охотническое мореплавание»*. Первоначально оно рассматривалось только как промысловая деятельность: охота на морских животных и крупных рыб. Предположим, что попадание в формулировку произошло из-за слова «охота». Однако в дальнейшем *охотническое мореплавание* практически не упоминается ни в одной из спортивных классификаций.

Через несколько дней после опубликования «первого» объяснения в выпуске от 19 декабря 1851 года редактор «Северной пчелы» немного расширяет своё представление о комплектации видов спорта и добавляет ещё два вида – «плавание» и «катание на коньках»: «*Сознаюсь, что у меня крепко лежит на душе sport! Я желал бы, чтобы Русская молодёжь подобно Английской, пристрастилась ко всем гимнастическим упражнениям, к стрельбе или охоте, к верховой езде, рыбной ловле, к плаванию, наконец, к катанию на коньках*»[2]. И снова в этом фрагменте наблюдается указание автора на взаимосвязь спорта и гимнастики. Здесь прослеживается и такая тенденция: термин «спорт» представляется в текстах Ф. В. Булгарина в английской интерпретации – «*sport»*, хотя уже более шести лет (считая с года выхода статьи А. С. Хомякова в 1845 г.), как был введён её русский вариант, тем не менее, редактор «Северной пчелы» его не использует.

В другой публикации «Гонки Императорского Петербургского яхт-клуба» (Современник. 1852. Т. 34), раскрывается «обратная» сторона спорта, рассмотренная через объяснение ещё нескольких разновидностей спорта (увлечений), распространённых у англичан: «*Кроме того, англичанин-спортман в душе:* ***тайна спорта*** *не в удовольствии, которое доставляет ему охота или скачка: нет! тайна эта заключается в пари, хотя бы подразумеваемом, которое для него есть основа всякого состязания, задняя мысль всякого* ***спорта****. Петух ли изувечит петуха его противника, терьер ли загрызёт боль-*

[1] Журнальная всякая всячина // Северная пчела. – 1851. – № 274. – 8 дек.

[2] Заметки, выписки и корреспонденция // Северная пчела. – 1851. – № 283. – 19 дек.

ше крыс, борзая ли собака настигнет первого зайца, лошадь ли обскачет своих соперниц на турфе, или яхта его возьмёт приз на регате, – в сущности это всё равно»[1]. Как видно из этого фрагмента, в те времена в систему спортивной деятельности, помимо скачек и гонок на яхте, могли входить и «звериные забавы». Что касается представления изучаемой категории, то она вновь в русском варианте «спорт».

В 1853 году в российской прессе появляется первая новость, где прозвучало слово «спорт», в ней речь идёт о закрытии спортивного сезона в Париже: «***Спорт** окончил свой сезон скачками 26-го числа в Шантильи; львы и львицы, присутствующие обыкновенно на этих зрелищах, вероятно, проводят последнюю лошадь и будут держать за неё пари*»[2] (Пантеон. 1853. № 11). Несмотря на всю важность сообщения, оно было представлено читателям в ироничной форме.

Третья тенденция уже касалась самой репрезентации термина «спорт» в текстах в различных вариациях. В 1850-е годы в периодических изданиях России (в первую очередь столичных) понятие «спорт» постепенно стало употребляться по назначению. В большинстве публикаций в первую очередь раскрывалось отношение к этому виду деятельности англичан. Например, в заметке «Скриб у Роберта Пиля» (Москвитянин. 1850. Т. IV) было указано на «особую любовь» к спорту англичан (когда из-за проведения очередной скачки был отменён музыкальный концерт): «*В старой Англии всё уступает место спорту. Как ни велика любовь англичан к музыке, но страсть их к лошадям много древнее и сильнее. Опера идёт после турфа. Нет той дивной партици, которой бы не перетянул steeple-chaise на весах английского вкуса. Самый знаменитый маэстро, самый любимый певец, самая модная певица, Гавели, Лаблаш, г-жа Зонтаг не в состоянии выдержать соперничества с чистокровными скакунами и учёными жокеями. Поэтому театр Королевы исполнил свою обязанность и дал дорогу Эскотской скачке*»[3]. (Примечательным остаётся то, что этот же эпизод был описан в журнале «Библиотека для чтения» (1850. Т. 102), однако о самой скачке было сказано очень коротко, буквально в пяти предложениях, без упоминания, что это спорт).

Экспериментальный подход прослеживается в одном из номеров за 1854 год журнала «Современник». В заметке «Открытие Лоншанского гипподрома» раскрывается «парижский спорт», представленный через описание нового места для скачек – Лошанской долины. Однако переводчик интерпретирует это событие своеобразно, точнее, не совсем корректно – как «спорт в Longchamps» (в данном случае географическое место, а точнее построенное здесь спортивное сооружение (ипподром), «неожиданно» рассматривается как цельное понятие – «спорт»): «*Одним из главных предметов для толков парижан служит теперь открытие нового гипподрома, или Спорта в Longchamps, близь Парижа. Конские бега и скачки с препятствиями (steplechases) происходили до сих пор на Марсовом поле; но теперь для них предназначено новое ристалище. Читатели “Современника”, вероятно, уже довольно ознакомились с тем множеством построек, перестроек и переделок, которыми правительство старается занять умы и взоры парижан, и вот в виде прибавки к преобразованиям, которые испытал в последнее время Булонский лес, император с целью приучить парижских жителей искать летних удовольствий вне города устроил – теперь этот гипподром, один из громаднейших, если не самый громадный в целом свет. Он лежит вслед за Булонским лесом, в том месте, где лес этот граничит с общиной Нельи, и занимает значительную часть пространства, известного под именем Лоншанской равнины*»[4].

На протяжении всего текста автор (переводчик) не осознаёт своей «погрешности» в трактовке избранного понятия, и в конце она вновь проявляется: « <…> *с равнин Лоншанскаго **спорта**, где скачки будут продолжаться, по отзывам журналов, до 1 ноября*…»[5].

В это же время в российской публицистики и печати продолжает развиваться тема прямой взаимосвязи между спортом и охотой, начатая ещё в 1828 году и продолженная в 1840-х годах, в первых спортивных публикациях. В 1850-е годы она становится особо популярной. Многие специализированные издания (спортивные, «охотничьи» и т. п.), а также непрофильные стали активно печатать материалы на данную тему. В жанровом плане – тематика основательно раскрывалась в

[1] Гонки Императорского Петербургского яхт-клуба // Современник. – 1852. – Т. 34. – С. 131.

[2] Новости парижской жизни // Пантион. Раздел «Смесь». – 1853. – № 11. – С. 40.

[3] Скриб у Роберта Пиля // Москвитянин. Раздел «Смесь». – 1850. – Т. 4. – С. 33.

[4] Открытие Лоншанского ипподрома // Современник. – 1854. – Т. 48. – С. 99.

[5] Там же.

рецензиях на выходящие в тот период книги и журналы об охоте.

Данная проблематика была затронута и в объявлении о выходе «Журнала охоты» в 1858 году, вышедшем в различных изданиях, в частности в «Журнале Министерства народного просвещения» (1857), «Русском вестнике» (1858) и др. В нём редактор и издатель Г. Мин писал: «*Частная же охота и правильный промысел могут укорениться только через распространение понятий о* ***спорте,*** *между охотниками-любителями, через расчётливость между охотниками-промышленниками, что и в том и в этом случае необходимо упрочить, как дальнейшую возможность удовлетворять цели тех и других. Чтобы распространить упомянутые понятия и вывесть потребные правила охоты, нужен какой-либо орган, который служил бы, во-первых, поборником правительства к укоренению между образованными охотниками-любителями, а чрез их посредство и между охотниками-промышленниками сознания в необходимости согласования своих действий с узаконениями как для общей, так и для своей собственной пользы; во-вторых, посредником между приверженцами охоты тех стран, где она достигла высшей степени выработки, дабы заимствовать от них всё то, что может послужить нам с выгодою, и в-третьих, средоточием для сбора, ко всеобщему сведению, многочисленных наблюдений, как бы мимоходом делаемых в различных частях России, и теперь, за неимением органа, остающихся под спудом и без всяких результатов. Предполагаемый "Журнал Охоты" должен будет служить таким органом и такова цель его издания*» [10].

В 1859 году в статье «Несколько замечаний об охоте вообще», размещённой в «Русском слове», критик, скрывавшийся под псевдонимом «Ревельский барон»[1], также определяет чёткую взаимосвязь между охотой и спортом: «*Строгий порядок, система и толк в охоте показывают и порядочного человека, и, вероятно, хорошего хозяина; без развитых, больше или меньше, понятий нельзя быть настоящим спортсменом. Поэтому-то у нас в России понятия об охоте, коннозаводстве и вообще о предметах спорта, самые отсталые, ложные и вредные для охотников. И вот почему значение "Журнала охоты", как проводника современных знаний в охоте, как органа науки об охоте, может быть для нас весьма важно*» [9, с. 29]. Здесь же он раскрывает и суть появления спорта в России и заостряет внимание на повсеместном увлечении охотой в 1850-х годах: «*Но появилась англомания, сначала во Франции, потом конечно и у нас; "спорт" вошёл в моду, и те же охотники сделались другими людьми в глазах прежней публики; охота стала наконец не только терпима, но даже уважаема; такова наша публика!.. Это исторический факт, в справедливости которого, вероятно, поручатся все наши старые охотники. Теперь вовсе неохотники в душе заводят и собак, и ружья, и охотничьих лошадей, – ради моды и от нечего делать*» [Там же].

Обращали внимание на категорию «спорт» и российские публицисты. В частности, И. Г. Головин в книге «Десять лет в Англии» (Лейпциг, 1858) предлагает оригинальную версию происхождения этого термина: «*Слово "спорт" исландского происхождения и означает игру, забаву; оно ныне прилагается к охоте и к лошадиным бегам, хотя стрелок – плохой sportsman*» [5, с. 85].

В этот же период в текстах появляются первые словосочетания, непосредственно связанные с термином «спорт». Одним из первых стало словосочетание ***«литература спорта».*** Впервые оно появилось в 1851 году в журнале «Москвитянин», в критической статье об одном из изданий А. М. Венцеславского «Птичья или егерская охота и искусственные охоты». В тексте говорилось следующее: «*Эта* ***литература "спорта"*** *считает и на Русском языке несколько хороших сочинений, между которыми труды г. Венцеславскаго пользуются особенною известностью. Новое его сочинение заключает в себе довольно подробное изложение так называемой егерской охоты. Здесь описаны и принадлежности этой охоты (собаки, ружья), и цель её (птицы в охотничьем отношении), и самые способы производства охоты: на дичь лесную, болотную, береговую и полевую; потом представлена охота с чучелами на уток и тетерей, за утками на стойках, на фазанов и проч. Всё это изложено ясно и обстоятельно*»[2]. Примечательным в данном случае становится то, что автор рецензии вводит данный термин, но при этом рассматривает всего лишь одну книгу об охоте, без ссылки на другие источники.

[1] Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. – М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты. – 1958. – Т. 3. – С. 28.

[2] Птичья или егерская охота, и искусственные охоты, с присовокуплением охот: посредством облав, с загонщиками, и охоты с филином на хищных птиц / сост. А. М. Венцеславский // Москвитянин. – 1851. – Т. VI, № 21. – С. 184.

В данное время зарождались и другие выражения, в частности, ***«истинный спорт», «летопись спорта», «язык спорта», «в мире спорта».*** Первоначально они использовались в литературных произведениях, осторожно, как бы невзначай.

Выражение «***истинный спорт***» впервые было использовано писательницей М. С. Жуковой в романе «Две свадьбы» (Отечественные записки. 1857. Т. CXII, № 6). Автор романа, характеризуя увлечения главного героя Андрея Гавриловича, пишет: «*Самая охота у него была не совсем на барскую ногу. Псарями у него были и Кузьма, кучер, и Яшка, старостин сын, и Гришка, башмачник; выезжали кто на сивой, кто на буланой лошади, в овчинных полушубках, кто в картузе, кто в малахае, словом, без всякого притязания на* ***истинный спорт***»[1]. Высказывание «истинный спорт» автором подано с иронией. В этом случае идёт замещение слова «охота» на «спорт», что было принято в то время.

Выражение ***«язык спорта»*** наблюдается в произведении «Бабушка» («Эпизоды из жизни Райского») И. А. Гончарова[2] в словах майора Кина: *«****Язык спорта*** *сделался твоей второй натурой, с тех пор, что ты взял приз»*[3], напечатанном в 1861 году. Другое – «***летопись спорта»*** было использовано в книге М. Н. Дохтурова «Поездка на Восток» (1863). При описании посещения театра в Вене, спектакля по трагедии «Фауст», говорилось: «Роль Маргариты исполняла г-жа Фл. Дочман – имя гораздо более известное в ***летописях спорта*** и в жокей-клубах, чем в артистическом мире» [6, с. 8].

Ещё одно выражение «*в мире спорта*» станет популярным в последующие века. Одной из первых публикаций, где оно было употреблено, были «Письма из Парижа» (Журнал коннозаводства и охоты. 1868. № 1): «*Не имея претензии строить, на основании случайных явлений, теории и произносить приговоры решающие, позволю себе предложить замечание: что победы на ипподромах, может быть иногда и случайные, не слишком ли сильно влияют на значение, которое приобретает резвый скакун как производитель. Ибо большей уступки уже, кажется, нельзя сделать моде, господствующей* ***в мире спорта****, как платить арендной суммы 91 000 франков в год за внука лошади, проданной за 13 000 фр. ещё в полноте и свежести сил*»[4].

Близкое высказывание используется и в отчёте «Четвёртый день Московских зимних бегов» (Московские ведомости. 1873. № 33): «*Не можем умолчать еще о другой крупной новости* ***в мире нашего спорта****. В этот день было открытие вновь устроенного в селе Всесвятском охотничьего дома вновь учреждаемого здесь Общества парфосной охоты, на щедрое пожертвование почётного спортсмена Ф. И. Герле*»[5].

Обновляется в этом плане и журналистика, здесь появляются словосочетания «*журнал спорта*», *«спортсменский журнал»*, «*газета спорта*», *«листок спорта»* и т. д. Сначала они применяются по отношению к зарубежным изданиям (особенно к английским). Например, в одном из номеров «Журнала коннозаводства и охоты» (1860) говорилось: «Как в особых сочинениях, из которых мы укажем на “Сравнение английских скаковых и верховых лошадей”, изданное в Лондоне в 1856 году, так и в важнейших ***периодических органах английского спорта***: “Sporting Magazine и Bell’s Life in London”, возрастают голоса в пользу прежних лошадей против нынешних» [3, с. 65–66]. Или в 1862 году в журнале «Время» при описании неудачного падения греческой королевы с лошади из-за резкой остановки (головой вперёд) были приведены профессиональные комментарии одного из английских изданий: «*Один* ***английский журнал спорта****, скачек и охоты, пересказывая этот случай по другим газетам, уверяет, что упасть таким образом нет возможности, что когда приходится остановить лошадь, корпус всадника подаётся назад, этим же движением напрягаются поводья, что и заставляет лошадь остановиться, так что упасть вперёд нет возможности, если только лошадь не остановится сама собой*»[6].

В 1860–1870-е годы эти словосочетания стали применяться к российским журналам и газетам, в том числе, к заголовкам самих изданий. В это время вышли следующие издания: «Зритель общественной жизни, литературы и спорта» (М.,1861); «Журнал охоты, коннозаводства, бегов и скачек, акклиматиза-

[1] Жукова М. Н. Две свадьбы // Отечественные записки. – 1857. – Т. CXII, № 6. – С. 602.

[2] Отрывки из неоконченного романа «Обрыв» И. А. Гончарова.

[3] Гончаров А. И. Бабушка (Эпизоды из жизни Райского) // Отечественные записки. – 1861. – Т. 134. – С. 32.

[4] Коптев В. Василий Иванович Шишкин // Материалы для истории русского коннозаводства: статьи Василия Ивановича Коптева. 1847–1887 гг. – М: Тип. В. В. Чичерина, 1887. – С. 73.

[5] Четвёртый день Московских зимних бегов // Московские ведомости. – 1873. – № 33. – 5 февр.

[6] Последние известия // Время. Раздел «Политическое обозрение». – 1862. – № 5. – С. 37.

ции животных, рыболовства и других предметов спорта» (СПб., 1871); «Иллюстрированный журнал охоты и коннозаводства, бегов, скачек, акклиматизации животных, рыболовства и других предметов спорта (деревенских увеселений)» (СПб., 1874).

Уникальным в этом плане является журнал «Зритель общественной жизни, литературы и спорта» (редактор С. Колошин), который вышел в Москве 16 декабря 1861 года. Необходимо отметить, что в различных источниках тип этого издания представлен по-разному: в одних – это газета; в других – журнал. Путаница в определении происходит из-за того, что позднее вышло ещё несколько изданий с подобным названием. То, что это была именно газета, подтверждают характерные признаки самого издания, а также описание, данное в журнале «Книжный вестник» (1863. № 1). Помимо того, что редактор включил «спорт» в название издания, появился раздел, в котором исследуемое слово тоже было введено в заголовок – «Спорт или охота в обширном значении». Это был первый официальный спортивный раздел. В конце 1860-х – начале 1870-х годов подобные разделы появляются и в других изданиях. Например, в «Петербургской газете» в 1871 году, в журнале «Всемирная иллюстрация» в 1875 году и т. д.

Второе направление связано с представлением спорта в российских изданиях в различных контекстах, касающихся, прежде всего, его интерпретации. Это хорошо прослеживается при рассмотрении географического и исторического факторов.

В первом случае речь идёт о возникновении словосочетаний, когда в публикации отражена связь спорта и определенного географического объекта (это может быть город, страна, континент, определённая местность). В частности, благодаря этому появились такие словообразования: «парижский спорт», «итонский спорт», «русский спорт», «английский спорт» (наиболее распространённый вариант для того времени), «французский спорт», «арабский спорт», «европейский спорт» и т. д.

Словосочетание «*русский спорт*» впервые было использовано ещё в 1846 году в сообщении неизвестного автора, появившемся в разделе «Московская летопись» журнала «Москвитянин». Оно было упомянуто в контексте проводимого «собора» (купли-продажи) различных орудий для охоты, а также охотничьих собак в Охотном ряду: «*В общежитии называют первое воскресенье сборным. Может быть, есть тут намёк и на собор, но, вероятнее, происходит это название от того, что в этот день собираются в Охотном ряду всевозможные охотники. Сюда сводят на продажу собак: и легавых, и борзых, и гончих, и мордашек и меделянских; сносят всякого рода птиц, пистолеты, ружья, арапники; одним словом всё, что может выставить* ***русский спорт****, всё является на площадь Охотного ряда*»[1].

Отношение спорта к определённому городу было выражено, например, через словосочетания «*парижский спорт*» и «*итонский спорт*». Выражение «*парижский спорт*» было уже устойчивым в 1850-е годы. О спортивной деятельности в Париже в российских изданиях писалось постоянно. В частности, в одном из сообщений из рубрики «Заграничные современные известия» в журнале «Москвитянин» (1852. № 21) говорится: «*Ла Марш – прекрасное поместье, принадлежавшее некогда королеве Марии Антуанетте, окружено живописными видами, и по красоте местности не уступает Трианону.* ***Парижский спорт*** *устроил там чудесную арену для скачек, и теперь долина Ла Марш сделалась самою головоломною окрестностью Парижа. Рвы, ручьи, канавы, волчьи загороды (le saut du loup) – ни в чём нет недостатка, а в день скачек проливной дождь до того размочил землю, что, как говорится, ни пройти, ни проехать*»[2].

Словосочетание «*итонский спорт*» показывает другую сторону – использование понятия в единичных случаях, только при рассказе о существовании вида спорта в каком-то городе, где побывал публицист: «*Величайший Итонский спорт (sport) – без сомнения гребля на лодках. Темза, Кем и Изис славятся своими осмивесёлками*»[3].

Рассмотрение понятия «спорт» через страну и географию в российской прессе разнообразно. Однако, судя по печатным материалам того времени, это прежде всего связано с Англией. При всех традиционных высказываниях и объяснениях встречается и нестандартный подход (раскрытие «английского спорта» через скептицизм, иронию). Одно из таких ироничных объяснений представлено в статье «Московские скачки 1860 года» (Русский вестник. 1860. Т. 28). В публикации обращается внимание не только на интерес англичан к скачкам и бегам, но и на такие экзотичные

[1] Московская летопись // Москвитянин. – 1846. – Ч. 2, № 3. – С. 276.

[2] Заграничные современные известия // Москвитянин. – 1852. – № 21. – С. 7.

[3] Итон. Журнал Министерства народного просвещения. – 1866. – Т. 130, отд. V. – С. 70.

виды, как «травля крыс» и «бой петухов»: «*Если скачки, так же как и бега, считать испытанием лошадей, то на что нужно это испытание, когда ни первого, ни второго, ни третьего скакуна никто не купит?.. Так думает и говорит большинство нашей публики; другая, значительная, масса её ничего не думает и считает скачки модным увеселением, англоманиею, английским шиком, как травлю крыс, бой петухов и всякий* ***английский спорт****, который хорош только на своей почве, а пересаженный на другую становится карикатурою*»[1].

«*Арабский спорт*» впервые упомянут в очерке И. Березина «Сцены в пустыне» (Русский вестник. 1860. № 4): «*Для нас, жителей севера, арабская лошадь составляет миф, в роде Полкана, и об условиях* ***арабского спорта*** *мы имеем весьма неопределённое понятие*» [4].

Выражение «*европейский спорт*» первым употребил В. Коптев в статье «О вызове г-на Пфейля Русскому Рысистому коннозаводству» (Русские ведомости. 1869. № 205). На «вызов» иностранца он «ответил» солидной публикацией, в которой предложил провести соревнования и выяснить, чьи скакуны лучше: *«Тем не менее, мы полагали весьма интересным для наших охотников воспроизведение в печати всех этих документов, дабы показать, во-первых, взгляд иностранцев на беговое дело и то младенчество, в котором оно у них находится; во-вторых, познакомивши наших охотников с их воззрениями и приёмами, так сказать, приготовить в будущем почву для состязания с ними, на которой мы могли бы с ними встретиться и тем дать случай Европе видеть поближе нашего знаменитого орловского рысака, которому, конечно, предстоит почётное место в* ***европейском спорте****»*[2].

В качестве примера описания спорта в рамках определённой местности можно привести словосочетание «Лоншанский спорт», употребленное в заметке «Открытие Лоншанского гипподрома» (Современник. 1854), проанализированной выше.

«Географическая» составляющая спорта, помимо прямых «выражений», могла быть передана и через отдельный отрывок в тексте. В частности, это можно увидеть в публикации «Шотландский брак и английская молодёжь» (Вестник Европы. 1871), в которой в небольшом фрагменте речь идёт о спорте во Франции: «*А между тем, страсть к спорту, как в прежнее время страсть к охоте – распространяется на Западе необыкновенно быстро.* ***Спорт*** *перешёл уже во Францию и составляет одно из любимейших удовольствий парижан*» [14, с. 283].

Ещё один немаловажный аспект рассмотрения – это применение категории «спорт» в исторических текстах, написанных в середине XIX века. Он связан с невольным допуском фактической ошибки в этих текстах, так как журналисты, литераторы использовали данный термин при описании тех периодов времени, когда спорт ещё не существовал. Например, это можно наблюдать при переводе произведения Ж. Мишле «История Франции в XVI в. Реформа» (“*Histoire de France au XVIe siècle. Réforme*”, 1855), напечатанного в журнале «Библиотека для чтения» (1861. № 9). При описании увлечений Генриха VIII (1491–1547) он неожиданно употребляет слово «спорт», хотя в то время оно только зарождалось и было практически неизвестно: «*Эти десять лет от восемнадцати до двадцати восьмилетнего возраста Генрих проводил сперва в упоении* ***спорта****, на лошади, в этой молчаливой, но шумной жизни страстных английских охотников*» [8]. Стоит обратить внимание на то, что в русском варианте это не являлось вольной интерпретацией переводчика – именно так было написано во французском тексте: “*Ces dix annees d’ Henri, de dix-huit a vingt-huit ans, il les avait passees d’abord dans l’etourdissement du* ***sport****, la vie a cheval, taciturne et bruyante pourtant, des violents chasseurs anglais*” [16, с. 134].

Та же «погрешность» отмечается в биографическом очерке В. Коптева «Василий Иванович Шишкин» (Журнал коннозаводства и охоты. 1872. № 3). Здесь журналист при описании одного из пристрастий графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского – охоты – также употребляет слово «спорт»: «*Старожилы, знавшие Графа, говорили, что Граф А. Г. был величайший знаток во всех родах охот, то что англичане называют под общим наименованием* ***спорт (Sport),*** *хотя и ездил сам, но содержал её для увеселения публики, ведя сам подробные им родословные книги (студ-бук)»*[3]. Автор текста не только допускает историческую неточность (в конце XVIII в. этого слова ещё не было в обиходе русского языка), но и делает «ошибочный» вывод о том, что любая охота – это и есть спорт. Кроме того, Коптев использует два ва-

[1] Московские скачки 1860 года // Русский вестник. – 1860. – Т. 28. – С. 316.

[2] Коптев В. О вызове г-на Пфейля Русскому Рысистому коннозаводству // Русские ведомости. – 1869. № 205.

[3] Коптев В. Василий Иванович Шишкин // Журнал коннозаводства и охоты. – 1872. – № 3. – С. 30–131.

рианта написания слова «спорт» – русский и английский, хотя в 70-е годы XIX века во многих текстах оно уже свободно употреблялось в русском варианте, английский аналог при этом не требовался.

Стоит отметить, что подобные случаи были нередки не только в журналистике, но и в литературных произведениях, а также в ряде научно-популярных текстов, посвящённых истории России.

Выводы. В рамках научной статьи стало возможным раскрыть сущность и выявить ряд экзистенциальных особенностей текстуализации в сфере спорта; удалось установить многоаспектность происходящих процессов и выдвижение нового направления – «спорт», что произошло на стыке литературы и журналистики.

В контексте периодической печати середины XIX века формировалась новая ценностно-смысловая парадигма по отношению к категории «спорт». За 1840–1870-е годы было создано немало литературных и журналистских произведений, которые помогли российскому обществу понять основы зарождения спортивной направленности. В это время слово «спорт» уже не воспринималось как простое, рядовое, наравне с другими словами, а через возникающие формулировки, философские размышления, литературные произведения, статьи, критические заметки, виделось как нечто новое, другими словами, происходят первые шаги возникновения целостной категориальной системы, определяется его предметная сущность.

В целом, исходя из проделанной работы, можно сделать два основных вывода. Первый – категория «спорт» в текстах второй половины XIX в. представляет собой семантически структурный комплекс, который обладает развитой системой образных парадигм, характеризуется общественной значимостью. В этот период данная категория взаимодействует с системой терминов родства, с лексико-семантическими понятиями «охота». «гимнастика» вплоть до 1880-х гг. Поэтому прочной устойчивости в этом вопросе пока нет.

Второй вывод – первоначальные понятия о спорте были одновременно просты (с современных позиций), и в то же время сложны, порой непонятны для читателей XIX в. Можно констатировать и то, что именно в это время были сформированы важные компоненты лингвистической категории «спорт».

Список литературы

1. Алексеев К. А. Развитие отделов спорта в изданиях общей тематики в XIX веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2014. Вып. 2. С. 180–188.
2. Алексеев К. А., Ильченко С. Н. Спортивная журналистика. М.: Юрайт, 2014. 427 с.
3. Беглый взгляд на скачки молодого возраста // Журнал коннозаводства и охоты. 1860. Вып. 7–12, № 7. С. 63–74.
4. Березин И. Сцены в пустыне // Русский вестник. 1860. Т. 26, № 4. С. 85.
5. Головин И. Г. Десять лет в Англии. Лейпциг: Изд. В. Гергарда, 1858. 144 с.
6. Дохтуров М. Н. Поездка на Восток. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1863. 285 с.
7. Коптев В. И. Материалы для истории русского коннозаводства: статьи Василия Ивановича Коптева. 1847–1887 гг. М.: Тип. В. В. Чичерина, 1887. 941 с.
8. Мишле Ж. Реформа (из истории Франции в XVI в.) // Приложение к журналу «Библиотека для чтения». 1861. № 9. С. 64.
9. Несколько замечаний об охоте вообще // Русское слово. Раздел. «Смесь». 1859. № 3. С. 28–45.
10. Об издании «Журнала охоты» // Журнал Министерства народного просвещения. 1857. Т. 96. С. 149.
11. Рейтблат А. И. Пушкин-гимнаст // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 201–217.
12. Столпянский Н. П. Спорт в старом Петрограде // Военно-исторический сборник. 1914. № 3. С. 33–52.
13. Шалунов П. Алексей Степанович Хомяков об отношении к национальным традициям спорта и отдыха [Электронный ресурс] // Русское Воскресение. 2002. Март. Режим доступа: http://www.voskres.ru/idea/sport.htm (дата обращения: 02.12.2018).
14. Шотландский брак и английская молодёжь // Вестник Европы. 1871. Т. 1. С. 256–318.
15. Энциклопедия охоты // Журнал коннозаводства и охоты. 1843. Т. 4, вып. 13–16. С. 125–133.
16. Michelet J. Histoire de France au XVIe siècle. Réforme. Rouen, 1855. 528 p.

Статья поступила в редакцию 08.01.2019; принята к публикации 10.02.2019

Библиографическое описание статьи

Войтик Е. А. Категория «спорт» в русской литературе и журналистике середины XIX века // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 41–49. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-41-49.

Evgenia A. Voytik,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Tomsk State University,
(66 Lenina ave., Tomsk, 634050, Russia),
e-mail: voj@yandex.ru
orcid: 0000-0003-1856-6216

The Category of "Sports" in Russian Literature and Journalism in the Middle of the 19th Century

At present, the boundaries of scientific research are expanding within the framework of the study of various categories. The category of "sports" is a special lexical category, which allows to characterize capaciously the factors of practical and scientific activities directly related to the specialization of the corresponding social sphere, namely sports. It also acts as a component of an integral leisure categorical system and provides an opportunity to clarify its basic functionality, to expand the semantic boundaries of the field of knowledge about the substantive essence of this phenomenon. The specifics of the historical construction of a sports text and the study of its developmental features are a complex and multidimensional problem. The problematic of the theme is also caused by the lack of knowledge of this issue. The article is devoted to the study of the formation of the category of "sports" in Russian literature in the framework of the metropolitan press of Russia. The terminological system that emerged contributed to the birth of the text, in which "sport" phrases began to appear. The texts is about the sport of the middle of the 19th century, initially assumed the disclosure of sports information. Their primary tasks were the actualization of sport topics for contemporaries; the expression of the author's assessment to the category of "sports" as an emerging phenomenon. This was due to the presentation of both an objective and a subjective picture of the current event, according to certain signs relating to the sport; introduction of a number of semantic dominants to the text (conceptual, phono-semantic, and in some cases emotional (to create a vivid picture of a sport phenomenon); dynamic narrative. The main function of such texts was to satisfy the information needs of members of society who are interested in sports not only as leisure entertainment and play but also as terminology originated here. At this time, the following phrases appear: "literature of sports", "language of sports", "sports magazine", "sports newspaper", "Russian sports", "French sports", "English sports", "European sports" and others. Thus, special sports terminology is gradually being established in Russian texts, which in subsequent years, especially in the 1870s – 1880s, increased significantly, having received wide development in various publications, not only writing about sports.

Keywords: category of "sports", Russian literature, metropolitan press, discursive practices, the 1840s – 1870s.

References

1. Alekseyev, K. A. The development of sports departments in the publications of general subjects in the XIX century. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9, Filologiya, vostokovedeniye, zhurnalistika, vyp. 2, pp. 180–188, 2014. (In Rus.)
2. Alekseyev, K. A., Il'chenko, S. N. Sports journalism. M: Yurayt, 2014. (In Rus.)
3. A quick look at the races of a young age. Zhurnal konnozavodstva i okhoty, vol. 7–12, no. 7, pp. 63–74, 1860. (In Rus.)
4. Berezin, I. Scenes in the desert. Russkiy vestnik, v. 26, no. 4, pp. 258–285, 1860. (In Rus.)
5. Golovin, I. G. Ten years in England. Leyptsig. Izdaniye V. Gergarda. 1858. (In Rus.)
6. Dokhturov, M. N. A trip to the East. Sankt Peterburg. tip. Imp. Akad. Nauk, 1863. (In Rus.)
7. Koptev, V. I. Materials for the history of Russian horse breeding: Articles by Vasily Ivanovich Koptev. 1847–1887 ML Tipo-lit. V. V. Chicherina, 1887. (In Rus.)
8. Mishle, ZH. Reforma (From the History of France in the XVI Century). Prilozheniye k zhurnalu "Biblioteka dlya chteniya", no. 9, 1861. (In Rus.)
9. A few comments about hunting in general. Russkoye slovo, no. 3, pp. 28–45, 1859. (In Rus.)
10. On the publication of the Journal of Hunting. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, v. 96, 1857. (In Rus.)
11. Reytblat, A. I. Pushkin, a gymnast. Novoye literaturnoye obozreniya, no. 123, pp. 201–217, 2013. (In Rus.)
12. Stolpyanskiy, N. P. Sports in old Petrograd. Voyenno-istoricheskiy sbornik, no. 3, pp. 33–52, 1914. (In Rus.)
13. Shalunov, P. Alexey Stepanovich Khomyakov about the attitude to the national traditions of sports and recreation. Russkoye Voskreseniye, mart, 2002. Web: 02.12.2018. http://www.voskres.ru/idea/sport.htm (In Rus.)
14. Scottish marriage and the English youth. Vestnik Yevropy, v. 1, pp. 256–318, 1871. (In Rus.)
15. Encyclopedia of hunting. Zhurnal konnozavodstva i okhoty, v. 4, vol. 13–16, pp. 125–133, 1843. (In Rus.)
16. Michelet, J. Histoire de France au XVIe siècle. Réforme. 1855. (In French)

Received: January 8, 2019; accepted for publication February 10, 2019

Reference to the article

Voytik E. A. The Category of "Sports" in Russian Literature and Journalism in the Middle of the 19th Century // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 41–49. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-41-49.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 070+654.191
DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-50-57

Дарья Валерьевна Зубко,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб.,7/9),
e-mail: prostdasha@yandex.ru
orcid: 0000-0003-1299-1115

Публицистические дискуссионные программы на отечественном радио XXI века: полемика против софистики

В статье исследуется жанрово-форматная принадлежность современных публицистических дискуссионных программ радиоканалов: «Вести ФМ», «Радио России», «Эхо Москвы», радио «Комсомольская правда», «Радио “Свободная Европа”/Радио “Свобода”». Для определения форматно-жанровой представленности передач использован метод классификации, системный подход. Для выявления риторического целеполагания радиодискуссий и признаков софистики в дискуссионных радиопрограммах применяются классификаторы признаков софистики, разработанные исследователями Е. Н. Зарецкой и С. И. Поварниным. Выявлено, что дискуссионные передачи публицистического характера на современном радио представлены в форматах беседы со слушателями, круглого стола, публицистического ток-шоу. Определено, что несмотря на то, что публицистические дискуссионные программы реализуются в большинстве случаев в виде фокусированной полемики, представляющей собой спор, направленный на победу над собеседником с использованием только корректных логических и психологических приёмов, в эфире отдельных передач радиостанций «Эхо Москвы» и «Комсомольская правда» ведущие и гости программ используют софистические (некорректные) приёмы воздействия на оппонентов (инсинуации, апелляции к насилию как форме решения конфликтов, «технологические» приёмы препятствия утверждению другой точки зрения, вывод противника из спора, создание численного преимущества одной из сторон спора и др.). Использование приёмов софистики в дискуссионных передачах является одним из способов насильственной психолого-речевой корректировки общественного мнения. В статье даны рекомендации по совершенствованию дискуссионных передач публицистического характера: следование принципам толерантной коммуникации, этики общения, снижение агрессивности эфира, усиление реальной полемичности коммуникации в эфирных дискуссиях.

Ключевые слова: радио, публицистика, дискуссионные программы, полемика, софистика

Введение. Диалогическая и полифоническая транспарентность, смелость и многообразие публицистических выступлений являются неотъемлемыми признаками демократического информационно-коммуникативного и общественного процесса. Как и другие СМИ, радио мгновенно реагирует на общественно-политические трансформации, выносит «на суд слушателей разнообразие взглядов, мнений, позиций и, наряду с отражением сторонних мнений, радиожурналистам приходится так или иначе формулировать свои взгляды, выражать своё отношение к действительности» [11, с. 113].

Под радиопублицистикой начала XXI века в статье понимается особая предельно персонифицированная и творчески интимизированная разновидность радиоматериалов, в которых актуализируются наиболее важные для общества проблемы и явления, и которые в высокой степени обладают свойствами оценочности, экспрессивности, призывности, пристрастности (предъявление журналистом аудитории, как правило, своей позиции, обусловленной профессиональными знаниями, жизненным опытом, собственным мировоззрением).

Наиболее удобную площадку для обсуждения общественных противоречий в радиоэфире представляет формат дискуссионной публицистической программы. Основная задача подобного рода передач – анализ проблем социума, поиск ответов на вопросы, которые волнуют значительный сегмент аудитории.

Публицистические дискуссионные программы востребованы в отечественном радиовещании, в федеральном и региональном эфире звучат десятки специализированных и тематически разнонаправленных дискуссионных передач. Высокая доля дискуссионных программ на радио связана с рядом особенностей радиовещания, в частности, с его ориентированием только на аудиальный канал восприятия аудиторией информации. В связи с тем, что слушание для человека наиболее комфортно – не требует отвлечения от повседневных забот, аудиторию не отвлекает

© Зубко Д. В., 2019

картинка, не пугает большой объём печатного текста, – он изначально настроен на лучшее восприятие того, что говорит выступающий. Радио привлекает аудиторию именно звучащим словом. Даже при фоновом прослушивании радиопрограммы разговор в эфире на уровне подсознания воспринимается лучше, чем, например, при фоновом просмотре телепередачи.

Методология и методы исследования. Радиопублицистика находилась в фокусе активного научного интереса в период 1970–1980-х годов, эти исследования в большей степени носят исторический характер (труды Ю. Д. Бараневича, М. С. Глейзера, О. И. Куденко, В. Н. Ружникова[1], В. В. Смирнова, А. А. Шереля [1; 5; 13; 18; 19]). Фундаментальное исследование радиопублицистики в ракурсе жанровой классификации проведено в 1992 году петербургским исследователем Т. В. Васильевой[2]. В 2000-е годы количество работ, посвящённых изучению отечественной радиопублицистики, резко снизилось. Сам термин «радиопублицистика» практически не используется в научных трудах исследователей радиоэфира 2010-х годов.

В настоящее время специалисты обращаются, как правило, к изучению отдельных форм и жанров публицистического вещания, практически не затрагивают форматные, структурно-функциональные и проблемно-тематические характеристики публицистических передач. Исключение составляют компетентные и признанные научным сообществом исследования Л. Д. Болотовой, Ю. В. Клюева, Е. Р. Раскатовой, В. В. Смирнова [2–4; 9–11; 17], коллективная работа Т. В. Васильевой, В. Г. Осинского, Г. Н. Петрова[3].

Недостаточно исследуются структурные характеристики публицистических программ дискуссионного характера. Указанные передачи изучаются в ракурсе их технического оснащения, жанрово-форматной представленности, но мало изучены с точки зрения риторического целеполагания эфирных споров. Между тем, понимание риторической направленности студийного разговора способствует осознанию вектора ориентации радиоредакций к консолидации общества или к его разобщению.

В статье с использованием метода классификации и системного подхода проведён анализ форматно-жанровой представленности дискуссионных передач в современном радиоэфире отечественных общественно-политических радиоканалов: «Вести ФМ», «Радио России», «Эхо Москвы», радио «Комсомольская правда»; зарубежной радиостанции, осуществляющей русскоязычное вещание на территории Российской Федерации: «Радио “Свободная Европа”/Радио “Свобода”».

Дискуссионные передачи современного отечественного эфира проанализированы с целью выявления использования журналистами и гостями передач некорректных (софистических) приёмов спора, способствующих дезориентации эфирных оппонентов. Для выявления признаков софистики в выпусках дискуссионных радиопередач использованы классификаторы признаков софистики, разработанные исследователями Е. Н. Зарецкой и С. И. Поварниным. Эмпирический материал исследования составили специально отобранные резонансные по своей проблематике публицистические передачи, с января 2000 по сентябрь 2018 года выходившие в эфир указанных общественно-политических отечественных радиоканалов.

Результаты исследования и их обсуждение. В условиях социополитического, ценностного и культурного кризиса общественный диалог в радиовещании актуализируется с помощью диалогичности и полилогичности как неотъемлемых свойств радио. Диалогичность в общем смысле, по мнению петербургского профессора Л. Р. Дускаевой, означает выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, многоголосия общения с целью достижения эффективности коммуникации в той или иной сфере общения [6].

Под диалогичной природой радио понимается не только возможность прямого вербального общения ведущего с гостем или аудиторией той или иной передачи, но и общая нацеленность радио на формирование общественного мнения и побуждение аудитории к действию через радиотекст. Эффект диалогичности достигается на радио использованием в речи ведущих обращений к слушателям и других языковых средств, создающих у аудитории ощущение, что она является активным и важным участником беседы.

Обращаясь к опыту создания дискуссионных передач на радио, нельзя не обратиться к функционированию такой основополагающей риторической категории, как спор.

[1] Ружников В. Н. Так начиналось. – М.: Искусство, 1987. – 208 с.

[2] Васильева Т. В. Публицистические жанры радио. – СПб.: ЭКМОС, 1992. – 46 с.

[3] Васильева Т. В., Осинский В. Г., Петров Г. Н. Курс радиотелевизионной журналистики: учеб. пособие. – СПб.: Спец. лит., 2004. – 288 с.

Спор в риторике представляет собой процесс доказательства определённой мысли, в ходе него каждая сторона отстаивает своё понимание вопроса и противостоит мнению оппонента [8]. Спор является важным средством прояснения и разрешения вопросов, вызывающих разногласия.

Споры принято подразделять на виды в соответствии с разными типологиями. Наиболее ёмкая из них выделяет четыре вида спора. Критерии их основных отличий друг от друга – корректность или некорректность приёмов, используемых противоборствующими сторонами, достижение победы над оппонентом или поиск истины.

− «Дискуссия – спор, направленный на достижение истины и использующий только корректные приёмы.

− Полемика – спор, направленный на победу над противоположной стороной и использующий только корректные приёмы.

− Эклектика – спор, имеющий своей целью достижение истины, но использующий для этого и некорректные приёмы.

− Софистика – спор, имеющий своей целью достижение победы над противоположной стороной с использованием как корректных, так и некорректных приёмов»[1].

Не вызывает сомнений тот факт, что спор в публицистических дискуссионных передачах далеко не всегда представляет собой коммуникативный акт, нацеленный на достижение истины – т. е. дискуссию. В отличие от научных дискуссий, в публицистике в силу её специфических особенностей предпочтительны споры о ценностях: о принципах морали, государственных нормах, честности, равенстве, сострадании, интересах социальных общностей и групп, традициях, идеалах и идеологиях.

Профессор В. Ф. Олешко подчёркивает, что лидирующее положение в журналистике сегодня занимает фокусированная полемика, в ходе её аудитория получает информацию о своих ожиданиях, преломленных через индивидуальный опыт конкретных людей, относительно проблемы, предложенной для полемики[2]. Кроме того, специфика постмодернистского восприятия действительности, наблюдаемая на всех уровнях социальной и культурной реальности, в том числе и в публицистическом вещании, не предполагает не только необходимости поиска истины индивидом, но и отрицает само существование какой бы то ни было истинности в принципе.

Публицистика направлена на убеждение аудитории и имеет целью утверждение в её сознании авторского взгляда на рассматриваемый актуальный вопрос действительности, в связи с этим можно определить признак полемичности как основополагающий принцип любого публицистического произведения. Характеристика полемичности предполагает наличие контрмнения, контрпозиции, с которой спорит публицист, убеждая аудиторию в правильности своего взгляда на проблему. Противоположная позиция может быть выражена как явно (через артикуляцию проблемы приглашённым в студию гостем), так и косвенно (через апелляцию ведущего к явлению действительности или мнению, против которого протестует автор).

Существуют жанры радиовещания, в которых дискуссия и полемика наиболее уместны и, во-первых, соответствуют природным задачам риторики, во-вторых, нацелены на интерактивную связь с аудиторией. Это, прежде всего, беседа-полилог на радио. Полилог как форма речевой коммуникации предполагает разговор между несколькими лицами, что существенно расширяет круг взглядов на проблему.

В наиболее популярных классификаторах форм и жанров радиопередач беседа-полилог (как основа дискуссионной передачи) подразделяется на 3–4 вида[3].

− дискуссия (иногда её называют экспертной);

− беседа со слушателями в прямом эфире;

− круглый стол или беседа за круглым столом;

− ток-шоу (публицистическое радиошоу).

Отметим, что категория «дискуссия» и дискуссия как формат радиопрограммы не тождественны, хотя и имеют общие черты. В экспертной дискуссии принимает участие один специалист или ряд экспертов в какой-то конкретной области, к разговору могут присоединиться и слушатели, используя для этой цели технические средства коммуникации.

Экспертные дискуссии встречаются в современном радиоэфире нечасто, в основном в тематических передачах. На сокращение

[1] Философия: энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – С. 115.

[2] Олешко В. Ф. Журналистика как творчество. – М.: РИП-холдинг, 2003. – 222 с.

[3] Лебедева Т. В. Жанры радиожурналистики. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 224 с.; Смирнов В. В. Жанры радиожурналистики. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 288 с.; Васильева Т. В., Осинский В. Г., Петров Г. Н. Курс радиотелевизионной журналистики. – СПб.: Спец. лит., 2004. – 288 с.

числа экспертных дискуссий оказывает влияние то, что они носят аналитический характер, радиожурналисты же стремится к эмоциональности и яркости высказываний, острой поляризации мнений. Этот процесс как раз и обусловливает превалирование публицистики над аналитикой в радиовещании начала XXI века. Однако экспертные дискуссии могут быть интересны и полезны для аудитории. Например, в работе интерактивного радиоканала «Разное время. Радиоканал» на «Радио России» принимают участие представители сферы ЖКХ, руководители различных предприятий, представители общественных организаций и государственных структур. В студии обсуждаются насущные для общества вопросы: образование, социальные вопросы, экологические проблемы регионов. Как правило, в рамках одного выпуска обсуждается одна проблема. Ведущий передачи пытается подойти к разрешению общественного вопроса, обозначить сильные и слабые стороны обсуждаемой темы, глубоко исследовать проблему. В процессе передачи участники отвечают на вопросы аудитории.

Беседа со слушателями может быть самостоятельным видом дискуссионной передачи. В подобных программах слушатели вступают в диалог не только с ведущим, но и друг с другом. Основное отличие беседы со слушателями от других форм и жанров дискуссионных передач в том, что звонящий или пишущий становится сотворцом программы, без него передача не может состояться.

Беседа со слушателями – это, например, передача «Без посредников» на радиостанции «Эхо Москвы». Главный редактор радиоканала Алексей Венедиктов в прямом эфире отвечает на вопросы аудитории, поступающие по СМС, в социальной сети «ВКонтакте», в Твиттер-канале и чате на Ютуб-канале радио «Эхо Москвы». Подобным образом организована передача писателя и журналиста Анатолия Стреляного «Ваши письма» на «Радио “Свободная Европа”/Радио “Свобода”»; программа «Один» на радиостанции «Эхо Москвы»; «Интерактив» с Владимиром Авериным на радиостанции «Вести ФМ».

Другая разновидность дискуссионной передачи – круглый стол. За круглым столом могут встречаться специалисты из разных сфер деятельности. Нельзя не согласиться с Б. М. Сапуновым в том, что «круглый стол требует серьёзной подготовки, примерного определения тем и порядка выступающих, составления своеобразного “сценария” с тем, чтобы он не превращался в обычную одностороннюю беседу или лекцию»[1]. Несмотря на сложность организации, многие дискуссионные публицистические радиопрограммы реализуются в форме «круглого стола». Это, в частности, передачи: «Полный Альбац» на радио «Эхо Москвы», «Картина недели» на радио «Комсомольская правда», «Принцип действия» на радиоканале «Вести ФМ», «Грани времени» на «Радио “Свободная Европа”/Радио “Свобода”».

Дискуссионные передачи реализуются и в формате ток-шоу (радиошоу). Его отличает (и обусловливает само существование как отдельного формата) зрелищность, прямые включения из других студий, звонки и сообщения слушателей [12, с. 112]. Исследователями Н. Г. Нестеровой и С. В. Фащановой отмечается, что ведущий ток-шоу на радио стремится представить участника программы не только как эксперта и специалиста в одной области знания, но и открыть его слушателям как неординарную интересную личность [14]. Ток-шоу объединяет в себе практически все типы диалоговых передач, синтезирует их.

Вместе с этим В. Е. Ершова подчёркивает, что радиошоу преимущественно ориентировано на развлечение аудитории, а не на конфликт [7]. Не случайно и то, что наиболее активно этот формат используется в музыкально-развлекательном эфире. В публицистическом вещании формат ток-шоу менее распространён, нежели в развлекательном сегменте радиоэфира, однако подобные программы успешно реализуются в эфире ряда разговорных радиостанций. В формате классического ток-шоу выходит утренняя общественно-политическая дискуссионная передача Владимира Соловьева и Анны Шафран «Полный контакт» на радио «Вести ФМ». В указанной программе присутствуют все структурные особенности радиошоу: программа длится более двух часов; в рамках одного выпуска наблюдается ассоциативность в выборе обсуждаемых тем (после информационного выпуска, которым прерывается передача, ведущий может отступить от генеральной темы и перейти к обсуждению прозвучавшей новости); происходит спонтанность коммуникации (В. Соловьев подключает аудиторию к общению со студией: сам звонит радиослушателям, которые отправили сообщение в эфир с целью уточнить или подвергнуть критике высказанные ими суждения); в указанном ток-шоу высока и частотность прямых включений с экспертами.

[1] Сапунов Б. М. Искусство и социальное знание. – М., 1990. – С. 35.

Подавляющее большинство публицистических дискуссионных радиопередач, выходящих в 2000–2018 годах, представляют собой синтез радиобесед. Сложность в определении форматной и жанровой принадлежности той или иной программы связана с тем, что для передачи прямого эфира (сегодня это один из самых популярных способов публицистического вещания) необходима, во-первых, интерактивная связь со слушателями, во-вторых, присутствие компетентных экспертов. Зачастую осуществить последнее, особенно в ежедневных передачах, не представляется возможным, поэтому формат программы из выпуска в выпуск корректируется.

Заметное влияние на практику ведения передач оказывает «внутренняя» дискуссионность радиопублицистики. Роли экспертов, как и активных дискутантов, часто примеряют на себя постоянные ведущие радиопрограмм, эксперты в таких передачах не участвуют или приглашаются разово. По такому принципу организованы программы: «Главная тема» (радио «Комсомольская правда»), «Железная логика» (радио «Вести ФМ»), «Ганапольское. Итоги без Евгения Киселева» (радио «Эхо Москвы») и др.

Возвращаясь к функционированию в радиопублицистике спора как акта речевой коммуникации, заметим: реальное положение дел в радиоэфире позволяет констатировать существование в «разговорных» программах не только дискуссии и полемики как «честных» видов спора, но и софистических выступлений.

Задачей использования некорректных приёмов в софистическом споре становится создание психологического дискомфорта для эфирного оппонента, а целью – победа над ним любой ценой. Классификаторы некорректных приёмов, используемых спорящими, приводятся в трудах исследователей Е. Н. Зарецкой, С. И. Поварнина [8; 15]. Круг софистических уловок в указанных работах крайне широк. Обозначим лишь наиболее явные манипулятивные приёмы, которые встречаются в публицистических дискуссионных радиопрограммах современного эфира:

− аргумент к личности (инсинуации) – когда противнику приписываются реальные или мнимые недостатки, которые подрывают доверие аудитории к его мнению, сюда же можно отнести явное оскорбление собеседника.

Нередко в эфирных спорах ведущие передач оскорбляют оппонентов, уничижают честь и достоинство личности, глумятся над собеседником, как произошло 20 января 2014 года в выпуске программы «Полный Альбац», когда ведущая Евгения Альбац после оглашения должности эксперта Дмитрия Орлова, члена Высшего совета партии «Единая Россия», использовала по поводу наименования должности гостя сарказм (сатирическое изобличение, язвительную насмешку над экспертом), демонстрируя мнимое благоговение перед его регалиями: «Извините, мне надо встать»[1];

− аргумент к физической силе («к палке») – угроза неприятными последствиями или прямое употребление средств принуждения, физическое насилие в споре.

Ярко иллюстрирует аргумент к физической силе драка между членами Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека Максимом Шевченко (в мае 2018 года вышел из состава СПЧ РФ) и Николаем Сванидзе в студии программы «Радиорубка» на радио «Комсомольская правда» 30 января 2018 г. Словесные баталии между гостями передачи относительно отношения к личности и политической деятельности Иосифа Сталина переросли в вербальное насилие. Николай Сванидзе угрожал ударить Максима Шевченко, оппонент его подначивал, в итоге Николай Сванидзе дал пощёчину Максиму Шевченко, который ответил на неё несколькими ударами[2];

− механические уловки с целью вывода противника из спора. Например, не давать оппоненту возможности говорить (перебивание, перекрикивание, демонстративное нежелание слушать) [16].

Такой уловкой в эфире передачи «Ищем выход» на радио «Эхо Москвы» перед выборами Президента Российской Федерации 1 марта 2012 года воспользовался политик, кандидат в Президенты Российской Федерации Владимир Жириновский. Ведущие программы Ирина Воробьева и Ольга Журавлева пытались пресечь граничащие с оскорблениями высказывания политика о певице Алле Пугачевой, которой не было в студии. В. Жириновский заявил, что он оплатил эфирное время как кандидат в Президенты РФ, поэтому может говорить что хочет, пресек ответные реплики ведущих грубыми призывами помолчать, выраженными в форме восклицатель-

[1] Радиопередача «Полный Альбац» // Радиостанция «Эхо Москвы». – 2014. – 20 янв.

[2] Радиопередача «Радиорубка» [Электронный ресурс] // Радио «Комсомольская правда». – 2018. – 30 янв. – Режим доступа: https://www.spb.kp.ru/radio/26787/3821919 (дата обращения: 05.09.2018).

ных императивных конструкций («Сидеть и молчать!», «Не нравится – выйдите вон отсюда!»), после чего одна из ведущих покинула студию[1].

Само по себе присутствие участника дискуссии в радиостудии является для него стрессогенным фактором. Специфика и технические возможности радиовещания расширяют круг запрещённых приёмов общения, приводящих к психологическому дискомфорту оппонентов. К таким приёмам относятся:

− провоцирование ведущим агрессивного поведения гостя в эфире. Подобное произошло в эфире программы «Особое мнение» на радиостанции «Эхо Москвы» 27 апреля 2017 года. Гость передачи писатель Михаил Веллер вёл разговор с ведущей Ольгой Бычковой и звонящими в эфир слушателями, находясь в возбуждённом и раздражённом эмоциональном состоянии. Когда автор программы Ольга Бычкова, видя нестабильное психологическое состояние гостя, попыталась дополнить его эмоциональный длинный монолог уточняющими и ироничными репликами, М. И. Веллер обозвал ведущую, плеснул водой ей в лицо, кинул в стену микрофон и чашку, после чего покинул студию[2];

− прямое лишение гостя передачи права высказать свою позицию. Так произошло в выпуске программы «Полный Альбац» в эфире радио «Эхо Москвы» от 3 июня 2007 года. Ведущая передачи грубо прервала речь президента Общенациональной ассоциации генетической безопасности А. С. Баранова, мнение которого расходилось с её позицией, в ответ на недоумение гостя попросила звукорежиссёра отключить А. С. Баранову микрофон[3].

Проблемной точкой публицистических дискуссионных программ является использование ведущим своего статуса для воздействия на «неугодного» собеседника. Это свидетельствует об истинной цели современных эфирных дискуссий, которая заключается прежде всего в достижении форсированного агитационного воздействия на аудиторию, а не решении проблемы и нахождении истины.

Заключение. Таким образом, дискуссионные передачи общественно-политических радиостанций «Вести ФМ», «Радио России», «Эхо Москвы», радио «Комсомольская правда», «Радио “Свободная Европа”/Радио “Свобода”» в начале XXI века преимущественно реализуются в формах круглого стола, беседы со слушателями, публицистического ток-шоу. В указанный период наблюдается форматное разнообразие в функционировании программ, многоплановость интерактивных способов взаимодействия с аудиторией. Вместе с тем, подавляющее большинство публицистических дискуссионных передач современного периода представляют собой синтез радиобесед, в силу структурно-технологической сложности подготовки на регулярной основе дискуссионных передач в определённом формате.

Основной вид спора, реализующийся в дискуссионных передачах, – фокусированная полемика с использованием софистических приёмов. В эфире отдельных передач радиостанций «Эхо Москвы» и «Комсомольская правда» ведущие и гости программ используют софистические приёмы воздействия на оппонентов: демонстративное нежелание слушать, перебивание, сарказм и насмешки в отношении собеседника, инсинуации, намеренное создание численного неравенства оппонентов, провоцирование агрессивного поведения гостей в студии, прямое лишение гостя передачи права высказать свою позицию (отключение микрофона), физическое насилие. С высокой долей уверенности можно утверждать, что использование приёмов софистики в дискуссионных передачах является одним из способов насильственной психолого-речевой корректировки общественного мнения.

Для развития дискуссионного эфира публицистического характера в высокой степени актуальны и своевременны следующие рекомендации: следование ведущих и гостей передач принципам толерантной коммуникации, снижение агрессивности и эпатажности эфирного общения, усиление гуманистической, духовной и морально-нравственной компоненты в содержании публицистических программ.

Перспектива дальнейшего развития российской радиопублицистики обусловлена кадровыми аспектами обеспечения программ: кто и как будет их вести, кто и в какой мере будет воспринят ведущими и аудиторией в качестве компетентных экспертов, в качестве реальных и уникальных, а не фиктивных и «примелькавшихся», привычных для слушателя специалистов по обсуждаемым вопросам. Наряду с этим актуальны проблемы повышения интеллектуального уровня передач, реальной, а не мнимой полемичности коммуникации и этики общения в эфирных дискуссиях.

[1] Радиопередача «Особое мнение» // Радиостанция «Эхо Москвы». – 2017. – 27 апр.

[2] Там же.

[3] Радиопередача «Полный Альбац» // Радиостанция «Эхо Москвы». – 2007. – 3 июня.

Список литературы

1. Бараневич Ю. Д. Жанры радиовещания. Проблемы становления, формирования, развития. Киев; Одесса: Вища школа, 1978. 194 с.
2. Болотова Л. Д. Звуковое пространство радиопрограмм // Профессия – журналист: вызовы XXI века. М.: Фак. журналистики МГУ им. Ломоносова, 2007. С. 190–191.
3. Болотова Л. Д. Отечественное радиовещание в начале XXI века: новые реалии и старые проблемы // Телерадиоэфир: история и современность. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 147–161.
4. Болотова Л. Д. Радиовещание на фоне времени // Вестник Московского государственного университета. 2009. № 4. С. 51–56.
5. Глейзер М. С. Радио и телевидение в СССР. Даты и факты (1917–1963). М.: Госкомитет Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению, 1965. 230 с.
6. Дускаева Л. Р. Диалогичность современных газетных текстов в аспекте речевых жанров. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. 112 с.
7. Ершова В. Е. Речевое взаимодействие в условиях конфликта: ситуационный подход (на материале ток-шоу и теледебатов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2013. 201 с.
8. Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. 4-е изд. М.: Дело, 2002. 480 с.
9. Клюев Ю. В. Публицистичность радиоречи // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Сер. Филология, история, востоковедение. 2015. № 2. С. 89–95.
10. Клюев Ю. В. Радиовещание Ленинграда-Петербурга (1980–2000 годы). СПб.: Лаборатория оперативной печати фак. журн. СПбГУ, 2006. 149 с.
11. Клюев Ю. В. Радиожурналистика в социуме: её современное состояние и прогноз // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 1, ч. 1. С. 109–114.
12. Ключи к эфиру: в 2 кн. Кн. 1. Радиожурналист и политика / под ред. Г. А. Шевелева. М.: Аспект Пресс, 2007. 205 с.
13. Куденко О. И. Радиопублицистика сегодня: основы мастерства // Звучащий мир. М., 1979. С. 7–26.
14. Нестерова Н. Г., Фащанова С. В. Специфика коммуникативной организации ток-шоу на радио // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 197–203.
15. Поварнин С. И. Искусство спора. О теории и практике спора. М.: Наука, 2002. 192 с.
16. Раскатова Е. Р. «Формат» в радиовещании как термин и как понятие // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2003. № 5–6. С. 22–28.
17. Смирнов В. В. Жанровая система радиожурналистики. История. Теория. Особенности функционирования. Ростов н/Д.: Нюанс, 2006. 471 с.
18. Смирнов В. В. Радиоочерк. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1984. 151 с.
19. Шерель А. А. Там, на невидимых подмостках… Радиоискусство. Проблемы истории и теории. 1922–1941. М.: Ротапринт, 1993. 183 с.

Статья поступила в редакцию 16.11.2018; принята к публикации 20.12.2018

Библиографическое описание статьи

Зубко Д. В. Публицистические дискуссионные программы на отечественном радио XXI века: полемика против софистики // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 50–57. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-50-57.

Daria V. Zubko,
Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University
(7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia),
e-mail: prostdasha@yandex.ru
orcid: 0000-0003-1299-1115

Publicistic Discussion Programs on Russian Radio of the 21st Century: Controversy against Sophistry

The article examines the genre-format affiliation of modern journalistic discussion programs of radio channels: Vesti FM, Radio Rossii, Ekho Moskvy, radio Komsomolskaya Pravda, Radio Free Europe/Radio Liberty. To determine the format-genre representation of programs we used the method of classification, a systematic approach. To identify the rhetorical goal setting of radio discourses and signs of sophistry in discussion radio programs, classifiers of signs of sophistry developed by researchers E. N. Zaretskaya and S. I. Povarnin are used. We revealed that the discussion broadcasts of a journalistic nature on modern radio are presented in formats of conversation with listeners, a “round table”, a journalistic talk show. Despite of the fact that journalistic discussion programs are

implemented in most cases in the form of a focused controversy, which is a dispute aimed at defeating the interlocutor using only correct logical and psychological techniques, on the air of separate programs of Ekho Moskvy and Komsomolskaya Pravda radio stations, true anchorpersons and guests of the programs use sophistic (incorrect) methods of influencing opponents (insinuations, appeals to violence as a form of conflict resolution, "technological" methods of hindering the approval of another point of view, the withdrawal of the enemy from the dispute, the creation of a numerical advantage of one of the parties to the dispute, etc.). The use of sophistry techniques in discussion programs is one of the ways to enforce the psychological and speech adjustment of public opinion. The article provides recommendations for improving the debatable broadcasts of a journalistic nature: following the principles of tolerant communication, ethics of communication, reducing the aggressiveness of the ether, strengthening the real polemicity of communication in the on-air discussions.

Keywords: radio, journalism, discussion programs, polemic, sophistry

References

1. Baranevich, Yu. D. Broadcasting genres. Problems of formation, formation, development. Kiev-Odessa: Vishha shkola, 1978. (In Rus.)
2. Bolotova, L. D. Sound space radio program. Profession – journalist: challenges of the 21st century. M: F-t zhurnalistiki MGU im. Lomonosova, 2007: 190–191. (In Rus.)
3. Bolotova, L. D. Domestic broadcasting at the beginning of the 21st century: new realities and old problems. Teleradioether: Past and Present. M: Aspekt Press, 2005: 147–161. (In Rus.)
4. Bolotova, L. D. Broadcasting against the background of time. Bulletin of Moscow State University, no. 4, pp. 51–56, 2009. (In Rus.)
5. Gleizer, M. S. Radio and television in the USSR. Dates and facts (1917–1963). M: Goskomitet Soveta Ministrov SSSR po radioveshhaniyu i televideniyu, 1965. (In Rus.)
6. Duskaeva, L. R. Dialogue of modern newspaper texts in the aspect of speech genres. Perm: Izd-vo Permskogo un-ta, 2004. (In Rus.)
7. Ershova, V. E. Speech interaction in conflict settings: a situational approach (based on talk shows and TV debates). Cand. filol. sci.diss. Tomsk, 2013. (In Rus.)
8. Zaretskaya, E. N. Rhetoric: Theory and practice of speech communication. 4-e izd. M: Delo, 2002. (In Rus.)
9. Klyuev, Yu. V. Publicism of radio talk. Uchenye zapiski of Transbaikal state university. Series: Philology, history, oriental studies, no. 2, vol. 61, pp. 89–95, 2015. (In Rus.)
10. Klyuev, Yu. V. Broadcasting of Leningrad-Petersburg (1980–2000). SPb: Laboratoriya operativnoi pechati f-ta zhurn. SPbGU, 2006. (In Rus.)
11. Klyuev, Yu. V. Radio journalism in society: its current state and forecast. Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 9: Philology. Orientalism. Journalism, vol. 1, ch. 1, pp. 109–114, 2007. (In Rus.)
12. Keys to the air: In 2 books. Book 1. Radio journalist and politics. Sheveleva, G. A., editor. M: Aspekt Press, 2007. (In Rus.)
13. Kudenko, O. I. Radio journalism today: the basics of mastery. Sounding world. M: 1979: 7–26. (In Rus.)
14. Nesterova, N. G., Fashhanova, S. V. Specificity of the communicative organization of talk shows on the radio. Communication studies, no. 2, pp. 197–203, 2014. (In Rus.)
15. Povarnin, S. I. The art of dispute. On the theory and practice of the dispute. M: Nauka, 2002. (In Rus.)
16. Raskatova, E. R. "Format" in broadcasting as a term and as a concept. Accents. New in mass communication, no. 5–6, vol. 40–41, pp. 22–28, 2003. (In Rus.)
17. Smirnov, V. V. Genre system of radio journalism. Story. Theory. Features of operation. Rostov-na-Donu: PT "Nyuans", 2006. (In Rus.)
18. Smirnov, V. V. Radio essay. Rostov-na-Donu: Izd-vo RGU, 1984. (In Rus.)
19. Sherel' A. A. There, on an invisible stage... Radioiskusstvo. Problemy istorii i teorii. 1922–1941. M: Rotaprint, 1993. (In Rus.)

Received: November 16, 2018; accepted for publication December 20, 2018

Reference to the article

Zubko D. V. Publicistic Discussion Programs on Russian Radio of the 21st Century: Controversy against Sophistry // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 50–57. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-50-57.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 81`22
DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-58-63

***Валентина Авраамовна Маслова*[1],**
доктор филологических наук, профессор,
Витебский государственный университет им. П. М. Машерова
(210015, Беларусь, г. Витебск, Московский пр-т, 33),
e-mail: mvavit@tut.by
orcid: 0000-0002-7856-0396

***Татьяна Сергеевна Гурина*[2],**
аспирант,
Витебский государственный университет им. П. М. Машерова
(210015, Беларусь, г. Витебск, Московский пр-т, 33),
e-mail: tati_gurina@mail.ru
orcid: 0000-0001-5844-7241

Речевой портрет политика на материале твитов Д. Трампа

Статья посвящена исследованию речевого портрета сорок пятого президента США – Дональда Трампа. Исследование проводится на стыке изучения языковой личности Д. Трампа, а также изучения его языкового портрета с позиций политической лингвистики. Как известно, образное описание личности позволяет выявить её характерные особенности и создать в массовом сознании ментальную ассоциативную картину политического деятеля. В качестве дополнительного метода используется концептуальный анализ контекстов высказываний Д. Трампа. В связи с этим политик, как правило, считает необходимым задействовать стратегии самопрезентации, позволяющие конструировать положительное видение и чувство единения с аудиторией. Именно для этого была создана The Trump Organization, в которой для Д. Трампа работает штат идеологов, представителей СМИ, спичрайтеров и имиджмейкеров. Фигура Д. Трампа – одиозного, противоречивого политика, известного своими провокационными резкими высказываниями, ставшего медиаперсоной в 1968 году благодаря участию в разнообразных телепередачах – представляет интерес для изучения способов создания речевого портрета политического деятеля, что и является целью данной работы. Лингвистическая оценка твитов Д. Трампа производилась с использованием методов когнитивного анализа и дискурс-анализа, путём выборки 75 цитат за ноябрь–декабрь 2018 года.

Ключевые слова: речевой портрет, языковая личность, политический дискурс, речевая стратегия, медиалингвистика

Введение. На современном этапе развития науки всё больше учёных-языковедов ориентируются на антропоцентрическую парадигму при проведении исследований, в том числе разного типа дискурса [1–4; 12; 13]. Концепты «языковая личность» и «речевой портрет личности» являются взаимосвязанными и взаимообусловленными [9; 11; 12]. Однако в основе разграничения данных понятий лежит необходимость различения языка и речи. Отношения между языком и речью складываются таким образом, что в систему языка включаются только наиболее устойчивые и неслучайные компоненты речи [10]; для наиболее полного и точного описания языковой личности требуется, в первую очередь, реконструкция и анализ её речевого портрета [11, с. 6]. Согласно исследованиям последних лет, проведённых методом ассоциативного опроса, реакции оценочного компонента лексемы «политик» схожи по своей негативной окраске в русской и американской лингвокультурах: лжец, лицемер, вор, коррупция, подлость, беспринципность, dishonest (нечестный), self-interest (эгоизм), untrustworthy (не заслуживающий доверия) [5, с. 198; 6; 14; 15]. Таким образом, в сознании информантов лексема «политик» актуализируется через фактор «недоверие».

Стратегия позитивной самопрезентации Д. Трампа, главным образом, заключается в сравнении своей президентской деятельности с другими, что достигается путём противопоставления (оппозиция «Я» – «другой политик», где другой представляется «чужим», «враждебным», не для самого Трампа, а для американской нации):

– *There has never been a president who has been tougher (but fair) on China or Russia – Never, just look at the facts!/Здесь никогда не*

[1] В. А. Маслова осуществляла анализ и систематизацию материала исследования.

[2] Т. С. Гурина осуществляла сбор, анализ и систематизацию материала исследования, оформляла статью.

© Маслова В. А., Гурина Т. С., 2019

было президента, который относился бы жёстче, но честнее к Китаю или России. Никогда, взгляните на факты!

– Even President Ronald Reagan tried for 8 years to build a Border Wall, or Fence, and was unable to do so. Others also have tried. We will get it done, one way or the other!/Даже президент Рональд Рейган 8 лет пытался построить пограничную стену, но оказался неспособен сделать это. Другие тоже пытались. Мы добьёмся этого любой ценой!

– I've done more damage to ISIS than all recent presidents... not even close!/Я нанёс больший урон ИГИЛУ, чем все другие президенты... намного больше!

– I can't imagine any President having a better or closer relationship with their Vice President then the two of us. Justmore FAKE NEWS, theEnemyofthePeople!/Я не могу представить ни одного президента, у которого сложились лучшие или более близкие взаимоотношения с вице-президентом, чем у нас (Д. Трамп и М. Пейс). Всё остальное (о нас) – это очередные ФАЛЬШИВЫЕ НОВОСТИ, враги народа!

Средствами экспрессивности в вышеуказанных примерах выступают прилагательные в сравнительной форме (*лучше, ближе, жёстче*), отрицательные наречия (*никогда*), прилагательные с негативной коннотацией (*бесконечный, неспособный*), многочисленные лексические повторы, акцентирующие внимание на предмете речи.

Метафорическая оппозиция «родной» – «чужой», часто наблюдаемая в твитах Д. Трампа, носит аксиологический характер, являясь буквальной апелляцией к общенародным моральным ценностям. Глубинный образ близкого, родного, пронизывающий коллективное сознание любого этноса, задействует эмоциональную память реципиентов. Дидактическая функция данных сообщений заключается в том, что адресант транслирует информацию эмотивно, сопровождая её субъективными, но в то же время одобряемыми большинством оценочными суждениями:

– The Democrats policy of Child Separation on the Border during the Obama Administration was far worse than the way we handle it now. Remember the 2014 picture of children in cages – the Obama years. Smugglersusethekids!/ Политика демократов в отношении передачи детей на границах в период правления Обамы была намного хуже, чем та, что есть у нас сейчас. Помните фото детей в клетках в 2014 – в годы Обамы? Контрабандисты используют детей!

Здесь используется стратегия дискредитации личности Обамы, реализуемая через образную референцию к негативной для большинства адресатов картине – дети, заключённые в клетки.

– The pathetic and dishonest Weekly Standard, run by failed prognosticator Bill Kristol (who, like many others, never had a clue), is flat broke and out of business. Toobad. Mayitrestinpeace!/Жалкий и нечестный журнал Weekly Standard, которым управляет неудавшийся прогнозист Бил Кристол (который, как и многие другие, ничего не смыслит), полностью обанкротился и разорился. Очень жаль! Покойся с миром!

В данном сообщении Д. Трамп снова затрагивает проблему новостей-фальшивок и, помимо инвективов, направленных на подрыв доверия к представителю СМИ, использует иронию (*Очень жаль! Покойся с миром!*).

– Emmanuel Macron suggests building its own army to protect Europe against the U. S., China and Russia. But it was Germany in World Wars One & Two – How did that work out for France? They were starting to learn German in Paris before the U. S. came along. Pay for NATO or not! By the way, there is no country more Nationalist than France, very proud people-and rightfully so! MAKEFRANCEGREATAGAIN!/ Эммануил Макрон предложил создать собственную армию, чтобы защитить Европу от США, Китая и России. Но так же поступала Германия в Первую и Вторую мировую войну – и как это отразилось на Франции? Парижане учили немецкий язык, пока на помощь не пришла Америка. Заплатите долг НАТО или нет?! Кстати, кроме Франции, нет больше стран, где так сильно сплочён народ; очень гордые люди – и им есть чем гордиться! СДЕЛАЕМ ФРАНЦИЮ ВЕЛИКОЙ СНОВА!

В вышеуказанном примере используется стратегия, негативно характеризующая оппонента – президента другой страны. Сравнивая идеи нынешнего правителя Франции с действиями фашистской Германии, адресант апеллирует к образу войны, после чего использует иронию (*прежде, чем тратиться на армию, лучше верните долг Америке*), а затем выражает уважение французской нации и озабоченность нынешним состоянием страны. Таким образом, реализуется стратегия подрыва авторитета оппонента и одновременно поднятия собственного образа в глазах массового адресата.

– Universities will someday study what highly conflicted (and NOT Senate approved) Bob

Mueller and his gang of Democrat thugs have done to destroy people. Why is he protecting Crooked Hillary, Comey, McCabe, Peter S, and all of his friends on the other side?/Однажды в университетах начнут изучать конфликтные (и НЕ одобренные сенатом) действия, которые совершал Боб Мюллер и его банда головорезов-демократов, разрушая народ. Почему мы защищаем продажную Хилари, Коми, Маккейба, Питера Эс и всех остальных его дружков с той стороны (демократов)?

В этом сообщении Д. Трамп не только обличает оппонентов (партию демократов), но и использует эпитет со стилистически сниженной лексикой в адрес своего бывшего противника на президентских выборах (***продажная*** *Хилари*).

В указанных выше твитах наиболее яркими средствами экспрессивности являются эпитеты с негативной коннотацией (*жалкий, нечестный, конфликтный, продажный*), оценочная сленговая лексика (*головорезы, банда*), риторические вопросы, восклицательные предложения. Помимо этого, конструируется яркий образ всеобщего врага страны – в данном случае это конкурирующая партия демократов, а также другие общественные деятели, пытавшиеся когда-то обличить самого Д. Трампа.

Таким образом, «огрубление» речи является характерной чертой современного политического дискурса наряду с интернет-дискурсом. Менее строгая по сравнению со СМИ цензура твиттера не только позволяет, но и обусловливает использование инвективной лексики, сближая адресанта и массового адресата и подчёркивая концепцию свободы слова. Согласно В. И. Жельвису, инвективу в узком смысле слова можно определить как способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной (под)группе как резкий или табуированный. В несколько ином ракурсе инвективой можно назвать вербальное нарушение этического табу, осуществлённое некодифицированными средствами [6, с. 55]. Оскорбительные высказывания, направленные на оппонента, являются проявлением стратегии доминирования; Д. Трамп использует их для выражения возмущения, негодования, угрозы, разоблачения и прочих речевых намерений:

Watched Da Nang Dick Blumenthal on television spewing facts almost as accurate as his bravery in Vietnam (which he never saw). As the bullets whizzed by Da Nang Dicks head, as he was saving soldiers left and right, he then woke up from his dream screaming that HE LIED. Next time I go to Vietnam I will ask "the Dick" to travel with me!/Я посмотрел выступление Дананг Дика Блументала на телевидении, где он плевался фактами так же, как и своим бесстрашием во Вьетнаме (которого он в глаза не видел). Пули свистели над головой Дананг Дика, когда он спасал солдат направо и налево, а потом он проснулся с криками ОН (Трамп) СОЛГАЛ. Во время следующего визита во Вьетнам я приглашу «этого Дика» поехать вместе со мной!

Здесь Д. Трамп изобличает демократа Ричарда Блументала, который многократно негативно отзывался в адрес нынешнего президента. Адресант даёт прозвище своему оппоненту (Дананг – город во Вьетнаме, где якобы служил Р. Блументал, *Дик* – его ник в Твиттере), уничижительно не называя его настоящего имени. Помимо этого, используются устойчивые выражения с негативной окраской (*направо и налево*), стилистически сниженная лексика *("spewing" букв. «изрыгать»; сленг. – «блевать»*), каламбур (*"theDick"* с артиклем может быть и именем, и словом, относящимся к пласту нецензурной инвективной лексики).

– Just watched Wacky Tom Steyer, who I have not seen in action before, be interviewed by @jaketapper. He comes off as a crazed & stumbling lunatic who should be running out of money pretty soon. As bad as their field is, if he is running for President, the Dems will eat him alive!/Только что посмотрел программу с @jaketapper, который брал интервью у Чокнутого Тома Стайра. Том показал себя обезумевшим, споткнувшимся психом, который очень скоро обанкротится. Несмотря на то, что они (демократы) очень плохи в своей сфере, если он будет баллотироваться в президенты, демократы съедят его живьём!

В указанном выше Твиттере адресант речи пользуется уже разработанной и часто применяемой им стратегией – конструированием негативного образа противника путём присвоения прозвищ-ярлыков (*Чокнутый Том*), также прибегает к тавтологии (*обезумевший псих*), метафоре (*съесть живьём*).

– His predecessor, Rex Tillerson, didn't have the mental capacity needed. He was dumb as a rock and I couldn't get rid of him fast enough. He was lazy as hell. Now it is a whole new ballgame, great spirit at State!/Его предшественник, Рекс Тиллерсон, не обладал достаточными умственными способностями. Он был тупым, как пробка, и я не мог избавиться

от него достаточно быстро. Он был чертовски ленив. Теперь мы играем по-новому, с великим духом в государстве!

Данным сообщением Д. Трамп сообщает об избрании М. Помпейо на должность нового госсекретаря. О предыдущем, несмотря на то, что он принадлежит к той же партии, что и президент, автор твита отзывается, используя эмоциональную оценку, чем обусловливается наличие градации (…*не обладал достаточными умственными способностями; был тупым, как пробка*), стилистически сниженной сленговой лексики (он был *тупым*, он был *чертовски* ленив), устойчивых выражений (*тупой, как пробка*), от него нужно было *избавиться*, а не просто отправить в отставку.

Для формирования в глазах аудитории собственного положительного имиджа справедливого политика Д. Трамп в своём медиадискурсе выражает благодарность или адресует поздравления своим оппонентам (что не мешает ему дискредитировать их в дальнейшем):

Beautiful ceremony today in Paris commemorating the end of World War One. Many World leaders in attendance. Thank you to @EmmanuelMacron, President of France! Now off to Suresnes American Cemetery to make speech in honor of our great heroes!/Сегодня в Париже состоялась прекрасная церемония, посвящённая окончанию Первой мировой войны. Многие мировые лидеры посетили её. Спасибо, @EmmanuelMacron, президент Франции! Теперь отправляемся на американское кладбище в Сюрене, чтобы выступить в честь наших великих героев!

– I hope everyone, even the Fake News Media, is having a great Christmas! Our Country is doing very well. We are securing our Borders, making great new Trade Deals, and bringing our Troops Back Home. We are finally putting America First. MERRYCHRISTMAS!/Я надеюсь, что все, даже лживые СМИ, замечательно проводят Рождество. Наша страна справляется очень хорошо! Мы защищаем наши границы, совершаем новые отличные торговые сделки, возвращаем наших солдат домой. Мы, наконец, вернули Америке позицию лидера. СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА!

Позитивный посыл обоих сообщений, речевые намерения благодарности и поздравления Д. Трамп выражает в начале своего речевого сообщения. Затем автор, вполне обоснованно и логично, затрагивает тему Америки – великой и сильной державы, в которой под его руководством положение дел постоянно улучшается. Слово “great” в сообщении в различных значениях повторяется 3 раза, и эта речевая избыточность указывает на активное внедрение в семантическую память реципиентов ассоциативной связи «*Трамп – величие*».

Дихотомия «родной, свой» – «чужой, враждебный» как способы создания образа «врага» и как отношение действующего президента США к СМИ упоминались во многих лингвистических исследованиях, однако следует отметить, что для речи Трампа (как письменной, так и устной) зачастую характерна лозунговость. Использованием подобных риторических приёмов успешно достигаются разные намерения: выражение заботы о стране и нации, проявление доминирования над оппонентами, обличение врагов и сближение с массовым адресатом:

– Justremembertwowords – FAKENEWS!/Просто помните два слова – ФАЛЬШИВЫЕ НОВОСТИ!

– FAKE NEWS – THE ENEMY OF THE PEOPLE!/ФАЛЬШИВЫЕ НОВОСТИ – ВРАГ НАРОДА!

– Together, we can KEEP MAKING AMERICA GREAT AGAIN!!/Все вместе мы сможем ПРОДОЛЖИТЬ ВОЗРОЖДАТЬ БЫЛОЕ ВЕЛИЧИЕ АМЕРИКИ!

– MAKEAMERICARICHAGAIN!/СДЕЛАЕМ АМЕРИКУ СНОВА БОГАТОЙ!

– MAKEAMERICASAFEAGAIN!/СДЕЛАЕМ АМЕРИКУ СНОВА БЕЗОПАСНОЙ!

Помимо лозунгов, интернет-дискурс Трампа изобилует аллюзиями, отсылающими адресатов к культурным и социальным явлениям жизни американского общества (концепт американской мечты, рассерженные демократы – рассерженные молодые люди), тем самым придавая своим сообщениям образность и недосказанность как пищу для размышлений:

– The Republican Agenda is the AMERICAN DREAM!/Программа республиканцев – АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА!

Bob Mueller (who is a much different man than people think) and his out of control band of Angry Democrats, don’t want the truth, they only want lies. Thetruthisverybadfortheirmission!/Боб Мюллер (который совсем не такой, каким его представляют люди) и его неконтролируемая банда Рассерженных Демократов не хотят правды, они хотят только лжи. Правда губительна для их целей!

Главной характерной чертой твитов Трампа является синтаксический параллелизм. Практически каждое сообщение из вышеперечисленных имеет повторяющуюся

структуру «информирование – оценка происходящего – эксклямация». Это объясняется ростом недоверия массовой аудитории к информации, полученной из медиаисточников. В контексте данной ситуации применение технологий драматизации и infotainment (информирование + развлечение) объясняет использование повторяющейся текстовой структуры с обилием риторических восклицаний и вопросов.

Выводы. Исходя из проанализированных сообщений, можно заключить, что при создании собственного речевого портрета Д. Трамп прибегает к укоренившимся в политическом медиадискурсе стратегиям, таким, как внедрение образа «врага» и сближение с массовым реципиентом в качестве человека, близкого к нации и способного её защитить. Для дискредитации оппонентов, отражения их нападок, обличения, высмеивания Д. Трамп использует разноразрядные инвективы, тем самым снижая авторитет других политических деятелей и подрывая доверие адресата к ним. Благодаря этим стратегиям, происходит формирование образа жесткого, принципиального, справедливого, честного, доминантного общественного деятеля.

С помощью разнообразных риторических приёмов, таких как параллелизм, риторические вопросы, градация, восклицание, ирония, каламбур и т. д., Д. Трамп придаёт своему дискурсу эмоциональность, живость, реализует стратегии убеждения и манипуляции, представляя себя в первую очередь человеком, а не политиком, заботящимся о своей стране и сопереживающим американской нации. Таким образом, при создании своего речевого портрета главной целью политика является преодоление укоренившихся негативных стереотипов и создание социально одобряемого образа общественного деятеля для завоевания и удержания доверия избирателей.

Список литературы

1. Алещанова И. В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): дис. … канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2000. 230 с.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
3. Беззубов А. Н. Жанрово-стилистическая типология. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 5–10.
4. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–121.
5. Ерофеева Т. И., Орлатых Е. В. Лексема политик/politician в наивном представлении русских и англичан // Политическая лингвистика. 2016. № 2. С. 197–203.
6. Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика. 2007. № 2. С. 51–58.
7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 314 с.
8. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.
9. Мамаева С. В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5–8-х классов: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Лесосибирск. 2007, 202 с.
10. Іўчанкаў В. І. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту. Мінск: БДУ, 2003. 256 с.
11. Dijk T. A. van. Text and context: explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London: Longman, 1977. 194 p.
12. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge, 2011. 326 p.
13. Harcup T. What Is News? London: Routledge, 1999. 206 p.
14. Kress G. Language as Ideology. London: Routledge, 1996. 251 p.
15. Thompson J. The Media and Modernity. Cambridge: Polity Press, 1995. 428 p.

Статья поступила в редакцию 09.01.2019; принята к публикации 12.02.2019

Библиографическое описание статьи

Маслова В. А., Гурина Т. С. Речевой портрет политика на материале твитов Д. Трампа // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 58–63. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-58-63.

***Valentina A. Maslova*[1],**
Doctor of Philology, Professor
P. M. Masherov Vitebsk State University
(33 Moskovsky ave., Vitebsk, 210015, Belarus),
e-mail: mvavit@tut.by
orcid: 0000-0002-7856-0396

***Tatyana S. Gurina*[2],**
Graduate Student,
P. M. Masherov Vitebsk State University
(33 Moskovsky ave., Vitebsk, 210015, Belarus),
e-mail: tati_gurina@mail.ru
orcid: 0000-0001-5844-7241

A Politician's Speech Portrait: a Case Study of D. Trump's Tweet Material

The article deals with the study of the speech portrait of the forty-fifth US President Donald Trump. The article is conducted at the intersection of the study of D. Trump's linguistic personality, as well as the study of his linguistic portrait from the standpoint of political linguistics. A figurative description of a personality makes it possible to reveal its characteristic features and to create a mental associative picture of a politician in the mass consciousness. A conceptual analysis of D. Trump's contexts is used as an additional method. The politician considers it necessary to use self-presentation strategies that allow him to construct a positive vision and a sense of unity with the audience. It was for this purpose that The Trump Organization was created, in which ideologues, media representatives, speechwriters and image-makers work for D. Trump. Trump's figure as an odious, controversial politician is known for his provocative harsh statements, he became a media person in 1968 thanks to his participation in various TV shows, which is of interest for exploring ways to create a politician's speech portrait. The linguistic assessment of D. Trump's tweets was made using the methods of cognitive analysis and discourse analysis, by sampling of 75 quotes for the period of November-December 2018.

Keywords: speech portrait, language personality, political discourse, speech strategy, media linguistics

References

1. Aleschanova, I. V. Citation in a newspaper text (on the material of the modern English and Russian press). Filol.sci. diss. Volgograd, 2000. (In Rus.)
2. Arutyunova, N. D. Metaphor and discourse. M: Progress, 1990: 5–32. (In Rus.)
3. Bezzubov, A. N. Genre-stylistic typology. L: Leningrad State University, 1987: 5–10. (In Rus.)
4. Dementiev, V. V. Study of Speech Genres: A Review of Works in Modern Russian Studies. Voprosy yazykoznaniya, no.1, pp.109–121, 1997. (In Rus.)
5. Yerofeeva, T. I., Orlatykh, E. V. The token of a politician/politician in the naive view of Russians and English. Political linguistics, no. 2, pp.197–203, 2016. (In Rus.)
6. Zhelvis, V. I. Word and deed: the legal aspect of bad language. Jurislingvistika, no. 2, pp. 51–58, 2007. (In Rus.)
7. Kara-Murza, S. G. Manipulation of consciousness. M: Algorithm, 2000. (In Rus.)
8. Karasik, V. I. Cultural dominants in the language. Language personality: cultural concepts. Volgograd-Arkhangelsk: Peremena, 1996: 3–16. (In Rus.)
9. Mamaeva, S. V. A speech portrait of a collective language personality of schoolchildren of 5–8 grades. Filol. sci. diss. Lesosibirsk. 2007. (In Rus.)
10. Іўчанкаў, V. I. Dyskurs of Belarusian SMI. Organization of the public text. Minsk: BDU, 2003. (In Bel.)
11. Dijk, T. A. van. Text and context: explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London: Longman, 1977. (In Eng.)
12. Fowler, R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge, 2011. (In Eng.)
13. Harcup, T. What Is News? London: Routledge, 1999. (In Eng.)
14. Kress, G. Language as Ideology. London: Routledge, 1996. (In Eng.)
15. Thompson, J. The Media and Modernity. Cambridge: Polity Press, 1995. (In Eng.)

Received: January 9, 2019; accepted for publication February 12, 2019

Reference to the article

Maslova V. A., Gurina T. S. A Politician's Speech Portrait: a Case Study of D. Trump's Tweet Material // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No.1. PP. 58–63. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-58-63.

[1] V. A. Maslova: analysis and systematization of the research data.
[2] T. S. Gurina: collection and analysis of the research data, documentation.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 070
DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-64-72

Назира Курбанова Ташпулатова,
кандидат филологических наук,
Узбекский государственный университет
мировых языков
(100065, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Кичик халка йули),
e-mail: naziraqurbon@list.ru

Жанр беседы в современном узбекском интеллектуальном журнале

В статье анализируются тексты бесед в социально-политическом и духовно-просветительском журнале «Тафаккур» («Мышление»). Изучено 50 текстов за период 2001–2017 годов. Проблемно-тематический анализ позволил выявить широкий предметный диапазон бесед – от древнетюркской истории и культуры до современной литературы и искусства тюркоязычных народов. В круг обсуждаемых вопросов вошли: грани соприкосновения Востока и Запада, искусство Америки, России и СНГ, тайны и загадки Туркестана, исламские мотивы в литературе и искусстве; отношение к женщине в современном мире, роль интеллигенции в обществе. Немало бесед касалось жизни великих людей, повлиявших на развитие литературы, культуры и науки Узбекистана. Выявлена общая особенность текстов: независимо от темы беседы в их содержании воспроизводится концептуальный паттерн, построенный на гуманистических идеях. В текстах бесед воссоздаётся исторический контекст, даётся проекция на современность; мир исследуется с философской и духовной позиций, рассматривается глазами представителя узбекской интеллектуальной элиты. Применялся метод лексико-семантического анализа, позволяющий выявить авторскую оценку в тексте, а также метод лингвостилистического анализа для выявления функционально-стилевой принадлежности текста. Анализ массива текстов показал, что журнал относится к «диалогическим» и воспроизводит в основном симметричный тип коммуникации, объединяющей равноправных партнёров. Вместе с тем это не исключает использование техники провокации, которая выступает как интрига, актуализирующая мыслительные ресурсы собеседника. Собеседники демонстрируют развитое логическое мышление, исследовательские способности, компетентность, здоровый скепсис, умение не только фиксировать очевидное, но и определять связи между явлениями; обладают независимостью суждений. Журналист нередко выступает равноправным партнёром, предъявляющим свою развёрнутую позицию по обсуждаемому вопросу, проявляет себя эрудитом, человеком с широким научным горизонтом, способным к тому же презентовать системные идеи в простой доходчивой форме. Анализ текстов позволил выявить концептуальные особенности жанра беседы в журнальных текстах, их своеобразие и отличие от других диалогических жанров.

Ключевые слова: журнал, жанр, беседа, журналист, стиль, собеседники, интерактивные и перцептивные возможности, позиция

Введение. Развитие информационных технологий, изменение моделей потребления информации, условий производства журналистской продукции в XXI веке привели к изменению формы подачи материала, трансформации старых жанров и появлению новых [11]. Однако беседа по-прежнему атрибутируется некоторыми специалистами в области теории и практики СМИ как аналитический жанр, мало подверженный влиянию внешних факторов. Это даёт им основание считать беседу неактивным видом подачи материала. Вместе с тем анализ текстов бесед и откликов на них читателей в изучаемом журнале опровергает это мнение.

К жанру беседы прибегают, когда обсуждаемый предмет не поддаётся моментальному и однозначному истолкованию, а требует всестороннего и глубокого рассмотрения [10, с. 118].

Беседа в аналитическом интеллектуальном журнале играет особую роль, поскольку позволяет в процессе обсуждения темы определять ключевые проблемы современного общества и предлагать читателю системные знания о закономерностях развития социальных, экономических, политических процессов, представлять авторитетный взгляд экспертов, способных к социальному прогнозированию.

Беседа – системный элемент интерактивной журналистики, которая знаменует собой «переход одностороннего воздействия печати на массу в сторону взаимного сотрудничества, переход журналиста от монолога к диалогу с аудиторией, взаимный обмен информацией. Такой вид отношений превращает обе стороны в равноправного информационного партнёра» [12]. Диалог же рассматривается не просто как путь к достижению

© Ташпулатова Н. К., 2019

согласия, а как процесс открытой дискуссии и обсуждения актуальных проблем. Как пишет российский исследователь Г. С. Мельник, «беседа – метод получения информации в вербальной форме – процесс общения двух и более лиц, взаимообмен мыслями и информацией, равный диалог» [18, с. 15].

На примере деятельности социально-политического, духовно-просветительского журнала «Тафаккур», который считается видным изданием и пользуется популярностью среди узбекской интеллигенции, проанализируем специфику жанра и выявим ту роль, которую играет беседа в развитии современной национальной журнальной периодики.

«Беседа является важным аналитическим жанром журналистики, имеющим форму диалога или полилога, представляет собой двусоставный текст. Журналист играет особую роль: формирует основное содержание публикации, её характер (в частности, позитивный или критический)» [16]. В процессе общения позиции сторон коррелируются между собой. «Другой участник беседы также имеет свою позицию и рассуждает о предмете под контролем собственных представлений об этом предмете. Жанр тяготеет к объективности освещения. Интерактивность сокращает дистанцию между аудиторией и журналистом» [21]. То есть общение журналиста, имеющее определённую цель и тему, способствует осознанию жизненной истины путём получения разносторонней и эксклюзивной информации от собеседника, знакомства с его мыслями и личными размышлениями о предмете беседы. Происходит это благодаря точной навигации журналиста по поднимаемым проблемам, его умению определять вектор беседы и фокусировать внимание с помощью уточняющих и провоцирующих вопросов на ключевых моментах темы, что создаёт основу общей заинтересованности в общении, иными словами, интерактивность.

По сравнению с другими средствами массовой информации в печати реже встречаются случаи использования методов интерактивной журналистики. Это, в первую очередь, связано с ограниченностью их технических возможностей в использовании аудиовизуальных инструментов, например, как это происходит в прямом эфире. Здесь мы имеем отсроченный эффект воздействия на аудиторию, но порой не менее сильный.

В опубликованных беседах в изучаемом нами журнале «Тафаккур» учитывались коммуникативные (процесс обмена информацией сторонами), интерактивные (процесс равного взаимовступления в связь) и перцептивные (психологический процесс, связанный с признанием и взаимопониманием сторон) аспекты общения с позиции психологических требований.

Методология и методы исследования. В исследовании применялся метод лексико-семантического анализа, который предполагает исследование семантического значения слов, используемых автором языковых средств, позволяющих выявить авторскую оценку в тексте, а также метод лингвостилистического анализа, который позволяет исследовать текст в аспекте его функционально-стилевой принадлежности (особенности стиля, жанра текста, функций, языковых средств, с помощью которых текст реализуется).

Объектом исследования стал узбекский интеллектуальный журнал «Тафаккур» («Мыслитель»). Журнал «Тафаккур» издаётся на узбекском языке с 1992 года, раз в месяц, в формате А4, объёмом 160 полос. Предмет – коммуникативные возможности жанра беседы в узбекских журналах. В данном исследовании рассмотрено 50 номеров издания за 2001–2017 годы, в которых обнаружены публикации в жанре беседы (выборка сплошная). Ставились задачи: выявить тип бесед, их проблемно-тематическое содержание, круг приглашённых собеседников, основные характеристики интервьюеров. Выбор издания обусловлен его популярностью и местом, которое он занимает в ряду социально-экономических журналов. Не случайно главный редактор журнала в 2017 году получил главную национальную премию в сфере журналистики за цикл материалов, широко пропагандирующих осуществлённые в годы независимости огромные преобразования в социально-духовной жизни страны.

Методологическое значение для нашего исследования имели научные работы, исследующие процесс речевого воздействия собеседников, особенности риторики и лингвистические особенности речевых жанров (Л. Р. Дускаева [7], О. С. Иссерс [9], Е. Б. Сахнова [13]).

Приняты во внимание научные труды, изучающие многообразие психологических особенностей процесса профессионального общения (Дж. Брайант и С. Томпсон [3], С. М. Виноградова, Г. С. Мельник [15], И. В. Ерофеева [8], С. Н. Ильченко [16], И. М. Дзялошинский [4; 5], Ф. Б. Нестеренко [20], Е. Е. Пронина [11], В. Ф. Олешко [19]).

Для определения типа коммуникации в беседах использовался подход исследовате-

ля И. М. Дзялошинского, согласно которому все виды коммуникации по целеполаганию разделяются на две большие группы:

1. Цель – взаимодействие с адресатом для передачи ему некоторого необходимого сообщения для его обогащения. Заинтересованность отправителя в данном случае в том, что он осознаёт равнозначную вовлечённость (свою и своего собеседника) в некую информационную цепь общественного сознания. Таким образом, обогащая другого, он обогащается и сам, обедняя другого и манипулируя им, наносит урон самому себе.

2. Цель – взаимодействие с адресатом для передачи ему некоторого необходимого сообщения, но не для его обогащения, а для подчинения его себе. Главной задачей коммуникации становятся – воздействие, убеждение, манипуляция. Для этого приходится прибегать к разнообразным средствам воздействия на сознание и эмоции получателя сообщения [5]. Такие коммуникации именуются исследователем соответственно «репрессивными» или «диалогическими» [4, с. 2].

Результаты исследования и их обсуждение. Проблемно-тематический анализ журнала «Тафаккур» выявил его важнейшую особенность: в содержании практически всех текстов, независимо от темы беседы, воспроизводится концептуальный паттерн, построенный на гуманистических идеях. Из номера в номер реконструируется образ жизни узбекского народа. В текстах бесед воссоздаётся исторический контекст, проводятся параллели с современными ситуациями. Мир исследуется здесь с философской и духовной позиции. Он рассматривается глазами представителя узбекской интеллектуальной элиты, какой ее понимают участники беседы. Эта «элита получает в данном издании право выносить суждения морального характера, расставляя акценты на том, что является правильным или неправильным» в сегодняшнем Узбекистане [1].

В этом смысле журнал по контенту можно сравнить с русскоязычными интеллектуальными изданиями, такими как «Сноб», «Русская жизнь» и «Русский пионер», где тексты бесед наполнены богатыми интертекстуальными элементами, что делает их эмоционально насыщенными [1; 2]. Здесь журналист является равным партнёром, эрудитом, человеком с широким научным горизонтом, способным к тому же воплощать свои системные идеи в простой доходчивой форме.

Журнал «Тафаккур» представляет собой особый тип изданий, условно определяемый нами как «узбекский интеллектуальный журнал». Беседы в журнале печатаются в основном под рубриками «Пейзажи духовности», «Просветительское общение». В них поднимаются социально-политические и культурно-просветительские проблемы общества. Герои бесед в журнале не случайны. Каждый из них – человек с определённым статусом в обществе, признанный общественностью, имеющий чёткую жизненную позицию, с высоким интеллектом, широким кругозором и вкусом, одним словом, представитель «настоящей интеллигенции». В каждой из бесед обсуждаются актуальные вопросы, связанные с социально-политическими, культурно-правовыми, духовно-просветительскими процессами. Поставлены исследовательские задачи: во-первых, изучение представленности жанра беседы в массовой коммуникации; особенности жанра в журнальной публицистике; во-вторых, показ непосредственного воздействия передаваемой информации на сознание общественности; в-третьих, выявление проблемно-тематического содержания бесед, анализ воздействия журналиста и собеседника друг на друга и аудиторию, изучение процесса продуцирования новой информации и новых идей.

Изучение содержания бесед позволило выявить основную тенденцию – поиск истины, примиренческих оснований, дающих возможность раскрыться личности собеседника, показать его интеллектуальные ресурсы.

Анализ массива текстов показал, что журнал относится к «диалогическим» и воспроизводит в основном симметричный тип коммуникации, объединяющей равноправных партнёров. Вместе с тем, это не исключает использование техники провокации, которая выступает как интрига, «якорь», цепляющий эмоционально собеседника и приводящий в движение мыслительный процесс.

В научной литературе немало источников, раскрывающих манипулятивный характер публичных диалогов, где присутствуют черты манипуляции: 1) поиск односторонних выгод; 2) скрытое воздействие; 3) опора на автоматические и стереотипные реакции обеих сторон; 4) создание иллюзии независимости; 5) преследование целей, в которых собеседник не заинтересован в результате [6, с. 300].

Как показал наш анализ, тексты бесед в журнале «Тафаккур» демонстрируют другие черты: 1) взаимовыгодное сотрудничество; 2) явное, открытое общение; 3) развитие творческого потенциала; 4) двустороннюю

ответственность; 5) заинтересованность в совместном процессе [9].

При подготовке к беседе интервьюер уделяет большое внимание выбору темы, поиску героя, разработке концепции беседы, составлению вопросов, определению места проведения и созданию необходимых условий. Но выполнение упомянутых задач не означает полной готовности беседы. После этого наступает более ответственный этап – написание текста беседы, что иногда оказывается сложнее, чем общение с респондентом. Ведь во время интервью, беседы на радио или телевидении событие происходит в присутствии аудитории, что накладывает на журналиста дополнительную ответственность, требует постоянного контроля за своим поведением, речью и эмоциями. Воздействие беседы на читательскую аудиторию зависит от качества написанного текста, ювелирной работы журналиста в выборе языковых средств и формы подачи материала. Кроме того, основная идея беседы зависит не только от самого журналиста, но также и от собеседника.

Анализ бесед в журнале «Тафаккур» выявил наличие своеобразного стиля и традиций как самого журнала, так и отдельных опубликованных бесед. Во-первых, вопросы в журнальных беседах носят развёрнутый характер, изначально в них уже содержится некий тезис (суждение), т. е. вопросы, требующие такого же развёрнутого ответа, подтверждения тезиса или его опровержения, возможно, выдвижения альтернативного тезиса. Здесь важно уметь сохранить баланс между поднятым вопросом и взглядами участников беседы на данную проблему. Во-вторых, в беседах в журнале «Тафаккур» естественность и искренность отношений между журналистом и собеседником являются лучшим способом воздействия. В-третьих, по сравнению с другими печатными изданиями в данном журнале большое внимание уделяется языку и стилю, которые выглядят безукоризненными.

Для активизации беседы журналисты нередко используют такой способ взаимодействия с собеседником в процессе интервью или беседы, как провокация. Заметим, что изначально «провокация» рассматривалась как система методов, имеющих два характерных признака, отличающих её от других методов:

«1. Преднамеренность, осознанность данного поведения провоцирующим субъектом.

2. Негативный характер последствий для вовлечённого в провокацию адресата, незаинтересованность его в подчинении провокационным действиям, следовательно, манипулятивный характер действий субъекта провокации» [13].

Вместе с тем провокация в интеллектуальной беседе представляет собой не просто технологию воздействия на собеседника, а ещё и «особый тип культуры и мышления», меняющий целеустановки и сам характер взаимодействия интервьюера и интервьюируемого. Провокация используется для поддержания интриги, актуализации мыслительных ресурсов собеседника.

Например, беседа Нурбоя Жаббарова с народным поэтом Узбекистана Хуршидом Давроном, опубликованная под заголовком «Совесть означает: не отступай от истины» (2006. № 1. С. 15–21), представляет собой систему провоцирующих вопросов: «*…Является ли индифферентность, безответственность нашей интеллигенции или же её личные интересы причиной усиления препятствий, стоящих перед прогрессом? Вообще, интеллигентность – это привилегия или ответственность?»*

Изначально подвергается сомнению сама функция интеллигенции в прогрессивном движении общества. Такая постановка вопроса, несомненно, должна вызвать у собеседника определённую реакцию и заставить размышлять о судьбе интеллигенции в общественном процессе, при этом либо занять по отношению к ней негативную позицию, либо встать на её защиту, либо начать рассуждать о положительных и негативных свойствах интеллигентности. Приём контраста наиболее удачен для вовлечения в разговор читателей. Кроме того, приём контраста, направленный на необходимость выбора собеседником позиции «за» или «против», несомненно, интригует, способен привлечь внимание аудитории: «*Прежде всего, кто на самом деле интеллигент? Для меня человек в поле, который нашёптывает газели Навои, более интеллигентен, чем безответственный и полуграмотный министр, считающий себя интеллигентом. Духовный человек, который познал смысл своей жизни, является интеллигентным. Поэтому интеллигенция – скорее, ответственность, нежели преимущество...*»

Собеседник, как видим, выбирает путь защиты интеллигенции, видит в её представителе субъекта, ответственного за действия, а силу – в её духовности.

Другой пример создания журналистом провокации – акцентуация на мировоззренческом разломе и разном понимании слова «богатство»: «*...Сегодня в нашей жизни всё*

больше становится популярным меркантильность. Яркий пример – строительство пышных особняков, так называемые соревнования в проведении свадеб, необъяснимая страсть к богатствам. Самое худшее – хвастовство от накопленного состояния, чрезмерное высокомерие. Число таких людей постоянно растёт. Ведь наш предок – Алишер Навои – считал богатство средством принесения пользы обществу. Богатство – это когда человек даёт покров бедным. В чём причина такой разницы между мировоззрением предков и нынешнего поколения?»

Собеседник парирует и в свою очередь позволяет себе парадоксальные высказывания: *«Одна из причин меркантильности – неспособность полного избавления от последствий феодализма. Именно из-за этого мы всё ещё не достигли всех основ рыночной экономики. Состояние, накопленное путём мошенничества, не имеет отношения к богатству. Сегодня самые богатые люди мира – это высокоинтеллектуальные люди».*

В контексте беседы становится понятным, что оба партнёра по диалогу разделяют понятия «интеллектуальность» и «интеллигентность».

В данном отрывке беседы можно увидеть, что из-за высокой актуальности поднятой темы воздействие на аудиторию получилось сильным. Собеседник в своих ответах смог выразить своё внутреннее «Я».

Для повышения экспрессивности беседы журналист использует разные способы. Это можно увидеть и в тактике журналиста при формулировании вопросов. Например, в вопросах и ответах Нурбая Жаббарова или Мухиддина Рахима преобладает просветительский элемент, а не просто словесная игра и инкрустация текста. Формулируя мировоззренческие вопросы, журналисты опираются на различные факты, символы, авторитетные источники. Обычно, когда задается вопрос, автор, в первую очередь, стремится внести ясность в ту или иную ситуацию, уточнить мысль или же выяснить суть некой проблемы, которая его мучает. Но такие авторы, как Эркин Аъзам, Фаррух Джаббаров и Икбол Кушшаева, в своих вопросах всегда считаются с действительностью, пытаются сделать акцент на конкретной ситуации, связанной с выбранной для беседы личностью. Благодаря живому образному языку собеседники добиваются максимального воздействия на аудиторию.

В журнальных беседах в первую очередь соблюдаются художественные языковые нормы, что отличает их фирменный стиль. Вместе с тем особой приметой этих бесед является использование слов и выражений, которые нередко используются в других печатных СМИ. Это относится к терминологии, неологизмам и метафорам. Например, в упомянутой выше беседе автор использует слово «сарвати», что означает «богатство». Но это совсем не обыденное слово в узбекской речи. В беседе Дамина Жумакула с профессором Нажмиддином Камиловым под заголовком «Мир спасёт доброта» (2008. № 3. С. 17–26) автор использовал слово «кайхоний», что означает «воображаемый». Это слово также нельзя встретить в обычном тексте. Ещё один пример – беседа Фарруха Джаббарова с доктором филологических наук, языковедом Низомиддином Махмудовым под заголовком «Наш высокий и бессмертный язык» (2010. № 2. С. 7–18). Здесь автор использует слово «чунг», что означает «очень» или «большой». Таких примеров достаточно много. В беседе со знаменитым узбекским кинорежиссёром Джахонгиром Касымовым Икбол Кушшаева задаёт следующий вопрос: «Рынок – это непобедимый монстр?». Здесь слово «монстр» применяется в значении «неумолимый процесс». Обратим внимание на ответ респондента в этой же беседе: *«Если режиссер в процессе съёмки будет идти на поводу оператора или капризного актёра, который схватил “звёздную” болезнь, то снимаемая картина может превратиться в обычную “табуретку”».* Под словом «табуретка» подразумевается низкий уровень картины, иными словами, примитивное изделие.

То есть главная идея этих примеров в том, что в большинстве случаев сохраняется оригинальная мысль героев. Таким образом, до читателя мастерски доводится своеобразие мировоззрения респондента. А ответ собеседника позволяет ему предстать перед читателем в качестве грамотной, высокоинтеллектуальной личности, с широким кругозором. Передаётся его гражданская позиция в отношении происходящих вокруг событий.

Из-за того, что коммуникативный процесс непосредственно связан с местом и временем, его сложно разглядеть в журнале. Поэтому мы считаем, что интерактивность в журнале есть проявление идейного равенства. Например, вернёмся к последней беседе. Джахонгир Касымов – кинорежиссёр, хорошо знает своё дело. А Икбол Кушшаева – не про-

сто модератор беседы и транслятор чужих идей. Она достаточно хорошо разбирается в сфере кино, знает его прошлое и сегодняшнее состояние, поэтому способна не просто понимать собеседника, но и, если понадобится, вступить с ним в дискуссию. Это принуждает респондента говорить умно, серьёзно размышлять об обозначенном предмете. Результат – идейное равенство, живое общение. Например:

– *Ирландский писатель Джеймс Джойс писал, что «порнография и дидактика – фальшивые вещи, не имеющие отношение к искусству…» На первый взгляд – это несопоставимые понятия, но автор всё же их ставит рядом…*

– *Знаете, дидактика и порнография – оба понятия очень очевидные, простые. В них нет никаких секретов, которые делают искусство искусством. Если вы прочтёте Навои или Руми, то там нет прямой мысли, вроде «не пей – будешь хорошим человеком. Но в то же время не стоит забывать, что в литературе есть приверженность к дидактике».*

Журналист предлагает своё мнение о роли женщины в современном мире, предпочитая иметь дело с разносторонней, а не линейной личностью, с заданной, примитивной программой.

– *Почему-то на наших экранах встречаются женщины только двух типов. Первая – если ударить по правой щеке, подставит левую. Вторая – меркантильная женщина, которая видит смысл жизни в статусе, богатстве. Я бы предпочла, чтобы на экраны вынесли внутренний, настоящий мир узбекской жизни, чтобы показали образ ценящей, интеллигентной личности.*

– Её взгляд оказывается близким собеседнику.

– *Согласен с вами. К сожалению, такие произведения можно по пальцам перечислить. Если вспомнить, то нет такой картины, которая по-настоящему показывала бы характер настоящей узбекской женщины. В фильмах «Родник», «Дом под Луной», «Забаржад», «Мужчина» есть только некоторые попытки.*

Ещё одна причина успеха данной беседы – журналист долго наблюдал за героем в качестве и личности, и специалиста. В процессе наблюдения автор также обогатил свои знания в области кино. Изучил беседы с данным героем в печати, чтобы лучше узнать его режиссёрские работы, настоящие внутренние переживания, связанные со сферой, его характер, настроение. Это можно увидеть и в заданных вопросах, отношении к настоящему состоянию узбекского кино и личных выводах. Кроме того, Икбол Кушшаева хорошо понимает внутренние переживания героя, чувствует их. Её основная цель – достичь идейного сближения с собеседником.

Основная задача многих бесед в журнале «Тафаккур» заключается именно в этом – путём идейной близости донести до читателя новый, своеобразный взгляд, новую информацию. Это можно увидеть и на примере рассмотренных выше бесед. Но не всегда удаётся достичь этой цели. В журнале иногда встречаются и материалы низкого качества. В качестве примера можно привести беседу Шохсанам с доктором филологических наук Турой Мирзаевым под названием «Билган элга эрк боқар». Журналист, очевидно, не совсем знаком с деятельностью собеседника. Задаёт случайные вопросы, что показывает низкий уровень его подготовленности к беседе. У беседы нет цели, не понятна её суть. У темы отсутствует концепция. Здесь стоит отметить, что журналист всегда должен знать, какой вопрос респондент ожидает, в какой форме он захочет отвечать, кроме того, автор должен чётко знать, чего добивается от собеседника, какого рода ответ он хочет получить от своего героя.

Выводы. Большое количество сведений в нестандартной форме журналист получает в беседе – непосредственном речевом общении с лицами, являющимися экспертами в изучаемой ситуации. Беседа отличается от интервью прежде всего тем, что все участвующие в ней равноправны в изложении собственного мнения или формулировке вопросов. В ходе беседы журналист получает информацию о фактах, мнениях, прогнозах, речевых приметах собеседников**.** В диалоге журналист выполняет двоякую задачу: не только передаёт смысл и содержание беседы, но и пытается воспроизвести точность речевых приёмов собеседника, его интонацию**.**

В журнале «Тафаккур» мы определили коммуникативную широту жанра беседы и способы воздействия на собеседника и аудиторию, это важно в определении популярности и авторитета издания среди читателей. Главное требование интерактивно-коммуникативного общения – подача новой информации аудитории путём прямого, непосредственного диалога, а также важность роли личной активности сторон в выяснении сути и значения проблемы, установления идейной близости между журналистом и респонден-

том. Журнал «Тафаккур» на протяжении всего указанного периода сохранял стандарты качества высокой журналистики, используя возможности жанра беседы, привлекал к обсуждению актуальных проблем современности думающую аудиторию.

Список литературы

1. Акуличев А. С. Журналы «Русская жизнь», «Русский пионер», «Сноб»: предпосылки к выделению нового типа периодических изданий // Вестник Вологодского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение, журналистика. 2012. Вып. 11. С. 106–110.

2. Акулиничев А. С. Подача информации в современных русских интеллектуальных журналах: фрагментарность и культивирование медиавирусов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. 2013. № 12. С. 21–25.

3. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М.: Вильямс, 2004. 432 с.

4. Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в массмедиа // Вестник Московского государственного университета. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 56–75.

5. Дзялошинский И. М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. М.: Престиж, 2006. 104 с.

6. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномен, механизмы и влияние. М.: Моск. гос. ун-т, 1997. 344 с.

7. Дускаева Л. Р. Диалог в газетных речевых жанрах / под ред. М. Н. Кожиной. СПб.: СПбГУ, 2012. 274 с.

8. Ерофеева И. В. Психология медиатекста. Чита: ЗабГУ, 2014. 165 с.

9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2012. 299 с.

10. Пичугин А. В., Смирнов В. Б. Беседа: разновидность интервью или самостоятельный жанр? // Вестник Волгоградского государственного университета. 2005. Вып. 4. С. 116–121.

11. Пронина Е. Е. Психология журналистского творчества. М.: КДУ, 2006. 368 с.

12. Савченко Л. В. Проблемы трансформации жанров и их идентификации в теории и практике журналистики [Электронный ресурс] // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2018. № 4. Режим доступа: http://www.7universum.com/ru/philology/archive/item/5730 (дата обращения: 14.10.2018).

13. Сахнова Е. Б. Способы речевого воздействия журналистов в печатных интервью // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, № 2. С. 105–109.

14. Степанов В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.

Источники

15. Виноградова С. М., Мельник Г. С. Психология массовой коммуникации: учебник. М.: Юрайт, 2015. 512 с.

16. Ильченко С. Н. Интервью в журналистском творчестве: учеб. пособие. СПб., 2003. 93 с.; М.: Юрайт, 2015. 512 с.

17. Князев А. А. Энциклопедический словарь СМИ. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. 342 с.

18. Мельник Г. С. Общение в журналистике: секреты мастерства: учеб. пособие. Изд. 2-е., доп. СПб.: Питер, 2009. 235 с.

19. Олешко В. Ф. Психология журналистики: учебник М.: Юрайт, 2016. 351 с.

20. Словарь-справочник: журналистика, реклама, паблик рилейшнз: 1700 терминов / Ф. Б. Нестеренко [и др.]. Ташкент: Зар калам, 2003. 400 с.

21. Артыкова Ю. Интерактивная журналистика. Ташкент: Мумтос су, 2011. 113 с.

Статья поступила в редакцию 12.01.2019; принята к публикации 09.02.2019

Библиографическое описание статьи

Ташпулатова Н. К. Жанр беседы в современном узбекском интеллектуальном журнале // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 64–72. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-64-72.

Nazira K. Tashpulatova,
Candidate of Philology,
Uzbek State University of
World Languages
(Kichik Khalka Yuli st., Tashkent, 100065, Uzbekistan),
e-mail: naziraqurbon@list.ru

Genre of Conversation in the Modern Uzbek Intellectual Journal

The article analyzes the texts of conversations in the socio-political and spiritual-educational magazine *Tafakkur* ('Thinking'). 50 texts for the period from 2001 to 2017 have been studied. Problem-thematic analysis allowed us to reveal a wide subject range of conversations – from the ancient Turkic history and culture to the modern literature and art of the Turkic-speaking peoples. The circle of issues under discussion included: the facets of contact between the East and the West, the art of America, Russia and the CIS, the mysteries and mysteries of Turkestan, Islamic motifs in literature and art, attitude to women in the modern world, the role of the intelligentsia in society. Many conversations recreate the lives of great people who influenced the development of literature, culture and science of Uzbekistan. The world is explored here from a philosophical and spiritual position, viewed by the eyes of a representative of the Uzbek intellectual elite. The method of lexical-semantic analysis was also used, which allows us to identify the author's assessment in the text, as well as the method of linguistic and stylistic analysis to identify the functional and stylistic identity of the text. An analysis of the array of texts showed that the journal refers to the "dialogical" and reproduces a mostly symmetrical type of communication uniting equal partners. At the same time, this does not preclude the use of provocation technology, which acts as an intrigue that actualizes the mental resources of the interlocutor. The interlocutors demonstrate developed logical thinking, research skills, competence, healthy skepticism, the ability not only to fix the obvious but also to determine the connections between phenomena, they are independent in their judgments. The journalist often acts as an equal partner presenting his extended position on the subject under discussion, he manifests himself as an erudite, a person with a broad scientific outlook who can, moreover, present systemic ideas in a simple, understandable form. Analysis of the texts allowed us to reveal the conceptual features of the conversation genre in journal texts, their originality and difference from other dialogical genres.

Keywords: journal, genre, conversation, journalist, style, interlocutors, interactive and perceptual capabilities, position

References

1. Akulichev, A. A. Journals Russian Life, Russian Pioneer, Snob: preconditions for the allocation of a new type of periodicals. Vestnic Vologodskogo gos. un-ta. Ser. 8: Literaturovedeniye, zhurnalistika, no. 11, pp. 106–110, 2012. (In Rus.)
2. Akulinichev, A. S. Information supply in modern Russian intellectual journals: fragmentation and cultivation of media viruses. Vestnic Volgogradskogo gos. un-ta, no. 12, pp.1201–25, 2013. (In Rus.)
3. Bryant J., Thompson, S. Fundamentals of the impact of the media (tr. into Eng. M: Izd. dom "Vil'yams", 2004. (In Rus.)
4. Dzyaloshinsky, I. M. Manipulative technologies in the mass media. Vestnic Moskovskogo gos. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika, no. 2, pp. 56–75, 2005. (In Rus.)
5. Dzyaloshinsky, I. M. Journalism of complicity. How to make the media useful to people. M: Prestige, 2006. (In Rus.)
6. Dotsenko, E. L. Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection. M: Mos. gos. universitet, 1997. (In Rus.)
7. Duskaeva, L. R. Dialogue nature of newspaper speech genres. SPb: SPbGU, 2012. (In Rus.)
8. Erofeeva, I. V. Psychology of media text. Chita: ZabGU, 2014. (In Rus.)
9. Issers, O. S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: LKI, 2012. (In Rus.)
10. Pichugin, A. V., Smirnov, V. V. Beseda: a kind of interview or an independent genre? Vestnic VolgU, no. 4, pp.116–121, 2005. (In Rus.)
11. Pronina, E. E. Psychology of journalistic creativity. M: KDU, 2006. (In Rus.)
12. Savchenko, L. V. Problems of transformation of genres and their identification in the theory and practice of journalism. Universum: Filologiya i iskusstvovedeniye: elektron. nauchn. zhurn. 2018. No. 4 (50). Web. 01.01.2019. http://www.7universum.com/ru/philology/archive/item/5730.
13. Sakhnova, E. B. Ways of Speech Effects of Journalists in Print Interviews. Izvestya. Saratov.gos. unuversiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika, no. 12, pp. 105–109, 2012. (In Rus.)
14. Stepanov, V. N. Provocation in social and mass communication. St. Petersburg: Rose of the World, 2008. SPb: Roza mira, 2008. (In Rus.)

Sources

15. Vinogradova, S. M., Mel'nik, G. S. The psychology of mass communication. M: Yurayt, 2015. (In Rus.)

16. Il'chenko. S. N. Interview in journalistic creativity. SPb: 2003. (In Rus)
17. Knyazev, A. A. Encyclopedic Dictionary of the media. Bishkek: 2002. (In Rus.)
18. Mel'nik, G. S. Communication in journalism: the secrets of mastery. SPb: Piter, 2009. (In Rus.)
19. Oleshko V. F. Psychology of journalism: a textbook. M.: Yurayt, 2016. 240 p. (In Rus.)
20. Journalism. Advertising. Public Relations. Dictionary. Directory (1700 concepts). Nesterenko und andere. Tashkent: Zar Kalam, 2003. (In Uzb.)
21. Artykova Yu. Interactive journalism. T: Mumtos sous. 2011. 113. p. (in Uzb.)

Received: January 12, 2019; accepted for publication February 09, 2019

Reference to the article

Tashpulatova N. K. Genre of Conversation in the Modern Uzbek Intellectual Journal // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 64–72. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-64-72.

ИГРА В БИСЕР: СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ТЕКСТА

THE GLASS BEAD GAME: HIDDEN MEANINGS OF THE TEXT

УДК 81`27
DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-73-80

Марина Владимировна Пименова[1],
доктор филологических наук, профессор,
Институт иностранных языков,
(191178, Россия, г. Санкт-Петербург, 12-я линия Васильевского острова, 13),
e-mail: MVPimenova@yandex.ru
orcid: 0000-0001-5918-974X

Сагынбубу Адамалиевна Алаева[2],
старший преподаватель,
Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
(191123, Кыргызстан, г. Бишкек, мкр-н Джал, кампус им. Ч. Айтматова),
e-mail: ala-sagyn@yandex.ru

Реализация понятийных признаков макроконцепта *человек* в произведениях Ч. Т. Айтматова

В статье рассматриваются понятийные признаки макроконцепта *человек*. Понятийные признаки макроконцепта *человек* определяются на материале толковых словарей современного русского языка. Человек в восприятии Ч. Т. Айтматова описывается на материале его известных произведений. Как показывают результаты проведённого исследования, наиболее частотными признаками человека признаны «мальчик», «сын», «мать», «женщина», «отец», «мужчина», «бабушка», «жена», «девочка/девушка», «невеста», «свекровь». На основании полученных данных были выделены понятийные признаки: 1) «живое существо»; 2) «мыслящее существо»; 3) «говорящее существо»; 4) «созидающее существо»; 5) «трудящееся существо»; 6) «лицо с характером»; 7) «общественное существо»; 8) «люди»; 9) «личность (с особыми моральными свойствами)»; 10) «личность (с особыми интеллектуальными свойствами)»; 11) «кто-то/некто/кто-нибудь/никто/всякий». В ходе исследования были выявлены понятийные признаки макроконцепта *человек* в русской лингвокультуре, которые показали, с одной стороны, их вариативность в текстах Ч. Т. Айтматова. С другой – именно понятийные признаки составляют доминанту саморефлексии автора проанализированных произведений. Изученные произведения автора показывают, что тема человека является ключевой для Ч. Т. Айтматова.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, мотивирующие признаки, макроконцепт *человек*

Введение. Выбор данной темы исследования обусловлен тем, что в последнее десятилетие возрастает интерес человека к прошлому своего народа, своей страны, культуре и языку, который аккумулировал и сохранил её главные приоритеты и ценности. Именно язык стал тем инструментом, с помощью которого человек может постичь мировоззрение своего народа, а также самого себя.

В художественной литературе образ человека раскрывается по-своему. В этой связи очевидна необходимость изучения воспри-

[1] М. В. Пименова – основной автор, осуществляла описание материала, обобщение результатов, оформление статьи, формулировала выводы, оформляла список литературы.

[2] С. А. Алаева осуществляла оформление статьи и таблиц, сбор материала, обобщение результатов.

© Пименова М. В., Алаева С. А., 2019

ятия человека в аспекте мировидения писателя и мыслителя Ч. Т. Айтматова, главной темой творчества которого был феномен человека.

Методология и методы исследования. Современная наука предложила новое направление изучения – лингвокультурологию, науку, возникшую «на стыке лингвистики и культурологии и исследующую проявления культуры народа, что отразилось и закрепилось в языке» [20, с. 8]. В работе также используется метод концептуального анализа и статистический метод.

Проблема соотношения языка и культуры, культурного явления и его языкового обозначения и раньше затрагивалась в работах таких известных учёных, как В. фон Гумбольдт [2], Э. Сепир [15], А. А. Потебня [14], В. В. Виноградов [1] и др. В центре внимания оказался внутренний мир человека [7–9]. Среди учебной литературы появились работы по данному направлению, например, учебные пособия В. В. Воробьева [17], В. А. Масловой и М. В. Пименовой [20; 21]. В последнее время акцент сместился на рассмотрение концептов, методов изучения концептуальных структур [6; 10–13].

Результаты исследования и их обсуждение. Один из первых этапов исследования – изучение понятийных признаков макроконцепта *человек,* поскольку «логико-понятийный компонент языкового сознания в гораздо большей степени, чем сенсорно-рецептивный, влияет на национальную неповторимость вербализации ПВК (пространственно-временного континуума), поскольку именно он осуществляет концептуализацию (конкретизацию, членение) дискретной внешней среды, в результате поток, воспринимаемый сенсорно-рецептивным компонентом сознания, превращается в совокупность так называемых информационных сгущений (или информем), которые становятся концептами национального языкового сознания после того, как за ними закрепляется соответствующее имя» [3].

Слово *человек* известно языку с древнерусского периода: от древнерус. *челов(ять) къ* – «существо человеческого рода; человек, как член общества; чей-либо слуга». Прилагательное *человечный* отмечается в словарях только с середины XIX века, впервые встречается у В. И. Даля.

Человек – сложное, двухосновное слово. Происхождение его вызвало множество суждений. По мнению немецкого лингвиста Циммера, общеславянское слово в первой своей части связано с индоевропейским *kel* – «род, клан, стая», во второй – с древнепрусским *vaix* – «дитя, потомок». Родственными являются: украинское *чоловік* (муж); белорусское – *человек*; болгарское – *чловек, човек, челяк, чиляк*; польское – *czlowiek*; производные: «человеческий, человечный, человечий» [22].

В словарях русского языка находим определения лексемы – основного репрезентанта макроконцепта *человек* (табл. 1).

Таблица 1

Толкования лексемы *человек* в словарях русского языка

Словарь	***Значение лексемы человек***
Словарь русского языка (Малый академический словарь, МАС): в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой; РАН; Ин-т лингвистических исследований. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.	ЧЕЛОВЕК: 1. Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. // Лицо, являющееся носителем каких-л. внутренних характерных качеств, свойств, принадлежащее к какой-л. среде, обществу и т. п. Добрый человек. Злой человек. Сумасшедший человек. Честный человек. Учёный человек. // В значении единицы счёта (людей): «Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио» (Пушкин. Выстрел). 2. Личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств: Быть настоящим человеком. 3. Употребляется в значении местоимений: он, кто-то, некто: «Вдруг – говорят мне: человек вас спрашивает» (Тургенев. Уездный лекарь). 4. Дворовый слуга или вообще помещичий крепостной слуга: «Он встал, застегнулся на все пуговицы, позвал человека и велел спросить у Дарьи Михайловны, может ли он её видеть» (Тургенев, Рудин). // Официант, слуга в трактире в дореволюционной России: «Человек, бутылку шампанского!» (А. Н. Толстой. Азеф)
Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1	ЧЕЛОВЕ́К: 1. Живое существо, в отличие от животного обладающее даром речи и мысли и способностью создавать и использовать орудия в процессе общественного труда: На бульваре сидело пять человек. Отряд в пятьдесят человек. Кругом совершенно не было людей. Красивый человек. Рослый человек. Здоровые люди. // Только с определением. То же, как носитель каких-нибудь внутренних качеств, свойств, личность: Хороший человек. Добрый человек. Учёный человек. Несчастный человек. Гадкий человек. Что он за человек? Человек он не плохой. Милейший, добрейшей души человек. Невыносимый человек. 2. То же, как обладатель лучших моральных и интеллектуальных свойств (книжн. ритор.). 3. Употр. в знач. местоимения: всякий (т. е. любой человек), никто (т. е. никакой человек), кто-нибудь (т. е. какой-нибудь человек) и т. п. Ему ничего не стоит обидеть человека.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1	4. При крепостном праве – дворовый слуга или вообще помещичий служитель (в частности – в отличие от крестьян-земледельцев; ист.). // Официант, половой (дорев.): Человек, рюмку водки! 5. Божий человек (устар., нар.-поэт.) – юродивый: Все мы люди, все человеки или все мы человеки (разг.) – шутливая погов. в извинение каких-нибудь слабостей или недостатков: «Что делать, Анна Павловна, все мы человеки» (Гончаров. Обыкновенная история). Молодой человек (разг.) – обращение к юноше, лицу молодого возраста или (шутл.) к мальчику
Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000	ЧЕЛОВЕ́К (м.): 1. Живое существо, в отличие от животного обладающее даром речи, мысли и способностью производить орудия труда и пользоваться ими. 2. Носитель каких-л. качеств, свойств (обычно с определением); личность. Обладатель лучших интеллектуальных или моральных качеств. 3. Любое лицо; всякий. Некое лицо; кто-л. 4. Устар. дворовый слуга (в Российском государстве при крепостном праве). Любой слуга мужского пола; лакей. см. также «люди»
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2005. 944 с.	ЧЕЛОВЕК (м.): 1. Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. Ч. разумный (в зоологической систематике: вид в отряде приматов; спец.). Первобытный ч. (исторический предок современного человека). Биологическая природа человека. Духовный мир человека: Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо (афоризм). Рабочий ч. Ученый ч. Честный ч. Пять человек. Ч. с большой буквы (высоких моральных достоинств). Молодой ч. (о юноше, молодом мужчине, обычно в обращении). Будь человеком! (веди себя по-человечески, разг.). Вот ч.! (о том, кто вызывает удивление теми или иными своими качествами, поступками; разг.). Все мы люди, все человеки (никто не лишён человеческих слабостей; шутл.). 2. В России при крепостном праве: дворовый слуга, служитель, лакей, а позднее – официант, слуга. // Умелый, человечек, -чка, м. (к 1-му знач.) // Унич. человечишка, -и, м. (к 1-му знач.). // Прил. человеческий, -ая, -ое (к 1-му знач.) и человечий, -ья, -ье (к 1-му знач.; разг.)

В процессе анализа сем и семем в словарных дефинициях соответствующего репрезентанта макроконцепта *человек* были отмечены такие его понятийные признаки (табл. 2).

Таблица 2

Понятийные признаки макроконцепта *человек*

Признаки	***Словари***			
	МАС	***ТСРЯ Д. Н. Ушакова***	***НСРЯ Т. Ф. Ефремовой***	***ТСРЯ С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой***
1. Живое существо	+	+	+	+
2. Мыслящее существо	+	+	+	+
3. Говорящее существо	+	+	+	+
4. Созидающее существо	+	+	+	+
5. Трудящееся существо	+	+	+	+
6. Лицо с характером	+	+	-	-
7. Общественное существо	+	+	-	-
8. Люди	+	-	-	-
9. Личность (с особыми моральными свойствами)	+	+	+	+
10. Личность (с особыми интеллектуальными свойствами)	+	+	+	-
11. Кто-то/некто/кто-нибудь/никто/всякий	+	+	+	-
12. Половой (официант/слуга в трактире)	+	+	-	+
13. Лакей (крепостной/дворовый слуга)	+	+	+	+

В ходе анализа четырех толковых словарей современного русского языка было выявлено 13 понятийных признаков у макроконцепта *человек* в русской лингвокультуре.

Рассмотрим языковые способы и средства актуализации в контекстах основных произведений Ч. Т. Айтматова указанных в таблице 2 понятийных признаков исследуемого макроконцепта.

Признак «живое существо» у Ч. Айтматова актуализируется разнообразными языковыми средствами: во-первых, это вербализация макроконцепта *человек* по гендерному делению на признаки «мужчина” и «женщина”, здесь же учитывается дальнейшее членение каждой группы по дополнительному критерию «возраста»: *бала, өспүрүм, жигит, эркек, киши, аксакал, абышка, чал; кыз-бала, секелек кыз, аял, аял-киши, кемпир*; «родственные отношения»: *уул бала, ата, чоң ата, ага, аке, ини, кайын ини, кайын ага; кыз бала, апа, эне, жеңе, эже.*

Примечательно, что в обозначениях родственных отношений в киргизском языке, так же как и во множестве других восточных языков (турецком, китайском и др.) прослеживается дифференциация признаков «родственники старше меня» (*ага* – «старший брат», *эже* – «старшая сестра») и «родственники младше меня» (*ини* – «младший брат,

синди – «младшая сестра по отношению к сестре», *карындаш* – «младшая сестра по отношению к ст. брату»), «родственники по материнской линии», которые употребляются с использованием префикса *тай-* (*тайэне* – «бабушка», *тайата* – «дедушка», *тайаке* – «дядя» и др.) и «родственники по отцовской линии» (родственники по отцовской линии употребляются без префикса *тай-*); а также «родственники со стороны супруга/супруги» с префиксом *кайын-*. Дифференциация наименований человека по признакам «мужчина женщина», «старший – младший» отражает систему определённых отношений, диктуемых внутренней формой каждого из данных слов-репрезентаитов исследуемого макроконцепта. Так, например, *ата, ага, кайын ата, кайын ага* – «уважаемый, почитаемый, старший» или *келин* – «сноха» от корневого кел- – «прийти», ВФ которого соответствует значению «пришедшая», т. е. «чужая» и др.

Макроконцепт *человек* реализуется в текстах Ч. Т. Айтматова через признак «живой» и актуализируется в контекстах глаголом *жить* и его производными: «*Жить* рабом не желаю. Лучше убей меня, но перед этим позови с моей родины первого встречного пастуха» (Белое облако Чингисхана); «*Живите,* как должны *жить* люди, а я буду с вами и с детьми ваших детей во все времена» (Белое облако Чингисхана); употреблением прилагательного *живой*: «Пока я *жив,* мальчишку никому не отдам, а умру – бог его поведёт, живой человек найдёт свою судьбу» (Белый пароход).

Второй понятийный признак – «мыслящее существо» – реализуется посредством слов разной частеречной принадлежности: *мысль, мыслить, размышлять* и др. Мысли человека предметны, они имеют ценность, их можно перебрать, уложить, поделиться ими, их можно скрыть, укрыть «...сидя за столом рядом с женой, от которой, казалось бы, трудно *укрыть мысли*, успевая кивать и поддакивать соседям в общем разговоре, Тансыкбаев восхищался втайне тем, как чудесно устроен человек; в ожидании переправы он соберёт совет… и выскажет свои *золотые мысли* о вечной державе» (Тавро Кассандры). Мысль человека имеет вес: «Им овладевали *тягостные* сомнения – стоит *делиться* своими наблюдениями и *мыслями* или не стоит. Белое облако Чингисхана; Но сказать, что тот *чужеземец просто из легкомыслия* рисковал головой, было бы несправедливо» (Белое облако Чингисхана). Для Ч. Т. Айтматова признак «человек как мыслящеее существо» – один из важнейших понятийных признаков: «*Люди* тем и отличаются от скотины, что они *способны мыслить*» (Верблюжий глаз).

Признак «говорящее существо» двойственен: с одной стороны, так описывается тот, кто говорит. Для этого автор использует предикаты речи: *говорит, скажет, уговорит, обговорить, заявляет, убеждает, заговорит, перешёптывается, настаивает, требует:* «Другой голос, властный, сильный, все более ожесточенно настаивал, требовал сурового наказания, казни ослушников перед всем войском». С другой стороны, автор описывает окружение своих героев через предикаты слуха: тех, кто *слушает,* кого *ослушаются, послушает, выслушать, подслушать,* к кому *прислушается:* «“А слушать хорошо!”, – шепчет дед» (Белый пароход); «И потому покорно прошу Вас, святой отец, выслушать меня» (Тавро Кассандры). Примечательно, что предикаты «говорения» у Айтматова встречаются гораздо чаще, чем предикаты слуха.

За признаком «имеющий волю» у Ч. Т. Айматова закрепились два субпризнака: «воля как свобода», т. к. вольный человек – свободный человек: «Есть ли *воля вольнее* тебя, Энесай?» (Белый пароход); и воля как «способность осуществлять свои желания», есть воля у человека или нет воли – способен ли человек совершать действия или не способе: «Была бы на то его *воля*, он упросил бы белый пароход подплыть поближе» (Белый пароход).

Признак «трудящееся существо» реализуется посредством таких однокоренных слов, как «труд», «трудиться», «сотрудник», «трудный», «трудящиеся»; многообразных выражений *ратный труд, производительный труд,* сочетаний *деньги и труд*. Синонимичный ряд слова *труд* дополняют *дело* и *работа*: «…от всех его *дел* и *трудов*, от всех забот и печалей остался теперь у него только вот этот ребёнок» (Белый пароход); «Много пота пролили. Много *труда* ушло. Материнское поле; *Работа* идёт, трактор рядом, в случае чего всегда можно подбежать (Верблюжий глаз).

Признак «лицо с характером» реализуется в таких именных конструкциях, как *сострадательный характер*, *деловой характер*, а также глагольным сочетанием *подходить друг другу характерами: «И характером* не тот: вспыльчивый, крутой. Похож на дерево, искалеченное бурей» (Лицом к лицу); «*добрый, услужливый, усердный* Момун» (Белый пароход); «*уверенный в себе, всегда ровный*

характером Эмрайин» (Пегий пес, бегущий краем моря).

Признак «общественное существо» объективируется словами, выражающими значение идеологических, общественных течений/воззрений: *коммунист, мусульманин, христиане, герман, фашист, либеральные баптисты, холостяк, террористы, антиглобалисты, тегнрианство, еретик, враги отчества, верующие, паломники, правдолюбец*; словами, описывающими тот или иной род занятий: *учитель, милиционер, стрелочник, дневальный, дежурный, табунщик, солдаты, председатель колхоза, молотобоец в кузнице, зав. фермой, районный прокурор, 1-й секретарь райкома, директор МТС, редактор районной газеты, чабан;* социальный статус *хаган*, *джатаки*, *бий*: «Вот о чём думал *хаган* в тот час в пути, и захватывающая мысль о надписях на камнях как способе достижения бессмертия уже не давала ему покоя» (Белое облако Чингисхана).

Признак «люди» воплощается в таких именных сочетаниях, как *родные люди, умные люди, другие люди;* предикатами действий и состояний: *люди как рой загудели, люди идут, ищут, думали, большие люди*: «*Большие люди*, с охраной, понятно, с жёнами» (Когда падают горы); «Не умею скрывать свои мысли, размечтаюсь вслух, словно мальчишка, а *люди* потом смеются надо мной» (Верблюжий глаз). Этот признак многогранен. Он включает в себя субпризнаки «эмоциональные люди»: «Кому было знать в тот день и час на пиру у реки, что, крадучись за спинами, прея в *злобе* и *ненависти* к счастью влюблённых, зарядилась иная судьба – эта самая подспудная смута» (Когда падают горы); «Ещё утром её *любимый* кайни Джумабай пришёл навеселе» (Лицом к лицу); «оценивающие люди»: «Однако и здесь нашлись *завистники-недоброжелатели*. Злобу и зависть их вызывало не только то, что жених – удачливый и прославленный охотник...» (Когда падают горы) и т. д.

Признак «личность (с особыми моральными свойствами)» реализуется словами разной частеречной принадлежности, обозначающими качества характера – беспечность: «Абакир стоял возле девушки и *беспечно* разговаривал с ней» (Верблюжий глаз); коварство: «Но разве есть предел *коварству человеческому*?» (Когда падают горы); корысть: «*Не без корысти*, оказывается, посадил он меня в кабину» (Верблюжий глаз); терпение и выносливость: «Обязанности прицепщика меня не так пугали, хотя они требуют *выносливости* и *терпения*» (Верблюжий глаз).

Понятийный признак «личность (с особыми интеллектуальными свойствами)» используется в описаниях умственных качеств персонажей Ч. Т. Айтматова: «Скоро он, *умный* и волевой джигит, видный собою и энергичный, непременно станет вождём породнившихся племён – бием всей округи» (Когда падают горы); умный и понимающий Султанмурат (Ранние журавли).

Признак «кто-то/некто/кто-нибудь/никто/всякий» обычно реализуется посредством соответствующих местоимений: «*Никто* не сошел на полустанке, никто не крикнул: “Какая это станция?”» (Лицом к лицу); Это *некто* Арсен Саманчин (Когда падают горы); «Сейде шла по улице, опасаясь, как бы не встретился *кто-нибудь*, не остановил бы её» (Лицом к лицу); «Но тут *кто-то* выхватил у меня из рук блокнот» (Верблюжий глаз).

Все вышеуказанные понятийные признаки сопровождаются категориальными признаками моральной оценки: «Когда нас отправляли, на собрании говорили, что мы, а значит, и я в том числе, “*славные* покорители целины, бесстрашные пионеры обновленных краёв”. Вот кто я был вначале. А теперь? Стыдно признаться: “академик”» (Верблюжий глаз).

Выводы. Макроконцепт *человек* реализуется в произведениях Ч. Т. Айтматова посредством понятийных субпризнаков «мальчик», «сын», «мать», «женщина», «отец», «мужчина», «бабушка», «жена», «девочка/девушка», «невеста», «свекровь», при этом явно заметна маскулинная гендерная доминанта. Автор чаще обращается к теме взросления человека, прослеживая его путь от статуса сына до статуса мужчины.

В результате проведённого анализа понятийных признаков макроконцепта *человек* в произведениях Ч. Т. Айтматова можно отметить, что для писателя была актуальна тема «один – люди». При этом размежевании происходит актуализация когнитивных признаков как индивида, так и его окружения, что характеризует разные стороны проявления индивидуальных и массовых качеств характера человека и людей. Отличительной особенностью Ч. Т. Айтматова стало то, что в его повестях и рассказах человек взрослеет, мужает благодаря не всегда доброжелательно настроенному окружению. В этом видится личный опыт автора, его наблюдения за жизнью, нравами и обычаями его современников.

Как показало исследование, Ч. Т. Айтматов воспринимает человека, в первую очередь, через мужские качества – мужественность, отцовство, как профессионала, постигающего азы своего мастерства. При этом писатель учитывает и моральные качества, и признаки внешности, которые занимают ведущие позиции в проведённом анализе.

Не все понятийные признаки, указанные в словарях современного русского языка, являются актуальными для Ч. Т. Айтматова. В своих произведениях писатель чаще обращается к моральным, социальным и профессиональным характеристам человека, его способности мыслить и переживать, работать и достигать вершин в своём мастерстве.

Список литературы

1. Виноградов В. В. История слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова; Российская академия наук; Институт русского языка РАН. М.: Толк, 1994. 1138 с.

2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2014. С. 179–180.

4. Пименова М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово: Кузбассвузиздат; Landau: Verlag Empirische Pдdagogik, 1999. Вып. 5. 262 с. (Сер. Этнориторика и этногерменевтика).

5. Пименова М. В. Семантика языковой ментальности и импликации // Филологические науки. 1999. № 4. С. 80–86.

6. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер. Филология / науч. ред. М. В. Пименова. Кемерово, 2002. Вып. 4. С. 100–105.

7. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. Вып. 3. 386 с. (Сер. Концептуальные исследования).

8. Пименова М. В. Символы культуры и способы концептуализации внутреннего мира человека (концептуальная метафора дома) // Концепт. Образ. Понятие. Символ: к 70-летию проф. В. В. Колесова / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: Графика, 2004. С. 35–60.

9. Пименова М. В. Концепт сердце: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. Вып. 9. 500 с. (Сер. Концептуальные исследования).

10. Пименова М. В. Метод описания концептуальных структур (на примере концепта НАДЕЖДА) // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. 2011. № 2. С. 85–94.

11. Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4. С. 126–132.

12. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуальных исследований // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 2, № 2. С. 127–131.

13. Пименова М. В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 5. С. 13–22.

14. Потебня А. А. Мысль и язык // Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 17–200.

15. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А. Кибрика. М.: Прогресс: Универс, 1993. 656 с.

Источники

16. Большой Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/323018 (дата обращения: 16.09.2018).

17. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: РУДН, 1997. 331 с.

18. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://www.efremova.info/word/chelovek.html#.W-5TljgzbIU (дата обращения: 16.09.2018).

19. Малый академический словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-87834.html (дата обращения: 16.09.2018).

20. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. 2007. 208 с.

21. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта: Наука, 2016. 180 с.

22. Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я [Электронный ресурс]. М.: ЮНВЕС, 2003. Режим доступа: http://www.evartist.narod.ru/text15/001.html (дата обращения: 16.09.2018).

23. Толковый словарь С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34967 (дата обращения: 16.09.2018).

24. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ: Гос. изд-во ин. и нац. слов., 1935–1940.

Статья поступила в редакцию 23.12.2018; принята к публикации 18.01.2019

Библиографическое описание статьи

Пименова М. В., Алаева С. А. Реализация понятийных признаков макроконцепта *человек* в произведениях Ч. Т. Айтматова // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 73–80. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-73-80.

Marina V. Pimenova[1],
Doctor of Philology, Professor,
Institute of Foreign Languages
(h. 13, line 12 V. I., Saint Petersburg, 199178, Russia),
e-mail: MVPimenova@yandex.ru
orcid: 0000-0001-5918-974X

Sagynbubu A. Alaeva[2],
Senior Lecturer,
Kyrgyz-Turkish University "Manas"
(Aitmatov campus, Jal microdistrict, Bishkek, 191123, Kyrgyzstan),
e-mail: ala-sagyn@yandex.ru

Implementation of the Macroconcept *Human Being* Cognitive Signs in Ch. T. Aitmatov`s Works

The article discusses the conceptual signs of the *human being* macroconcept. The conceptual signs of the *human being* macroconcept are determined on the basis of the modern Russian language explanatory dictionaries. Man in the perception of Ch. T. Aitmatov is described on the material of his famous works. According to the results of the study, the most frequent signs of the *human being* macroconcept are recognized as "boy", "son", "mother", "woman", "father", "man", "grandmother", "wife", "girl/girl", "bride", "mother in law". Based on the data obtained, 13 conceptual features were stated out: 1) "living being"; 2) "thinking creature"; 3) "talking creature"; 4) "creative creature"; 5) "working being"; 6) "face with character"; 7) "social being"; 8) "people"; 9) "personality (with special moral qualities)"; 10) "personality (with special intellectual properties)"; 11) "someone/someone/someone/nobody/everyone". The conceptual signs of the HUMAN BEING macroconcept in Russian linguistic culture were revealed, which showed, on the one hand, their variability in the texts of Ch. T. Aitmatov in the course of the research. On the other hand, it is the conceptual signs that constitute the dominant self-reflection of the author of the analyzed works. The studied works of the author show that the topic of a person is a key one for C. T. Aitmatov.

Keywords: cultural linguistics; language picture of the world, concept, motivating signs, macroconcept *human being*

References

1. Vinogradov, V. V. History of words. Russian Academy of Sciences. Department of Literature and Language: Scientific Council "Russian language: history and modern state". Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences. Shvedova, N. Yu., Ed. M: Tolk, 1994. (In Rus.)
2. Humboldt, V. von. Selected Works on Linguistics. M: Progress, 1984. (In Rus.)
3. Kornilov, O. A. Language pictures of the world as derivatives of national mentalities. M: 2014. (In Rus.)
4. Pimenova, M. V. Ethnohermeneutik of naive language picture of the man`s inner world: monograph. Kemerovo: Kuzbassvuzuzdat; Landau: Verlag Empirische Pedagogik, 1999. (A series of "Ethnortorics and Ethnogmeneutics." Vol. 5). (In Rus.)
5. Pimenova, M. V. The semantics of linguistic mentality and implication. Philological sciences, no. 4, pp. 80–86, 1999. (In Rus.)
6. Pimenova, M. V. Methodology of conceptual research. Bulletin of the Kemerovo State University. Series of Philology, vol. 4, no. 12, pp. 100–105, 2002. (In Rus.)
7. Pimenova, M. V. *Soul* and *spirit*: signs of conceptualization. Kemerovo: Graphics, 2004. (A series of "Conceptual Studies." Vol. 3). (In Rus.)
8. Pimenova, M. V. Symbols of culture and ways of conceptualizing the inner world of a person (conceptual metaphor of the house). In: Concept. Form. Notion Symbol: to the 70th anniversary of prof. V. V. Kolesov: collective monograph. Pimenova, M. V., ed. Kemerovo: Graphics, 2004: 35–60. (In Rus.)
9. Pimenova, M. V. Concept *heart*: image, concept, symbol: monograph. Kemerovo: KemSU, 2007. (Series "Conceptual Studies." Vol. 9). (In Rus.)

[1] M. V. Pimenova: main author a description of the material, a summary of the results, the design of the article, conclusions, design of the list of references.

[2] S. A. Alaeva: design of the article and tables, collection of material, synthesis of results.

10. Pimenova, M. V. Method of describing conceptual structures (using the example of the concept of HOPE). Uchenye zapiski Zabaykalsky State Humanitarian-Pedagogical University. N. G. Chernyshevsky, vol. 37, no. 2, pp. 85–94, 2011. (In Rus.)

11. Pimenova, M. V. Conceptual studies and national mentality. Humanitarian vector, vol. 28, no. 4, pp. 126–132, 2011. (In Rus.)

12. Pimenova, M. V. Types of concepts and stages of conceptual research. Bulletin of Kemerovo State University, vol. 54, no. 2, pp. 127–131. (In Rus.)

13. Pimenova, M. V. Conceptology at the present stage (methods of research of conceptual structures). Humanitarian vector, vol. 12, no. 5, pp. 13–22, 2017. (In Rus.)

14. Potebnya, A. A. Thought and language. Word and myth. M: Pravda, 1989: 17–200. (In Rus.)

15. Sapir, E. Selected Works on Linguistics and Cultural Studies: Trans. from English. Kibrik, A., ed. M: Publishing group «Progress», «Univers», 1993. (In Rus.)

Sources

16. Big Encyclopedic Dictionary. Web. 11.12.2018. https://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/323018. (In Rus.)

17. Vorobiev, V. V. Linguoculturology: Theory and Methods. M: RUDN, 1997. (In Rus.)

18. Efremova, T. F. New dictionary of the Russian language. Interpretive word-formation. Electronic version. Web. 11.12.2018. https://www.efremova.info/word/chelovek.html#.W-5TljgzbIU. (In Rus.)

19. Small academic dictionary of the Russian language. Web. 11.12.2018. https://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-87834.html. (In Rus.)

20. Maslova, V. A. Introduction to linguoculturology. M: Heritage, 1997. 2007. (In Rus.)

21. Maslova, V. A., Pimenova, M. V. Codes linguoculture. M: Flinta, Science, 2016. (In Rus.)

22. Semenov, A. V. Etymological dictionary of the Russian language. Russian language from A to Ya. M: Publishing house <UNVES>, 2003. Web. 11.12.2018. http://www.evartist.narod.ru/text15/001.html. (In Rus.)

23. The S. I. Ozhegov`s explanatory dictionary online. Web. 16.11.2018. https://www.slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34967. (In Rus.)

24. Dictionary of the Russian language; edited by D. N. Ushakov. M: State. In-t “Sov. Entsikl.”; OGIZ; State publishing house of foreign and nat. words., 1935–1940. (In Rus.)

Received: December 23, 2018; accepted for publication January 18, 2019

Reference to the article

Pimenova M. V., Alaeva S. A. Implementation of the Macroconcept *Human Being* Cognitive Signs in Ch. T. Aitmatov`s Works // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 73–80. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-73-80.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 811.512.154
DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-81-85

Айназик Болотбековна Акматова,
аспирант,
Кыргызский экономический университет
им. М. Рыскулбекова
(720033, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Тоголока Молдо, 58),
e-mail: nazik131090@gmail.com

Зооморфные сравнения в произведениях Т. Касымбекова «Сынган кылыч» («Сломанный меч»)

В данной статье проводится лингвистический анализ зооморфных сравнений киргизского языка на примере романа Т. Касымбекова «Сынган кылыч» («Сломанный меч»). Зооморфные сравнения являются результатом уподобления человека, предметов, явлений природы животным. Сравнение строится по схеме с использованием четырёх элементов: 1) похожие вещи; 2) подобные вещи; 3) похожие знаки; 4) дополнительные средства для подобия (аффиксы: *-дай, -ча,* дополнительные слова *сыяктуу, сыўары, окшош, түстүү, бетер, куду, өўдүү*). Эти четыре элемента являются фундаментом сравнения. Образное сравнение обусловливает совпадение конкретного объекта речи с абстрактным понятием. В статье рассматриваются примеры в следующих значениях: *канаты сынып бийиктен түшкөн бүркүт сыяктуу* – абдан алсыз (очень бессильный); *кара жырткыч куш сымал* – абдан ачууланып (очень сердитый); *ыркырап турган илбирс өўдөнүп* – абдан каарданып (очень злой); *туурдагы куштан бетер* – куштун отурганына окшош (похож на птицу, которая сидит); *катырган балыктай* – абдан арыктап кеткен (очень исхудалая). Из этих примеров видно, что сравнения создаются в соответствии с личным опытом, а также в соответствии с общими знаниями языкового сообщества. На первый план описания выходит устойчивость зооморфных значений, то есть зооморфные сравнения следует выделять в отдельные подвиды: фразеологизмы и авторские сравнения. Основной критерий отличия авторского сравнения от фразеологических сравнений обусловливается широким использованием последних в речи разных людей. Окказиональное (или авторское) сравнение не имеет устойчивого строения и сопровождается коннотативным значением. Объекты речи создают их сообразно собственному опыту. Эти понятия связаны с национально-художественными ценностями, принятыми в обществе, а также соответствуют сформировавшейся системе стереотипов.

***Ключевые слова*:** зооморфизм, образность, художественный, эмоция, авторские сравнения, коннотативное значение

Введение. Люди при назывании и характеристике окружающей действительности мира стараются объяснить с помощью сравнения с другими вещами его качества. Сравнения бывают логическими и образными. Логическое сравнение осуществляется с помощью логического уподобления объектов одной семантической группы. Например: Ал *дасыккан мугалимдей* иштейт (Он работает как опытный учитель). Ал *көптү көргөндөй* сүйлөйт (Он разговаривает, как будто много видел). Актуальность обращения к роману «Сынган кылыч» заключается в том, что анализ зоонимов-сравнений на материале этого авторского текста еще не производился. Фразеологизмы с зоонимами впервые описываются с позиций комплексного исследования их использования в романе «Сынган кылыч», в чём и состоит научная новизна работы.

Методология и методы исследования. В статье используются описательный и сравнительно-сопоставительный методы исследования. Методологическую базу составили работы русских и киргизских авторов [1; 3–7; 11–20].

При художественном сравнении используются имена разных семантических групп, содержащие эмоциональную (экспрессивную) окраску. В данной статье основанием для сравнения служит образ животного или птицы (зооним).

Зооморфные (образные) сравнения есть уподобление объекта речи с понятием, сопровождающимся эмоциональной оценкой, связанным со стереотипом какого-нибудь животного: 1. *Абил да көзүн ала качпады, жыландай мелтейип, ууртун бек кымтып, иреўи ансайын кумсарып кетти (как змея).* 2. *Уурулугу кармалган мышыктай бүрушүп, алдыма кайра отуруп калды (как кошка).* 3. *Отура-отура жүрөгү сыртта калган балыктай алдастайт (как рыба)*[1].

И. В. Арнольд указывает на 4 элемента образного сравнения: 1) определяющий; 2) определяемый; 3) основа сравнения; 4) от-

[1] Касымбеков Т. Сынган кылыч. – Бишкек: Киргизстан, 1998. – С. 291.

© Акматова А. Б., 2019

ношение между первым и вторым понятиями [2, с. 18]. Например: тот человек (2), хитрый (3), подобный (4), лиса (1).

С. М. Мезенин в составе образного сравнения выделяет три компонента: 1) агент, слово или словосочетание, притягивающее другой элемент или явление; 2) референт, слово или словосочетание, определяющее предмет или явление, объясняющее, описывающее с помощью агента; 3) сравнительный модуль, слово или словосочетание, определяющее свойство на основе референта и агента [9, с. 54].

Сравнение строится с участием четырёх элементов: 1) похожие вещи; 2) подобные вещи; 3) похожие знаки; 4) дополнительные средства для подобия (аффиксы *-дай, -ча,* дополнительные слова *сыяктуу, сыўары, окшош, түстүү, бетер, куду, өўдүү*). Эти четыре элемента являются основными материалами при сравнении. Иногда в качестве стилистических средств используется выпадение аффиксов. Теперь всё это покажем на примерах с использованием зоонимных названий:

1) ***сыяктуу:*** 1. *Жер таянып, ал акыркы жолу башын көтөрдү,* ***канаты сынып бийиктен түшкөн бүркүт сыяктуу*** *алысты, жарыктыкты армандуу тиктеди*[1] (как беркут, падающий с высоты, сломавший крылья);

2) сымал: *Куду канат каккан тажагал* ***кара жырткыч куш сымал*** *майданга түшкөн кишини көрүп, ачылган эрини жабылбай нестейе калды Каныш*[2] (как чёрная хищная птица);

3) өўдөнүп: *Туткун эшиктен киргенде, ал былк этпей, кирпигин да ирмебей, тырмагын бекитип отурган эркек кара* ***мышык өўдөнүп****, ичтен тымпыйып тиктеди*[3] (как кошка);

4) ***окшош***: *Исхак өлүм менен эрегишкендей, көўүлү ачык, капаска түшкөн* ***бүркүткө окшош****, ормоўдоп эки жакта каранат*[4] (похож на беркута);

5) ***бетер***: ***Туурдагы куштан бетер*** *чукчуюп, эрдин бек кымтыган бойдон дит коюп, ээгин саал көтөрө ормоюп тиктеп отурду*[5] (как птица на насесте);

6) ***куду***: *Тиги сөөлөттүү адамдын жүзүндөгү ырайым бир паста жок болуп,* ***куду ыркырап турган илбирс өўдөнүп****, кичинекей сары көзү ойноп, Данилге кадалды*[6] (как барс, который рычит);

7) ***кудум***: *Таш балбан качыра кармап, белбактан алып так көтөрүп,* ***кудум буурача*** *бакырган бойдон бир нече жолу тегеретип, уруп жиберди*[7] (точно верблюд);

8) ***сыўары***: ***Тоок сыўары*** *чогурашып турган элдин арасынан саамайы куудай кемпир чыкты*[8] (как курица);

9) ***-дай*** мүчөсү аркылуу уюшулат: 1. *Баатыр бир өўчөй карт* ***бугулардай*** *кары кишилердин ортосунда турган экен (как олени). 2. Кайран буудайды жарып-жарып эле баса бериптир деп, энеў мени* ***жыландай*** *чагат (как змея). 3. Бир күндүн ичинде арыктап,* ***катырган балыктай*** *мисирейип кетти*[9] (как сушёная рыба);

10) ***-ча*** мүчөсү аркылуу уюшулат: *А багылан палбан кудум* ***букача*** *дүпүрөтө сүрүп, майыштырып, бир убакта тегеретип-тегертип, ыргытып таштады. Алмамбет сөзгө аралаша албай калдайып, алар көк шиберге отура беришкенде, унчукпай келип,* ***төөчө*** *колжоюп тизе бүктү*[10] (как бык, как верблюд).

Образное сравнение обусловлено совпадением признаков конкретного объекта речи с абстрактным понятием. Если посмотреть вышеприведённые примеры, то видно, что они показывают следующие значения: ***канаты сынып бийиктен түшкөн бүркүт сыяктуу*** – абдан алсыз (очень бессильный); ***кара жырткыч куш сымал*** – абдан ачууланып (очень сердитый); ***ыркырап турган илбирс өўдөнүп –*** абдан каарданып (очень злой); ***туурдагы куштан бетер –*** куштун отурганына окшош (похож на птицу, которая сидит); ***катырган балыктай*** – абдан арыктап кеткен (очень исхудалая).

Как показывают эти примеры, сравнения в речи возникают из личных наблюдений за природой или с использованием устойчивых сравнений, существующих в языке, закреплённых в виде фразеологизмов. Фразеологизмы отображают, с одной стороны, систему национально-художественных ценностей, принятых в обществе, с другой стороны – систему стереотипов, выражающих устойчивый взгляд на мир и объекты этого мира. На первый план выдвигается признак устойчивости зооморфных значений, то есть зооморфное сравнение встречается в форме фразеоло-

[1] Касымбеков Т. Сынган кылыч. – Бишкек: Киргизстан, 1998. – С. 137.
[2] Там же. – С. 156.
[3] Там же. – С. 213.
[4] Там же. – С. 176.
[5] Там же. – С. 189.
[6] Касымбеков Т. Сынган кылыч. – Бишкек: Киргизстан, 1998. – С. 223.
[7] Там же. – С. 345.
[8] Там же. – С. 367.
[9] Там же. – С. 278.
[10] Там же. – С. 643.

гизма и в виде авторского сравнения (неологизма).

Основной критерий отличия авторского сравнения от фразеологических сравнений – широкое использование последнего в речи разных людей. Окказиональное (или авторское) сравнение не имеет устойчивого строения и коннотативного значения [13, с. 159–161].

Если рассматривать роман Тологон Касымбекова «Сынган кылыч» («Сломанный меч»), то сравнение *катырган балыктай* (абдан арыктаган) (очень худой) является примером авторского сравнения.

Второй тип образного сравнения, который мы рассматриваем, – это фразеологизм, упомянутый в «Киргизском фразеологическом словаре», используемый в речи в устойчивой форме. Например: *Баркыраган дабышы **Тай чабым** жерден угулду*[1]. *Туубасам да тутундум балам, эмчек сүтүм бербесем да, **элик сүтүн** берермин*[2]. Устойчивые словосочетания из этого примера *тай чабым, элик сүтүн бергү* вошли во фразеологический словарь и активно используются в речи[3].

Вместе с тем, сравнение бывает с положительной или отрицательной окраской. Сравнение сближает две вещи по определённому признаку. При этом говорящий вкладывает в смысл сравнения своё отношение к сравниваемому объекту. Рассмотрим зооморфное сравнение с отрицательной оценкой. Например: *Ким чыгарса да мээси **тооктун мээсинче** экен*[4] (мозг, как у курицы).

В некоторых случаях сравнение с зоонимами конкретизируется, объясняется другими словами. Например: *1. Полковник каздан мурда **пил сыяктанган** балбандын өзүнө таўыркап тиктей берди (подобно слону). 2. Султанмурат өзүнөн өзү кичиренип, «**маймыл көргөнсүп** тиктешет да?» деп дили ыза болду (как будто увидели обезьяну)*[5]. Слова *пил сыяктанган*, *маймыл көргөнсүп* содержат оценку в образном сравнении объекта речи, расцвечивая разными красками описываемые явления. Эмоциональное состояние человека сравнивается с поведением обезьяны, внешний вид уподобляется впечатляющему объёму слона.

Сравнения, в которых повторяются начальные буквы, называют *аллитерационными сравнениями* [3, с. 147]: *коёндой коркок (пугливый как заяц), карышкырдай каардуу (злой как волк), ботодой боздоо (реветь как верблюжонок), козулуу кой (как овца с ягнёнком)*, *арстандай арылдайт (рычать как лев).* Например: *Кудайберген бала **жылан-дай жылып**, эшикке козголду* (ползать, как змей[6]. *Бала **каздай каркылдап**, Ак сакалы жаркылдап* (гоготать, как гусь)[7].

Выводы. Таким образом, в киргизском языке сравнения в основном представлены зоонимной лексикой. Доказательством послужили зоонимные сравнения в романе «Сынган кылыч» («Сломанный меч»). При описании образа человека автором используются признаки характера, движения, вида животных, что обусловливает красочность образов, определяющих художественную канву романа. Писатель Т. Касымбеков избирает два вида сравнений – авторские и устойчивые, общеупотребительные. В романе «Сынган кылыч» («Сломанный меч») был выявлен весь спектр зоонимных сравнений. Основную часть в романе составляют зоонимные образные сравнения – фразеологизмы.

Список литературы

1. Акимушкин И. Мир животных. М.: Молодая гвардия, 1981. 48 с.

2. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка. Л.: Просвещение, 1975. С. 11–20.

3. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 147–173.

4. Гак В. Г. Теория языковых преобразований. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.

5. Гачев Г. Д. О национальных картинах мира. М.: Наука, 1967. 234 с.

6. Дербишева З. К. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры. М.: Флинта, 2015. 116 с.

7. Лапшина В. В. Метафора как средство конструирования имиджа политика (на материале австрийских печатных СМИ): дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. М.: МГЛУ, 2006. 150 с.

[1] МАНАС: Киргизский героический эпос. По вариантам Сагымбая Орозбак уулу и Саякбая Каралаева / сост. З. Бектенов, К. Нанаев. – Бишкек, 1999. – С. 235.

[2] Касымбеков Т. Сынган кылыч. – Бишкек: Киргизстан, 1998. – С. 228.

[3] Осмонова Ж., Конкобаев К., Жапаров Ш. Киргиз тилинин фразеологиялык сөздүгү. – Бишкек, 2001. – С. 87.

[4] Токсонбаев. А. Акматбек акталмайынча, эч тарабайбыз // Агым. – 2013. – 11 дек.

[5] Касымбеков Т. Сынган кылыч. – Бишкек: Киргизстан, 1998. – С. 259.

[6] Өскөналы Э. Кудай сүйгөн Куйручук // Добулбас. – 2011. – 28 июня.

[7] МАНАС: Киргизский героический эпос. По вариантам Сагымбая Орозбак уулу и Саякбая Каралаева / сост. З. Бектенов, К. Нанаев. – Бишкек, 1999. – С. 345.

8. МАНАС: Киргизский героический эпос. По вариантам Сагымбая Орозбак уулу и Саякбая Каралаева / сост. З. Бектенов, К. Нанаев. Бишкек: Учкун, 1999. 432 с.
9. Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 48–58.
10. Молдобаев И. Б. Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры киргизского народа. Фрунзе: АН КиргССР: Ин-т истории; Илим, 1989. 148 с.
11. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М.: Наука: АН СССР: Ин-т языкознания, 1975. 358 с.
12. Пименова М. В. Архаичная символика и языковая картина мира (зооморфизм души и сердца) // Региональная национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности: материалы междунар. Конф. (г. Кемерово, 23–27 нояб. 2003 г.). Кемерово, 2003. С. 258–264.
13. Рыжкина О. А. Системное исследование зооморфизмов в русском языке (в сопоставлении с англ.): дис. … канд. филол. наук: 10.02.02. Новосибирск, 1979. 186 с.
14. Телия В. Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация. М.: Наука, 1977. С. 129–221.
15. Ходжамбердиев Т. Животноводческая лексика узбекского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.02. Ташкент, 1975. 24 с.
16. Амангелдіқызы А. А. І. Есенберлиннің “Көшпенділер” романындағы жылқы атауларының этнолингвистикалық мәні: фил. ғыл. канд. дис. автореф.: 10.02.02. Алматы, 2008. 30 б.
17. Сыдыков С. Алтай тилдериндеги номадалык лексика // Киргиз тилинин тарыхый лексикасынын очерктери. Бишкек, 1991. Б.5.
18. Тлепин Б. Қ. Мал шаруашылығына қатысты лексиканың этнолингвистикалық табиғаты /қой-ешкі атаулары негізінде: фил. ғыл. канд. дис. автореф.: 10.02.02. Алматы, 1997. 21 б.
19. Тоқтабай А., Сейтқұлова Ж. Төрт түліктің қасиеті. Алматы, 2005.192 б.
20. Усеев Н. Сөз сырлары: тарыхый лексикологияга кириш. Бишкек, 2010. 126 б.

Статья поступила в редакцию 25.12.2018; принята к публикации 18.01.2019

Библиографическое описание статьи

Акматова А. Б. Зооморфные сравнения в произведениях Т. Касымбекова «Сынган кылыч» («Сломанный меч») // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 81–85. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-81-85.

Ainazi B. Akmatova,
Postgraduate Student,
Kyrgyz University of Economics
they M. Ryskulbekov
(58 Togoloka Moldo st., Bishkek, 720033, Kyrgyzstan),
e-mail: nazik131090@gmail.com

Zoomorphic Comparisons in the Works by T. Kasymbekov “Syngan Kilich” (“Broken Sword”)

This article provides a linguistic analysis of zoomorphic comparisons of the Kyrgyz language on the example of the novel by T. Kasymbekov “Syngan kylych” (“Broken Sword”). Zoomorphic comparisons are the result of assimilation of man, objects, phenomena of nature with animals. The comparison is constructed according to the scheme using four elements: 1) similar things; 2) alike things; 3) similar marks; 4) additional means for similarity (affixes: *-дай, -ча,* additional words *сыяктуу, сыўары, окшош, түстүү, бетер, куду, өўдүү*). These four elements are the foundation of comparison. Figurative comparison determines the coincidence of a specific speech object with an abstract concept. The article discusses examples in the following values: *канаты сынып бийиктен түшкөн бүркүт сыяктуу* – абдан алсыз powerless (very impotent); *кара жырткыч куш сымал* – абдан ачууланып (very angry); *ыркырап турган илбирс өўдөнүп* – абдан каарданып (very livid); *туурдагы куштан бетер* – куштун отурганына окшош (looks like a bird that sits); *катырган балыктай* – абдан арыктап кеткен (very thin). From these examples it is clear that comparisons are created according to personal experience, as well as in accordance with the general knowledge of the language community. The stability of zoomorphic values comes to the forefront of the description, that is, zoomorphic comparisons should be distinguished into separate subspecies: idioms and author comparisons. The main criterion for distinguishing the author’s comparison from phraseological comparisons is due to the wide use of the latter in the speech of different people. The occasional (or author’s) comparison does not have a stable structure and is accompanied by a connotative meaning. Objects of speech create them according to their own experience. These concepts are associated with national artistic values adopted in society, as well as correspond to the established system of stereotypes.

***Keywords*:** zoomorphism, imagery, artistic, autor’s comparisons, connotative meaning

References

1. Akimushkin, I. The World of Animals. M: Young Guard, 1981. (In Rus.)
2. Arnold, I. V. Interpretation of the literary text: Types of nomination and the problem of expressiveness. Expressive means of English. L: Enlightenment, 1975: 11–20. (In Rus.)
3. Arutyunova, N. D. Language metaphor (syntax and vocabulary). Linguistics and poetics. M: Science, 1979: 147–173. (In Rus.)
4. Gak, V. G. Theory of language transformations. M: Languages of Russian culture, 1998. (In Rus.)
5. Gachev, G. D. About national pictures of the world. M: Science, 1967. (In Rus.)
6. Derbisheva, Z. K. Key concepts of Kyrgyz linguistic culture. Flinta, 2015. (In Rus.).
7. Lapshina, V. V. Metaphor as a means of constructing the image of a politician (on the material of the Austrian print media). Cand. filol. sci. diss. M: MGLU, 2006. (In Rus.)
8. MANAS: Kyrgyz heroic epic. According to options Sagymbaya Orozbak uulu and Sayakbay Karalaev. Bektenov, Z., Nanaev, K., comp. Bishkek, 1999. (In Kyr.)
9. Mezenin, S. M. Imagery as a linguistic category. Questions of linguistics, no. 6, pp. 48–58, 1983. (In Rus.).
10. Moldobaev I. B. The epos «Manas» as a source of studying the spiritual culture of the Kyrgyz people. Frunze, 1989. p. 42. (in Rus.).
11. Musaev, K. M. Turkic vocabulary in comparative coverage. AN SSSR. In-t yazykoznaniya. M: Nauka, 1975. (In Rus.)
12. Pimenova, M. V. Archaic symbolism and linguistic picture of the world (zoomorphism of the soul and heart). Regional national policy: historical experience and criteria for evaluating effectiveness. Materials of an International conference (Kemerovo, November 23–27, 2003). Kemerovo, 2003: 258–264. (In Rus.)
13. Ryzhkina, O. A. Systemic study of zoomorphisms in the Russian language (in comparison with English). Cand. filol. sci. diss. Novosibirsk, 1979. (In Rus.)
14. Telia, V. N. Secondary nomination and its types. Language nomination. M: Nauka, 1977: 129–221. (In Rus.)
15. Khojamberdiyev, T. Livestock vocabulary of the Uzbek language: author. Cand. filol. sci. diss. Tashkent, 1975. (In Uz.)
16. Amangeldizyzy, A. Ai. «Nomads» esenberlinn novels zhylyy ataularyny ethnolinguistics mun. Cand. filol. sci. diss. abstr. Almaty, 2008. (In Kaz.)
17. Sydykov, S. Vocabulary that nomad languages. Historian of the language in which the Kyrgyz lexical essay. B., 1991. B. 5. (In Kyr.)
18. Tlepin ,B. Қ. Ethnolinguistic nature of vocabulary related to farming (based on the names of sheep and goat). Cand. filol. sci. diss. abstr. Almaty, 1997. (In Kyr.)
19. Тоқtabay A., Seitқұlova J. Properties of the four types. Almaty, 2005. (In Kyr.)
20. Useev, N. The secrets of the word:the historical lexicologica are. B., 2010. (In. Kyr.)

Received: December 25, 2018; accepted for publication January 18, 2019

Reference to the article

Akmatova A. B. Zoomorphic Comparisons in the Works by T. Kasymbekov “Syngan Kilich” (“Broken Sword”) // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No.1. PP. 81–85. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-81-85.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 89
DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-86-92

Татьяна Максаровна Дугаржапова,
доктор филологических наук,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а),
e-mail: tatiyanamaksarovna@yandex.ru

Роль стихотворных фигур в художественном тексте Э.-Х. Галшиева «Бэлигэй толи» («Зерцало мудрости»)[1]

По разнообразию аспектов использования различных композиционных элементов и частоте употребления стихотворные (синтаксические) фигуры являются важным средством усиления выразительности образно-художественной речи в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева. Цель работы – осуществление анализа разнообразных аспектов использования различных композиционных элементов, некоторых стихотворных (синтаксических) фигур в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева. Актуальность и новизна темы данной статьи обусловлена малой изученностью проблем дидактической литературы монгольских народов, в частности, недостаточно раскрыты литературно-художественные особенности текста памятника дореволюционной бурятской литературы Э.-Х. Галшиева. Работа основывается на принципах художественно-эстетического, описательно-аналитического методов исследования, а также семантико-стилистического анализа художественного текста и поэтики в целом. Впервые представлен анализ стихотворных (синтаксических) фигур: фонетической анафоры (аллитерация, синтаксическая анафора), параллелизма, эпифоры, что придаёт особое благозвучие образно-художественной речи в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева. В речениях наиболее часто встречается аллитерация (толгой холболго) звуковой повтор, органично вытекающий из самого строя бурятского языка. Важным композиционным элементом в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева является *смысловой и синтаксический параллелизм.* Назидательные речения Э.-Х. Галшиева полностью построены на параллелизме двух рядом стоящих предложений, имеющих между собой смысловую связь и включающих в себя лексическую параллель. Разновидностями стихотворной эпифоры в речениях выступают редиф и рефрен. В сочинении Э.-Х. Галшиева такой композиционный приём используется в конце каждой строфы изречения для усиления ритмики стиха.

Ключевые слова: дидактическая литература, образная речь, стихотворные фигуры, аллитерация, параллелизм, эпифора, прозаический текст Э.-Х. Галшиева «Бэлигэй толи»

Введение. Важным средством усиления выразительности образно-художественной речи служат синтаксические фигуры. Р. Якобсон отмечает, что «так называемая безобразная поэзия», или «поэзия мысли», широко применяет грамматическую фигуру взамен подавляемых тропов [11]. Если тропы – формы поэтического мышления, благодаря которым мысль обогащается новым образным содержанием, то фигуры – формы речи, усиливающие её воздействие, благодаря определённым синтаксическим построениям, но не привносящие такого нового содержания [17, с. 249–281]. В какой-то мере, синтаксические фигуры можно уподобить музыкальным фразам, придающим речи особое благозвучие, тем самым облегчая её восприятие, поэтому их можно даже назвать музыкой словесной речи (звукописью). В тексте памятника «Бэлигэй толи» («Зерцало мудрости») Э.-Х. Галшиева наиболее часто встречается аллитерация, которая является древнейшим национальным метрическим средством поэзии монгольских народностей. Аллитерация (толгой холболго) – звуковой повтор, органично вытекающий из самого строя бурятского языка тесно связанный с его внутренней природой, исходным свойством которой является отсутствие в бурятских словах чёткого акцентированного (силового или динамического) ударения [7, с. 92–94].

Одним из самых важных композиционных элементов назидательных речений Э.-Х. Галшиева является *смысловой и синтаксический параллелизм.* Большое значение параллелизм имеет в бурятской поэзии, являясь не только поэтическим приемом, но и метрическим средством.

Под параллелизмом вообще понимается соединение как минимум двух предложений или их частей путём соответствия синтаксической структуры и смысла [Там же, с. 67].

[1] Статья выполнена при поддержке гранта на проведение инициативных научных исследований Бурятского государственного университета 2018 г. «Памятник дореволюционной бурятской литературы “Бэлигэй толи” (“Зерцало мудрости”) Э.-Х. Галшиева» № 18-06-0502.

© Дугаржапова Т. М., 2019

Потому в бурятской поэзии определённое место занимают повторы предложения, иными словами, синтаксический параллелизм. Разновидностями стихотворной эпифоры в речениях выступают редиф и рефрен. Редиф представляет собой повтор слова или словосочетания после рифмы, характерен прежде всего для классической арабской, персидской и тюркоязычной поэзии [18, с. 138–140].

Методология и методы исследования. Поставленные в работе задачи предопределили использование историко-литературного, художественно-эстетического, описательно-аналитического методов исследования, а также семантико-стилистического анализа художественного текста и поэтики в целом.

Историко-литературный комментарий даёт ценнейший материал для истолкования художественного текста, поскольку нужно знать эпоху, биографию писателя, закономерности историко-литературного процесса и т. д. Художественно-эстетический принцип использован для развития художественного восприятия текста, то есть для передачи другим своих эстетических эмоций. Назидательные речения возникли на основании определённого чувства, или размышления, испытываемого автором. Это чувство – мысль Э.-Х. Галшиева, который жил в определённую историческую эпоху, именно поэтому его «субхашиты» имеют свою неповторимую творческую историю. Изучение его текста позволяет понять произведение в его неповторимости, обусловленной историей, личностью автора. Описательно-аналитический метод использован для изучения и анализа научно-методической литературы по данной проблеме исследования. Семантико-стилистический метод анализа данного текста памятника нацелен на определение стилистической окраски компонентов текста, языковых и речевых элементов с точки зрения их смысловой роли.

Результаты исследования и их обсуждение. Для того чтобы иметьпредставления о разнообразии аспектов использования различных композиционных элементов, проанализируем некоторые стихотворные (синтаксические) фигуры, являющимися важным средством усиления выразительности образно-художественной речи в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева. *Аллитерация* является древнейшим национальным метрическим средством поэзии монгольских народностей.

Уместно отметить, что в работах известных стиховедов-монголоведов по достоинству уделено большое внимание исследованиям Г. К. Габеленца, А. М. Позднеева, Б. Лауфера, Б. Я. Владимирцова, Г. И. Рамстедта, А. Д. Руднева и др. [2; 4; 5; 7–10]. Именно в трудах этих учёных-монголистов впервые в системе ритмообразования поэзии монгольских народов отмечена роль таких метрических средств, как *параллелизм и аллитерация.*

О древности аллитерации можно судить по данным таких исторических памятников, как «Сокровенное сказание монголов» (1240), «Алтан Тобчи» (1604), «История Саган Сэцэна» (1662), а также на основании того, что аллитерация органически внедрена во все виды устного народного творчества монголов с древнейших времён [10, с. 47]. В бурятской поэзии обычно выделяют следующие виды аллитерации: 1) строфическую или сплошную – (а а а а); 2) парную или смежную (а а б б); 3) перекрестную (а б а б); 4) вольную; 5) внутреннюю [8, с. 67]. Аллитерация в речениях нерегулярна, часто встречаются только повторы двух строк в начале стиха (э – э): *Эдээ* гэртээ хадагалангүй / *Эдэй* гэртэ хадагала. / Хэрбээ эд гэмтэйшье hаа, / Өөрын аминда хорлол бага байха [14, с. 7]. (Богатство не держите в доме, / а прячьте в хранилищах имущества. / Даже если будет нанесён ущерб богатству, / жизнь твоя от этого мало пострадает). Чаще в речениях встречаются повторы двух строк в середине стиха:

Айхабтар үнэ ехэтэй
Эд бү эдлэ.
Эд барагдабашье бии болоно,
Буян барагдаха гээшэ тэрээнтэй адли бэшэ [Там же, с. 13].

(Не употребляй / сильно дорогостоящие вещи. / Хотя кончится богатство – возможно восстановление, / а конец добродетели – несравнимо с предыдущим).

Реже встречаются повторы строк в начале и в самом конце четверостишия: Өөрын изагуурай шэмэг хубсаhа орхижо, / Буса уладай шэмэг хубсаhа бү дууряа. / Эрэшье бэшэ, эмэшье бэшэ, эрсэ мэтэ, / Өөр, бусад – хоюуланиинь бэшэ бэсэрэг болохо [Там же, с. 15][1]. (Отбросив родную красивую одежду, / не подражай нарядам других народов. / Иначе ты станешь безликим, не принадлежащим ни к своим, ни к другим, / и будешь, как гермафродит, не относиться ни к мужчинам, ни к женщинам). Такое неполное употребление звуковых повторов (то есть только в двух строках четверостиший) объясняется, возможно, осо-

[1] Здесь и далее приведены четверостишия из книги Э.-Х. Галшиева «Зерцало мудрости, разъясняющее, принимаемое и отвергаемое по двум законам». – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1993. – 252 с.

бым строем языка назидательных речений, в отличие от современного лирического стиха.

Следует отметить, что из всех синтаксических фигур наиболее часто встречается приём повтора, или реприза. Существуют разные классификации повторов. Э. Ризель указывает три его вида: дословный повтор, повтор с изменением форм, повтор синонимичных форм [15, с. 12]. В свою очередь эти виды повтора подразделяются на несколько подвидов.

Однако Б. В. Томашевский считал излишней подобную классификацию. Он и анафору рассматривал как разновидность параллелизма [16, с. 282].

Полный повтор – это повторение одного и того же слова или фразы подряд в разных местах одного предложения или в нескольких соседних предложениях [3, с. 128]. Такие повторы в речениях встречаются редко: Тоhолиг *эдеэ эдеэ* hаа / Эдеэнэй ташуур дабhатай уhа гү, али шинта гэжэ сай уу. / Урдахи *эдеэн* түргэн шэнгэхэ болоод, / Хойшонхи *эдеэндэ* дуршал хаагдахагүй [14, с. 21]. (Если скушал жирную пищу, то для содействия пищеварению / выпей слегка подсоленную воду или чай по названию чинта. / Предыдущая пища усвоится быстрее, / а к последующей аппетит не прервется. Тут повтор слов: «эдеэ эдеэ».

Особую выразительность назидательным речениям придаёт приём повторения вопросительной частицы *аал*. Например: Энэ хадаа оюунай эшэ зарлиг гээд, / Ухаан түгэлдэр хэн нэгэн гал руу харайха *аал?* [Там же, с. 57]. (Исполненный разума разве бросится в огонь, / считая, что мысль возникла в сознании?). Или: Хазаар жолоогүй дошхон мориие / Ухаан түгэлдэр хэн нэгэн унахаа хүсэхэ *аал?* [Там же, с. 58]. (Обладающий разумом разве пожелает сесть / на дикого коня без узды и поводьев?). Данная конструкция из риторических вопросов с повтором на конце частицы *-аал* приобретает оттенок философского характера: «…харайха аал?, …хүсэхэ аал?, …орхихо аал?, …айхагүй аал?...».

Одним из самых важных композиционных элементов назидательных речений Э.-Х. Галшиева является *смысловой и синтаксический параллелизм.* Большое значение параллелизм имеет в бурятской поэзии, являясь не только поэтическим приёмом, но и метрическим средством. Под параллелизмом вообще понимается соединение как минимум двух предложений или частей их путём соответствия синтаксической структуры и смысла [7, с. 67]. Потому в бурятской поэзии определённое место занимают повторы предложения, иными словами, синтаксический параллелизм. Приведём пример параллелизма в народных песнях:

Сэлэнгынгээ оеорhоо
Сэгээн шулуу бэдэрье,
Сэсэн сээжын оеорhоо
Сэгээн зугаа бэдэрье [12, с. 16].

(Беловатый (букв. прозрачный) камень поищем на дне реки Селенги, / светлое веселье поищем на дне (букв. в глубине) мудрой души). По принципу параллелизма построены целые части или главы бурятских улигеров

Урданай сагай уринда
Уран сагай түрүүндэ,
Саг жэлэй сарюунда,
Сахилза үбhэнэй хүхэдэ [13, с. 3].

(В древние приветливые времена / В давние светлые времена, / В светлые временные годы, / Когда синели травы…).

Также по образцу улигерного стихосложения в современной бурятской поэзии даны конструкции синтаксических параллелизмов, где части параллелизма соответствуют друг другу по смыслу [3, с. 135].

Приведём пример из стихотворения Д. Улзытуева:

Дулаахан хабарнай
Дуулаhаар ерээл даа.
Дуулимхан дайдамнай
Дуунhаань hэреэл даа [19, с. 179].

(Весна, теплым-тепла, / Напевая, пришла. / Тихая наша земля / От песни её проснулась).

От песен «тёплой» весны пробудилась «тихая степь». Параллелизм первых строк придаёт всему стиху определённый эмоциональный настрой, являясь как бы запевом в стихе песни.

Следует отметить, что особое значение параллелизм имел и в «Субхашите» Сакья-пандиты. Исследователь данного памятника тибетской литературы XVIII века. Д. Болсохоева считает, что «…четверостишия “Субхашиты” представляют собой изречения, построенные по принципу грамматического и логического параллелизма, на сопоставлении и противопоставлении двух образов, один из них образ из человеческой жизни, а рядом с ним – из внешнего мира, обычно из мира природы (образы растительного и животного мира» [1, с. 17].

Назидательные речения Э.-Х. Галшиева полностью построены на параллелизме двух рядом стоящих предложений, имеющих между собой смысловую связь и включающих в себя лексическую параллель. Исследователь бурятской литературы Ц.-А. Дугар-Нимаев

пишет, что «…если сравнить сочинение Галшиева с сочинением Гунгажалцана (“пандита сакъяский”), то мы обнаруживаем черты сходства. Оба они написаны четверостишиями, в первом двустишии высказывается основная мысль строфы, а во втором – поэтически оформленное её подтверждение» [по: 14, с. 179].

На наш взгляд, действительно, в первом двустишии четверостишия Галшиева выражена основная мысль строфы, а во втором – её пояснение. Это высказывание постараемся доказать на конкретном материале соответствующих глав данного сочинения. Так, например, первая глава произведения начинается следующими стихами: Зунай сагай булжамуур мэтэ / Эртэ бодогты. / Хүнэй энэ наһанай ута / Үбэлэй үдэр мэтэ [Там же, с. 6]. (Вставайте рано, / Как жаворонок в летнюю пору. / Данный возраст человека так же продолжителен, / как зимний день).

Автор в первом двустишии призывает, что надо *«вставать рано», как жаворонок летом*, а во втором уже *поясняет* мысль, высказанную в первом двустишии, *сравнивая продолжительность человеческой жизни на этой земле с коротким зимним днём.*

Далее приведём пример параллелизма из второй главы сочинения: Буса хүнүүдээр ушарха сагтаа / Нюур ба толгойгоо бү эльбэ. / Тэрэ айжа зүрхэсэжэ, / Аргаа мухардаһан дүрэ мүн [Там же, с. 28]. (Когда встречаешься с другими людьми, / не поглаживай свое лицо и голову. / Это действия человека, / оказавшегося в безвыходном тупике и в страхе).

В первом двустишии автор поучает, что, когда ведёшь разговор с людьми, нельзя «*поглаживать своё лицо и голову*», а во втором двустишии *поясняет,* почему нельзя: обычно такое поведение характерно для человека трусливого, «*оказавшегося в безвыходном тупике и в страхе».* Пример параллелизма из третьей главы сочинения: Өөрөө эрдэмгүй гээшэ һаа, / Эрдэмтэй мэтэшэлэн бү хүшэлдэ. / Тиигээ һаа, тэрэшни хатанхай модон мэтэ / Бусадай нюдэндэ үзэсхэлэнтэй бэшэ [Там же, с. 51]. (Не задирай нос, / чтобы казаться имеющим заслуги, / коль их у тебя нет. / Подобно высохшему дереву, / на глазах других это будет выглядеть некрасиво).

Также второе двустишие поясняет то, что говорится в первом двустишии. То есть некрасиво будет выглядеть, если ты на самом деле не имеешь никаких заслуг, а «задираешь нос». Второе двустишие помогает автору уподобить такого «необразованного» человека *высохшему дереву.* Приведём пример параллелизма из четвёртой главы сочинения: Шанар һайн аад, дотороо уужам хүниие/Ашадын нүхэр болгон шүтэ. / Гэр, зам, хүдөө – али гурбан газарташье / Тэрээнтэй нүхэсэхэдэ зохисотой [14, с. 86]. (Постоянным другом выбирай человека / с хорошими чертами и широкой душой. / С ним уместно дружить / в любых трёх случаях – дома, в пути, в поле).

В первом двустишии высказывается мысль, что другом надо выбирать *человека с хорошим нравом, с широкой душой.* А во втором двустишии автор поясняет, что такой человек при любых обстоятельствах всегда будет надёжным другом.

Пример параллелизма из пятой главы сочинения: Магтаха, муушалха – ямар үйлэ бологшье, / Хүдэлэн үгы, хеморон үгы дотороо уужам болон яба. / һайн муу бүхэниие / Үргэлэн тэсэдэг газар мэтэ ябаха мүн [Там же, с. 91]. (Хвалят ли тебя или осуждают – как бы о тебе ни отзывались, / действуй с глубокой душой, без волнений, без расстройства. / Держись подобно земле, с терпением выдерживающей на себе все – и хорошее, и плохое).

В первом двустишии выражена мысль более глубокого философского характера: «*хвалят тебя – не волнуйся, осуждают – не расстраивайся».* А во втором двустишии автор поясняет, что всё это – и хвалу, и осуждение – надо *«выдержать на себе, подобно земле».*

Пример параллелизма из шестой главы сочинения: Өөрын талын эртын һайн журам / һүнөөнгүй һайн тэдхэ. / Тэрэ еһо хадаа дотор сэсэн, / һайн эрын дээдын ябадал мүн [Там же, с. 124]. (Всячески поддерживай старинные хорошие порядки родной стороны, / не давая им угаснуть. / Такой поступок подобен лучшим поступкам / прекрасных мужей с мудрой душой). В первом двустишии автор советует, что всегда надо не только поддерживать, но и почитать добрые обычаи своей родины, а во втором двустишии поясняет, что такое поведение свойственно человеку с мудрой душой.

Далее пример параллелизма из седьмой главы: Эд ба алдар, сог ушаралһаа / Имагта буян хадаа дээдэ гэжэ һана. / Тэдэ бүгэдөөр энэ наһандаа баясаха тэды мүн. / Буян хадаа энэ, хойто бүхэндэ баясхаха [Там же, с. 153]. (Считай, что только добродетель / выше имущества, славы и благополучия. / Все они дадут радость только в этой жизни, / а добродетель даст радость везде – и в настоящем, и в будущем).

В первом двустишии автор акцентирует внимание на том, что именно *добродетель*

выше *всех земных благ,* а во втором двустишии поясняет, что и *слава, и благополучие* могут служить основой для радости только в этой жизни, *добродетель* даёт начало счастливой жизни везде – и в настоящем, и в будущем. В вышеприведённых стихах отчётливо прослеживается связь между двустишиями. Как мы видим на конкретных примерах из семи глав сочинений, второе двустишие каждого четверостишия не только поясняет, но и усиливает основную мысль стиха, данную в первых двух строках. Другими словами, между двумя частями параллельных конструкций существует логическая или смысловая связь через основной идейный замысел всего стиха. Следует отметить, что смысловой параллелизм, восходящий к синкретической стадии развития образных форм в литературе, является одним из ведущих композиционных приёмов в бурятской поэзии [3, с. 136].

Эпифора свойственна, главным образом, письменной речи. Разновидностями стихотворной эпифоры являются *редиф* и *рефрен*. *Редиф* представляет собой повтор слова или словосочетания после рифмы и характерен прежде всего для классической арабской, персидской и тюркоязычной поэзии [11, с. 138–140]. По утверждению Н. Д. Болсохоевой, в «Субхашите» Сакья-пандиты примером эпифорической может служить только одно четверостишие:

Наполнить водой след копыта /быка/ *легко*,
Наполнить деньгами маленькую сокровищницу *легко*,
Засеять семенами маленькое поле *легко*,
Удовлетворить учёностью тёмного человека *легко* [6, с. 37].

Эпифорические строфы – такой композиционный приём, когда в конце каждой строфы изречения повторяется одно и то же слово, которое служит не только для усиления ритмической связи концов строк, но и для усиления ритмического ряда [1, с. 18].

Если в «Субхашите» Сакья-Пандиты *редиф* встречается только один раз после каждой строки, то в сочинении Э.-Х. Галшиева такой повтор мы обнаруживаем более часто, после первой строки двустишия. Например:

Хэрбээ хэбтэхын сагта *эдеэ hаа*,
Үглөө эртэ эдеэ бү эди.
Хэбтэхэ бодохо хоюландань *эдеэ hаа*,
Хороной дээрэ хоро эдиhэн мэтэ болохо [14, с. 18].

(Если поел перед сном, / то на следующий день рано утром не принимай пищу. / Есть, ложась спать и вставая, равносильно / проглатыванию одного яда за другим).

Выражение *эдеэ hаа* (если поел) повторяется в начале каждой строки, усиливая назидательное значение стиха.

Заключение. Таким образом, по разнообразии аспектов использования различных композиционных элементов и частоте употребления стихотворные (синтаксические) фигуры являются важным средством усиления выразительности образно-художественной речи в поэтическом произведении Э.-Х. Галшиева.

В статье рассмотрены стихотворные (синтаксические) фигуры: фонетическая анафора (аллитерация, синтаксическая анафора), параллелизм, эпифоры, придающие особое благозвучие образно-художественной речи в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева. При этом делается вывод, что в речениях больше встречаются повторы двух строк в начале и в середине стиха (э – э), реже встречаются повторы строк в начале и в самом конце четверостишия. Одним из самых важных композиционных элементов назидательных речений Э.-Х. Галшиева является *смысловой и синтаксический параллелизм.* Следует отметить, что назидательные речения Э.-Х. Галшиева полностью построены на параллелизме двух рядом стоящих предложений, имеющих между собой смысловую связь и включающих в себя лексическую параллель. Второе двустишие каждого четверостишия не только поясняет, но и усиливает основную мысль стиха, данную в первых двух строках. Другими словами, между двумя частями параллельных конструкций существует логическая или смысловая связь через основной идейный замысел всего стиха.

Список литературы

1. Болсохоева Н. Д. Сакья-пандита и его «Субхашита»: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.06. М.,1977. 20 с.
2. Герасимович Л. К. Монгольское стихосложение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 128 с.
3. Дугаржапова Т. М. Поэтика Дондока Улзытуева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2001. 187 с.
4. Золхоев В. И. Средства ритмической организации бурят-монгольского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.16. Л., 1957. 17 с.
5. Ким И. А. О рифме в бурятской поэзии // Советская литература и фольклор Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БКНИИ,1961. 235 с.

6. Махатов В. Б., Цыденова Х. Г. Хрестоматия по дореволюционной бурятской литературе. Улан-Удэ: Бэлиг, 2008. 395 с.
7. Туденов Г. О. Бурятское стихосложение. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 166 с.
8. Хамгашалов А. М. Опыт исследования бурят-монгольского стихосложения. Улан-Удэ: Гос. изд-во, 1940. 85 с.
9. Цэрэнсодном Д. Характерные особенности монгольской поэзии в XIII–XIV веках // Актуальные проблемы современного монголоведения. – Улан-Батор: Изд-во АН Монголии,1987. 286 с.
10. Чагдуров С. Ш. Поэтика Гэсэриады. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1993. 367 с.
11. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Поэтика. Варшава: Изд-во Польской АН, 1961. 404 с.

Источники

12. Буряадхан аялгам hайхан даа… Дуунууд (Песни родного края… Песни). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. 286 с.
13. Бурятский героический эпос «Аламжи мэргэн». Новосибирск: Наука, 1991. 321 с.
14. Галшиев Э.-Х. Хоер ehоной абаха, орхихые угуулэгшэ Бэлигэй толи. (Зерцало мудрости, разъясняющее, принимаемое и отвергаемое по двум законам). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1993. 352 с.
15. Ризель Э. Г. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1975. 316 с.
16. Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л.: Учпедгиз, 1959. 535 с.
17. Томашевский Б. В. Стилистика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 288 с.
18. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Академия, 2009. 432 с.
19. Улзытуев Д. У. Ая-гангын орон. (Страна Ая-ганги). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 295 с.

Статья поступила в редакцию 29.04.2018; принята к публикации 09.11.2018

Библиографическое описание статьи

Дугаржапова Т. М. Роль стихотворных фигур в художественном тексте Э.-Х. Галшиева «Бэлигэй толи» («Зерцало мудрости») // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 86–92. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-86-92.

Tatiana M. Dugarzhapova,
Doctor of Philology,
Buryat State University
(24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia),
e-mail: tatiyanamaksarovna@yandex.ru

Role of Poetic Figures in The Literary Text "*Baliga Toli*" ("*Mirror of Wisdom*") by E.-Kh. Galshiev[1]

The aim of the given study is to reveal the literary features of the pre-revolutionary Buryat literature, to analyze various aspects of composite elements usage and some poetic (syntactic) figures in edifying speeches by E.-Kh. Galshiev, the Buryat author. The relevance of the research is caused by the lack of study of E.-Kh. Galshiev's literary heritage and is due to the importance of analysis of traditional ethical-didactic works of instructive nature. The analysis of poetic (syntactic) figures is presented in the article for the first time: phonetic anaphora (alliteration, syntactic anaphora) of parallelism, epiphora. Poetic figures under consideration give special euphony of figurative and artistic speech in E.-Kh.Galshiev's edifying utterances. Alliteration often occurs in utterances. Alliteration (*tolgoiholholgo*) is a sound repetition, which is common for the Buryat language structure. Semantic and syntactic parallelism is an important element in E.-Kh. Galshiev's edifying utterances. The edifying utterances in Galshiev's works are based on parallelism of two sentences, which have a semantic connection and include a lexical parallel. Radif and refrain are kinds of poetic epiphora in speech. This compositional technique is used at the end of each line to strengthen the rhythm of the verse in the Galshiev's composition.

Keywords: poetic (syntactic) figures, metric means, alliteration, parallelism, epiphora

References

1. Bolsokhoeva, N. E. Sakya Pandita and his "Subkhashita". Cand. filol.sci.diss.abstr. Moscow, 1977. (In Rus.)
2. Gerasimovich, L. K. Mongolian versification. Leningrad: Publishing house of Leningrad State University, 1975. (In Rus.)

[1] The paper was written with support of the grant to conduct independent research studies, Buryat State University 2018 "Monument to pre-revolutionary Buryat literature, "Baliga toli" ("Mirror of Wisdom") E.-Kh. Galshieva" No. 18-06-0502.

3. Dugarzhapova, T. M. Poetics by Dondok Ulzytuev. Ulan-Ude: Buryat Publishing House, 2001. (In Rus.)
4. Zolkhoev, V. I. Means of rhythmic organization of the Buryat-Mongolian language. Cand. filol.sci.diss.abstr. Leningrad, 1957. (In Rus.)
5. Kim, I. A. About rhyme in Buryat poetry. In: Soviet literature and folklore of Buryatia Ulan-Ude, 1961. (In Rus.)
6. Makhatov, V. B, Tsydenova, Kh. G. Anthology on pre-revolutionary Buryat literature. Ulan-Ude: Publishing house Belig, 2008. (In Rus.)
7. Tudenov, G. O. Buryat versification. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1958. (In Rus.)
8. Khamgashalov, A. M. Experience of the Buryat-Mongolian versification study. Ulan-Ude: State Publishing House, 1940. (In Rus.)
9. Tserensodnom, D. Characteristic features of Mongolian poetry in the XIII–XIV centuries. Actual problems of contemporary mongolology. Ulaanbaatar: Akademia Nauk Mongolia, 1987. (In Rus.)
10. Chagdurov, S. Sh. Poetics of the Geseriadas. Irkutsk, 1993. (In Rus.)
11. Jacobson, R. Poetry of grammar and the grammar of poetry. Poetics. Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1961. (In Rus.)

Sources

12. Buryadakhan ayalgam haikhan daa... Duunuud (Songs of the motherland). Ulan-Ude: Buryat Book Publishing, 1983. (In Rus.)
13. Buryat heroic epic “Alamzhi Mergen”. Novosibirsk: Publishing Science, 1991. (In Rus.)
14. Galshiev, E. -Kh. Hoer ehonoy abah, orkhiyyy ygyylegshe Beligey toli. (The Mirror of Wisdom explaining what is accepted and rejected by two laws). Ulan-Ude: Buryat Book Publishing, 1993. (In Rus.)
15. Rizel, E. G. German language stylistics. Moscow: 1975. (In Rus.)
16. Tomashevskiy, B. V. Stylistics and versification. Leningrad, 1959. (In Rus.)
17. Tomashevskiy, B. V. Stylistics. Leningrad: Leningrad State University, 1983. (In Rus.)
18. Khalizev, V. E. Literature theory. Moscow: Publishing house Academy, 2009. (In Rus.)
19. Ulzytuev, D. U. Aya-gangyn oron. (Country of Aya-ganga). Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 1974. (In Rus.)

Received: April 29, 2018; accepted for publication November 9, 2018

Reference to the article

Dugarzhapova T. M. Role of Poetic Figures in The Literary Text “Baliga Toli” (“Mirror of Wisdom”) by E.-Kh. Galshiev // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 86–92. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-86-92.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 81'25
DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-93-99

***Чжао Сяобин*[1],**
доктор литературы, профессор,
Сычуаньский университет иностранных языков
(400031, Китай, г. Чунцин, р-н Шапинба, ул. Чжуанчжи, 33),
e-mail:yazhaoxb@163.com
orcid: 0000-0002-9732-0830

***Ван Инли*[2],**
доктор литературы,
Харбинский коммерческий университет,
(150028, Китай, г. Харбин, р-н Сунбэй, ул. Сюэхай, 1),
e-mail: fengyusha2005@163.com,
orcid: 0000-0003-4179-6263

Реконструкция эстетических и поэтических значений при переводе на основе интерактивного взаимодействия двух языков

Под интерактивным взаимодействием двух языков подразумевается взаимное сопоставление двух языковых систем, соотнесение особенностей их функционирования и реконструкции свойств, актуализируемые в процессе перевода. Двуязычие является основой перевода. Язык оригинала и язык перевода в процессе функционирования могут различным образом оказывать совокупное влияние на переводный текст. Поэтический перевод – это реконструкция эстетических и поэтических значений на основе интерактивного взаимодействия двух языков. Для изучения подобного влияния были переведены два стихотворения Булата Окуджавы и стихотворение современного китайского поэта Бянь Джилина. Особенностью поэтического перевода является то, что передача содержания исходного текста обусловлена репрезентацией семантических значений, реализуемых в исходном тексте на микроуровне (слов и фраз) и макроуровне (текст в целом), а также репрезентацией стилистических, эстетических, поэтических значений, формируемых совокупностью созданных автором образов (images), художественной концепцией и ритмической организацией переводимого текста. Интеракция двух языков проявляется в том, что, несмотря на стремление переводчика к максимальному сохранению комплекса значений оригинального текста, влияние системных расхождений, обнаруживающихся при сопоставлении двух языков, оказывается неизбежным и может приводить к проявлению в тексте перевода тех или иных типологических особенностей переводного языка, обнаруживающих серьёзные отличия от языка оригинала, особенно если речь идёт о языках с различной системной организацией. Понимание переводчиком различий, обнаруживающихся при сравнении особенностей функционирования языков, и учёт особенностей интерактивного влияния исходного и переводного языков позволяют максимально полно репрезентировать исходные значения текста, включённого в семантику содержательных значений слов и фраз, восстановить авторскую систему образов, передать художественную концепцию и сохранить особенности ритмомелодической организации, а также раскрыть творческий потенциал поэтического перевода.

Ключевые слова: поэтический перевод, репрезентация образов, воспроизведение художественной концепции, поэтический ритм и рифма, двуязычное интерактивное участие

Введение. Главная задача перевода состоит в репрезентации содержания исходного текста перевода, и в этом процессе определённое влияние приобретает и специфика языка перевода. В ходе перевода крайне важно максимально возможными способами передать эстетическое и поэтическое значение исходного текста. Объектом исследования данной статьи является поэтический перевод как реконструкция эстетического и поэтического значения на основе интерактивного взаимодействия двух языков. Для изучения такого влияния нами было переведено два стихотворения Булата Окуджавы на китайский язык и одно стихотворение современного китайского поэта Бянь Джилина на русский язык.

Методология и методы исследования. Основой перевода является двуязычие[3]. Перевод – это реконструкция текстовых значений на основе интерактивного влияния оригинального и переводного языков, в результате которого формируется переводный текст [13]. Интерактивное взаимодействие языков – ак-

[1] Чжао Сяобин осуществляет сбор, анализ и систематизацию материала исследования.

[2] Ван Инли осуществляет сбор, анализ материала исследования.

[3] Алимов В. В. Теория перевода: пособие для лингвистов-переводчиков. – М.: Либроком, 2013. – С. 12.

© Чжао Сяобин, Ван Инли, 2019

туализируемое в процессе перевода взаимное сопоставление двух языковых систем, соотнесение особенностей их функционирования и реконструкции их свойств. В. Н. Комиссаров отмечает: «Понятно, что, прежде всего, отличительным признаком перевода является участие в процессе общения двух языков, его “двуязычный характер”» [2, с. 31]. Перевод является интерактивным взаимодействием двух языков, в результате которого рождается перевод. Фан Мэнчжи отмечал: «Взаимодействие двух языков рождает перевод», так же, как, согласно китайской натурфилософской концепции, «два начала Инь (阴) и Ян（阳） взаимодействуют и рождают всё сущее» [8, с. 23]. Однако исходный и переводной языки играют неодинаковую роль в репрезентации текстовых значений при переводе. Основной задачей перевода является репрезентация содержания исходного текста средствами другого языка, играющего второстепенную по отношению к языку оригинального текста роль.

Интерактивное влияние исходного и переводного языков в поэтическом переводе. В поэтическом переводе, несмотря на всю важность репрезентации содержания, должное внимание следует уделять передаче эстетических и поэтических элементов, сохранению авторской системы образов *(images)* и художественной концепции, учёту особенностей ритмомелодической организации исходного текста. Безусловно, особое значение имеет передача смыслового содержания, заключённого в значениях слов и предложений, составляющих оригинальный текст, однако, поэтический перевод – это ещё и реконструкция эстетических, поэтических значений, объективируемых при сопоставлении особенностей функционирования двух языков и обнаруживающих в рамках перевода определённые различия.

Результаты исследования и их обсуждение. Для начала предлагается сопоставить оригинал и авторский перевод поэтического текста, материалом для такого исследования стал перевод на китайский язык стихотворения Булата Окуджавы. Перевод был выполнен на основе сопоставления особенностей функционирования русского и китайского языков, что позволило установить степень взаимовлияния двух языков в процессе перевода.

Заезжий музыкант

Заезжий музыкант целуется с трубою,
В Пассаже, по утрам, так просто, ни о чём.
Он любит не тебя, опомнись, Бог с тобою,
Прижмись ко мне плечом, прижмись ко мне плечом.

外来音乐家
外来的音乐家亲吻着铜管乐器，
在过廊里，每逢早晨，如此简单，不言语。
他爱的不是你，清醒一下吧，上帝保佑你，
把肩膀靠在我身上吧，把肩膀靠我身上吧。

Живёт он третий день в гостинице районной,
Где койка у окна всего лишь по рублю.
И на своей трубе, как чайник, раскалённой,
Вздыхает тяжело. А я тебя люблю.

他在区旅馆住了三日，
床位靠窗仅值百戈比，
他吹得铜管炽热像茶水壶，
气喘吁吁，而我爱你。

Трубач играет гимн, трубач потеет в гамме.
Трубач хрипит своё, и кашляет хрипя,
Но, словно лик судьбы, он весь в оконной раме.
Он любит не тебя, а я люблю тебя.

铜管音乐家奏响国歌，汗水化作了音阶，
嘶哑着自 顾歌唱，声音嘶哑地咳嗽不止，
犹若命运的合唱，他整个儿印在窗框里，
他爱的不是你啊，而我爱你。

Дождусь я ль лучших дней, и новый плащ надену,
Чтоб пред тобой проплыть, как поздний лист кружа?
Не многого ль хочу, всему давая цену?
Не сладко ль я живу, тобой лишь дорожа?..

我能否等来甜美的日 子，就要穿上新衣裳，
作一片晚秋落叶似的旋转飘然来至你跟前？
这不是奢望吧，若把价值奉献给了世人？
我生活得不够甜美吗，若只珍爱你一人？

Тебя не соблазнить ни платьями, ни снедью.
Заезжий музыкант играет на трубе.
Что мир весь рядом с ним, с его горячей медью?
Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе.

诱惑不了你啊，无论是裙 ，还是美食，
外来的音乐家心无旁 吹奏着铜管乐器，
整个世界什么与他作伴，什么与他炽热的铜管为邻？
命运，命中注定，命运 关，献给命运，咏叹命运。

(Булат Окуджава, перевод Чжао Сяобин)

Чтобы выполнить перевод этого стихотворения, необходимо было обратить внимание на передачу лексических и грамматических значений исходного текста. Рассмотрим в качестве примера перевод последнего четверостишия. Конечно, дословное восстановление каждого элемента смысловой цепочки могло бы вызывать некоторые изменения в семантике отдельных слов. Например, слово «лик» переведено словом «合唱», «платья» – «裙钗», «снедь» – «美食», «плащ» – «衣裳». Чтобы сделать строчки ровными, в поэтическом переводе следовало максимально сохранить исходный порядок слов и идентичное деление на строфы. Попытка сохранить набор четырёх строчек ровным предполагает, по крайней мере, сохранение равного количе-

ства иероглифов в парных строках, формирующих строфу. Для этого, например, пришлось прибегнуть к расширению в строфе, путём добавления фразеологического выражения «心无旁骛»（внимательно, не смотря по сторонам»), после такого расширения данная строка соответствовала предыдущей строке по количеству входящих в неё компонентов. Во втором полустишии также использовано расширение, чтобы сделать последние две строчки равномерными. В данной строке появилось слово «什么» (что). Однако следует отметить, что особенности формы стихотворного перевода не могут рассматриваться как единственный критерий оценки качества поэтического перевода, содержательный аспект наряду с ритмомелодической структурой имеет серьёзное значение при переводе, то есть поэтический перевод объединяет в себе, как минимум, два уровня репрезентации – содержательный и структурный.

Для достижения полноты передаваемого в поэтическом тексте содержания важно принимать во внимание лексические и грамматические особенности исходного текста, а также стремиться к достижению, с одной стороны, близости форм исходного и переводного текстов, с другой – использовать различные варианты ритмической организации и разные размеры стихотворного текста в целях достижения поэтической эстетики.

Грамматическая организация китайского и русского языков принципиально отличается. Поэтому при переводе на китайский язык выбранного нами стихотворения особое внимание также было уделено семантизации местоимений. В русском стихотворении образ музыканта воспроизведён с помощью совокупности взаимосвязанных значений, что вызывает соответствующую смысловую ассоциацию: музыкант, Бог, автор. В стихотворении использование местоимений «я» и «он» в последних двух строфах указывает на отождествление образов автора и музыканта. В последней же строфе отождествляются семы «ты», «он» и «музыкант». Местоимение «он» является воплощением автора, благодаря чему на протяжении всего стихотворения создаётся яркий лирический тон. Для авторов статьи очевидно, что понимание переводчиком смысловой связи, выстроенной автором в стихотворении, имеет серьёзное значение для полной передачи исходного содержания.

Репрезентация грамматической категории рода в переводе. В русской поэзии часто употребляется грамматическая родовая категория существительных для формирования поэтических образов *(images)*. Категория рода обладает свойством передавать скрытый смысл и создавать уникальную художественную картину. Переводчик, в свою очередь, стремится обеспечить точную передачу содержания оригинального поэтического текста. Однако при существующих различиях языков (наличие той или иной грамматической формы в одном языке и отсутствие её в другом) достаточно трудно полностью воссоздать исходное содержание. Поэтому при переводе поэтического текста достижение полной идентичности семантико-грамматического соответствия оказывается практически невыполнимой задачей, восстановить исходные поэтические образы, созданные посредством реализации той или иной грамматической формы в русскоязычном тексте, невозможно из-за отсутствия аналогичных в китайском языке. И это может приводить к полной или частичной утрате словарного значения или к изменению художественной концепции. Однако «отсутствие в языке перевода какого-либо грамматического явления отнюдь не означает невозможности точной передачи всей понятийной информации, содержащейся в оригинале» [7].

Арбат беру с собою
Арбат беру с собою – без него я ни на шаг, – 阿尔巴特我手牵着他寸步不离,
Смоленскую на плечи я набрасываю, 斯莫凌斯卡我把她扛在肩上,
и Пресню беру, но не так, чтобы так, 再带上普列斯尼 ，青春常驻啊,
а Красную, Красную, Красную 愿她永远艳丽、艳丽、艳丽！
Мы въезжаем, мы въезжаем – неспроста и не вдруг – 我们注定沿着柏油路匆匆而行,
по асфальтовой дорожке неминуемой 既非无缘无故，也非心血来潮,
в заколдованный круг из рук и разлук, 驶入、驶入生离死别的魔法圈,
с сотворенья Москвы именуемый. 莫斯科娃自 古以来就多情善感。
(Булат Окуджава, перевод Чжао Сяобин)

Как известно, Арбат – улица в городе Москве, Смоленская станция – метро в Москве, Пресня – приток Москвы-реки, указанные в стихотворении имена собственные в совокупности олицетворяют для автора город. Созданная автором система образов *(images)* включает имена-названия города, станций метро, реки и др. (Арбат, Смоленская, Пресня, Москва), которые выступают некими персонажами в стихотворении, в том числе благодаря грамматической категории рода, соотносимой с каждым из использованных здесь именем собственным. Таким обра-

зом, в стихотворении Б. Окуджавы созданы образы семьи, города и Москвы-женщины. В этом лирическом произведении автор воспел красоту любимого города, выразил свои нежные чувства и своё сентиментальное настроение, которые особенно ощутимы при чтении последних строф стихотворения. «Булат Окуджава – поэт-лирик, певец человеческой души» [6, с. 156].

Подчёркивая гендерную принадлежность персонажей, созданных поэтом, переводчик использует иероглифы для записи иноязычных названий местности, содержащие ключ «女» – женщина, например, «娅» и «娃». Репрезентация особенностей авторской системы образов достигается с помощью уникальной структуры китайского иероглифического знака. Искусно использованная иероглифическая фактура китайской письменности позволяет в полной мере проявить отмеченные поэтом смыслы: женскую красоту и семейную теплоту.

Это стихотворение стало авторской песней о судьбе, о семье, о городе-родине и о Москве-женщине. В нём изображена гармония и счастье семьи и, конечно, любовь к Москве. «Окуджава поэтически декларирует, что, говоря о Москве, он изображает характер своего лирического героя: “Ах, этот город, он такой, похожий на меня: то грустен он, то весел он, но он всегда высок...”» [3, с. 128]. Так как в китайском языке нет грамматической родовой категории, в переводе неизбежно теряется тонкий поэтический контекст, поэтому перевод на китайский язык нуждается в некоторых комментариях, разъясняющих читателям эмоции и чувства автора, его лирическое настроение. Переводчик должен уметь работать над подобными нюансами, объективация которых возможна лишь при сопоставлении особенностей функционирования исходного и переводного языков, понимать содержательную значимость этих особенностей и искать пути достижения точности и детальности перевода.

Реконструкция художественной концепции («художественного пространства»). «Во многих литературных источниках явно наметился отказ от традиционных точных стихотворных переводов: предпочитаются подстрочники (дословные прозаические переводы с разбивкой на как бы стихотворные строки). Не исключено, что аналогичная тенденция возобладает и у нас. Однако в русской поэзии традиция точных переводов чрезвычайно сильна, на протяжении двух последних веков она по преимуществу возрастала, и отступить от неё было бы значительной потерей»[1]. Каким образом возможно с максимальной точностью воспроизвести оригинальные содержание и форму поэтического произведения, в том числе оригинальный ритм и его рифмовку? Следует признать, что в процессе перевода неизбежны потери. В случае, если перевод вообще не отклоняется от оригинального текста, нарушается адаптация или происходит отказ от точной передачи значения отдельных слов и фраз, разрушается красота поэтической формы [9, с. 165; 12, с. 143]. Процесс выполнения перевода китайского стихотворения под названием «Фрагмент» на русский язык подтверждает данную позицию. Написанное в октябре 1935 года стихотворение Бянь Чжилина, известного современного китайского поэта, является изысканным философским стихотворением. Автор говорил, что эти четыре строчки изначально были частью поэмы, а затем стали самостоятельным поэтическим произведением, названным автором с учётом истории появления этого произведения – «Фрагмент».

《断章》
你站在桥上看风景，
看风景的人在楼上看你。
明月装饰了你的窗子，
你装饰了别人的梦。

Ты пейзажем сейчас любоваться стоишь
на мосту,
Кто пейзажем любуется, о, наверху тобою
и любуется,
Окно ваше луной полной яркой украсится,
Ты украсишь во сне человека чужого мечту.
(Бянь Чжилин, перевод Чжао Сяобина
и Ван Инли)

В этом лирическом четверостишии присутствуют эстетические и философские компоненты, в нём создана определённая система образов *(images)* и художественная концепция, строки проникнуты эмоциями и чувствами автора. Рассматриваемое стихотворение представляет собой современное стихосложение свободного жанра, в котором при чётком содержательном фокусе допускается нестрогая рифмовка, рифмуются только две средние строки, первая и четвёртая строки не рифмуются. В процессе перевода на русский язык создано стихотворное произведение с использованием размера ямб (анапест) и особой «охватной рифмовки», вследствие чего достигается равномерность поэтической формы. Были образованы ямбические и ритмические строфы, которые соответствуют наиболее привычному для русского читателя

[1] Введение в литературоведение: учебник для бакалавров / Н. Л. Вершинина [и др.]; под общ. ред. Л. М. Крупчанова. – М.: Юрайт, 2013. – С. 451.

стихотворному размеру. Так, строка исходного текста «看风景的人在楼上看你» переведена на русский язык в соответствии с поэтическими свойствами русского стихотворного размера анапест: «Кто пейзажем любуется, о, наверху тобою и любуется», что не оказывает влияния на общее содержание и ритмическую организацию исходного стихотворного текста. Использование таких решений является сознательным выбором переводчика в его стремлении достичь поэтической красоты текста, точности воспроизведения созданных автором поэтических образов и художественной концепции.

Важной задачей, стоящей перед переводчиком поэтических текстов, является сохранение эмоционального содержания, которым проникнуты слова, фразы и строки. Поэтическое произведение является вершиной искусного творения лишь тогда, когда в нём присутствует художественная концепция, эмоции, чувства и дух, и только в этом случае поэзия может занять достойное место в классической литературе. Такое понимание созвучно мнению китайского филолога Ван Говэя, который писал: «Концепция поэтического произведения *цзинцзе* (境界) включает не только детали обстановки или пейзажа, но и чувственно-эмоциональные компоненты, которые формируют душевное состояние людей. Поэтому для передачи концепции поэтического произведения необходимо как описать реальный пейзаж, так и передать настоящие чувства, в противном случае, можно говорить об отсутствии концепции»[1] [10, с. 78], а Ван Ли по этому поводу отмечал: «В хорошем стихотворении непременно воплощена изящная художественная концепция. Однако изящная художественная концепция, воплощённая в несовершенные языковые формы, не может стать чудесным стихотворением»[2] [11, с. 228].

Заключение. Поэтический перевод – это репрезентация эстетических и поэтических значений на основе понимания интерактивного взаимодействия двух языков, то есть влияния, установленного в результате сопоставления особенностей функционирования исходного и переводного языков. Наряду с репрезентацией основных значений слов и фраз в поэтическом переводе особое внимание следует уделять воспроизведению образов *(images)*, художественной концепции, а также учитывать разноязычные особенности поэтического ритма и рифмы. В процессе преодоления трудностей, обусловленных двуязычными расхождениями, перевод может становиться результатом творчества и показателем профессионализма переводчика. Таким образом, интерактивное взаимодействие двух языков в процессе перевода имеет творческую направленность и способствует реализации поэтической функции разных языков, вступивших во взаимодействие на основе перевода.

Список литературы

1. Гачев Г. Склад Окуджавы и склад его песни // Миры Булата Окуджавы: материалы III Междунар. науч. конф. (Переделкино, 18–20 марта 2005 г.). М.: Соль, 2007. С. 32–39.
2. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Междунар. отношения, 2016. 176 с.
3. Кякшто Н. «Московский текст» в поэзии Булата Окуджавы // Миры Булата Окуджавы: материалы III Междунар. науч. конф. (Переделкино, 18–20 марта 2005 г.). М.: Соль, 2007. С. 128–135.
4. Оскоцкий В. Д. Булат Окуджава – переводчик. (Из наблюдений. Заметки) // Миры Булата Окуджавы: материалы III Междунар. науч. конф. (Переделкино, 18–20 марта 2005 г.). М.: Соль, 2007. С. 13–23.
5. Чайковский Р. Р. «Незнакомый почерк веток...» (Запад в поэтической рецепции Булата Окуджавы) // Миры Булата Окуджавы: материалы III Междунар. науч. конф. (Переделкино, 18–20 марта 2005 г.). М.: Соль, 2007. С. 186–189.
6. Чайковский Р. Р. Булат Окуджава как переводчик поэзии (об одном переводе Булата Окуджавы с украинского языка) // Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика. 2014. № 4. С. 150–158.
7. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.
8. 陈东成. 大易翻译学[M]. 北京：中国社会科学出版社，2016.
9. 格沃兹节夫A. H. 俄语修辞学概论[M]，李尚谦、赵陵生译，商务印书馆1982年版。
10. 王国维. 人间词话 [M]. 北京：中国言实出版社，2014.
11. 王力. 略论语言形式美[A]. 大学语文（邢福义主编）[Z]. 北京：中国人民大学出版社，2009.
12. 王力. 诗词格律[M] . 中华书局. 2010.
13. 赵小兵. 双语互参在俄语诗歌汉译中的作用[J]. 中国翻译. 2018. 104–110.
14. 赵小兵. 俄汉互参式意义重构的译学研究[M]. 中国社会科学出版社. 2018.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018; принята к публикации 05.02.2019

[1] Китайская цитата: 境非独谓景物也，感情亦是人心中之境界。故能写真景物，真感情者，谓之有境界，否则谓之无境界。

[2] Китайская цитата: 好诗一定有美的意境，但美的意境没有美的语言形式表现，也算不上好诗。

Библиографическое описание статьи

Чжао Сяобин, Ван Инли. Реконструкция эстетических и поэтических значений при переводе на основе интерактивного взаимодействия двух языков // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 93–99. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-93-99.

赵小兵
文学博士，教授
（中国重庆市，400031，四川外国语大学，俄语系）
email:yazhaoxb@163.com,
orcid: 0000-0002-9732-0830

王英丽
文学博士，讲师（中国哈尔滨市，哈尔滨商业大学，外语学院）
e-mail: fengyusha2005@163.com,
orcid:0000-0003-4179-6263

诗歌翻译中的双语互参式审美诗学意义重构 ——以我的诗歌翻译为例

双语互参，即双语互比，互动互构共生而成译之谓也。译出语和译入语是相互影响而形成译文本的，译出语的意义重构是主要的，但译入语亦在一定程度上参与了译文本的意义重构。诗歌翻译则是在双语互参基础上的审美诗学意义重构。我们以布拉特·奥库扎瓦俄文诗译成汉语，以卞之琳的当代中文诗《断章》译成俄文为例，尝试进行了诗歌探译。译诗的文本意义（词句义）、意境美（意象丛）及节律美，均关乎意义重构，节律、韵脚等诗体形式与审美诗学意义密切相关，译诗应重视意象意境及审美诗学意义重构，以形写神，形神兼备，而这种意义重构是双语互参式的，俄汉语诗词格律的参用，对于审美诗学意义重构具有一定的作用。双语互参，这是译者对译出语和译入语进行双语互比而达到确切翻译的方法。译文本虽力求来自原文本的意义系统不变，但由于双语差异必然融入了译入语的表意元素，而发生翻译变异。例如，俄语诗借助名词的性范畴来构成意象（丛），以营造独特的艺术境界。而汉语因无名词的性语法范畴，所以译诗的意境和主题都可能发生变化。有时翻译因之而变成了创作，这不仅是译者为之，而且是双语互参互构共生所致。除了译者的创新和意象意境再造，俄汉双语参与译文本的意义重构，发挥了语言自身的创造力与诗学功能。

关键词：诗歌翻译、意象再造、意境再造、诗语节律、双语互参

***Zhao Xiao-bing*[1],**
Literature Doctor, Professor,
Sichuan University of Foreign Languages
(33 Zhuanzhi st., Shapinba district, Chongqing, 400031, China),
e-mail: yazhaoxb@163.com
orcid: 0000-0002-9732-0830

***Wang Ying-li*[2],**
Doctor of Literature,
Harbin University of Commerce,
(1 Xuehai st., Songbei Distuict, Harbin, 150000, China),
e-mail: fengyusha2005@163.com,
orcid: 0000-0003-4179-6263

Reconstruction of Aesthetic and Poetic Meanings in Translation Based on Bilingual Interactivity

Bilingual interactivity is mutual comparison of two linguistic systems, their functioning and reconstruction of features actualized in the process of translation. Bilingualism is the basis for translation. The source language and the target language are mutually influenced to form the translation. The meaning reconstruction of the source language text is principle, but the target language also participates in the meaning reconstruction of the translated text to a certain extent. Poetry translation is the reconstruction of aesthetic poetic meanings based on bilingual mutual reference. We translated two Russian poems by Bulat Okudzhava into Chinese and a Chinese poem by Bian Zhilin as an example trying to conduct poetry exploration. The textual meanings (word meaning, sentence meaning, even text meaning), artistic conception (image cluster) and rhythm beauty of translated poetry are all related to the meaning reconstruction. Bilingual mutual reference is the translator's method of bilingual comparison with the source and target languages to achieve the exact translation, which means that the translation is the result of bilingualism and mutual interaction reconstruction. Although the translation is to keep the meaning system

[1] Zhao Xiao-bing: collection, analysis and systematization of the study material.
[2] Wang Ying-li: collection, analysis of material.

from the original text, but because of the bilingual difference there must be the meaning elements of the target language integrated into the translation, and the translation variation occurs. Sometimes translation has become a creation, which is not only by the translator but also for the symbiosis of bilingual mutual reference. In addition to the translator's innovation and the re-creation of images and artistic conception reconstruction, bilingual participation in the translation plays a role in the creativity and the poetic function of the languages themselves.

***Keywords*:** poetry translation, representation of images, re-creation of artistic conception, poetry rhythm and beat, bilingual co-reference

References

1. Gachev, G. Okudzhava style and his songs style. "The Worlds of Bulat Okudzhava", M: Salt, 2007: 32–39. (In Rus.)
2. Komissarov, V. N. The Linguistic of Translation. M: International Relationships, 2016. (In Rus.)
3. Kyakshto, N. "Moscow text" in the poetry by Bulat Okudzhava. Proceedings of the 3rd International Conference. The Worlds of Bulat Okudzhava. M: Salt, 2007: 128–135. (In Rus.)
4. Oskotsky, V. D. Bulad Okudzhava – a translator (From observations. Notes). Proceedings of the 3rd International Conference. The Worlds of Bulat Okudzhava. M: Salt, 2007: 13–23. (In Rus.)
5. Tchaikovsky, R. "The Unfamiliar Handwriting of the Branches ..." (West in the poetic reception of Bulat Okudzhava). Proceedings of the 3rd International Conference. The Worlds of Bulat Okudzhava. M: Salt, 2007: 186–189. (In Rus.)
6. Tchaikovsky, R. R. "Bulat Okudzhava as a translator of poetry (about one translation of Bulat Okudzhava from the Ukrainian language)" Vestnik of MGOU. Series Linguistics, no. 3, pp. 150–158, 2014. (In Rus.)
7. Jacobson, R. O. On the linguistic aspects of translation. Questions of translation theory in foreign linguistics. M: 1978: 16–24. (In Rus.)
8. Chen Dongcheng. Da Yi Translation studies. Beijing: China Social Sciences Press, 2016. (In Chinese)
9. Gvozdev, A. N. An introduction to the Russian stylistics, the translators. Li Shangqian and Zhao Lingsheng, Beijing: Commercial Press, 1982. (In Chinese)
10. Wang Guowei. Poetic Remarks on the Human Word. Beijing: China Speech Publishing Press, 2014. (In Chinese)
11. Wang Li. A Brief Discussion on the Beauty of Language Forms. College Chinese. Xing Fuyi, editor. Beijing: Renmin University Press of China, 2009: 224–232. (In Chinese)
12. Wang Li. The rhythm of poetry. Zhonghua Book Company, 2010. (In Chinese)
13. Zhao Xiaobing. The role of bilingual mutual participation in the translation of Russian poetry into Chinese [J]. Chinese translation, no. 1, pp. 104–110, 2018. (In Chinese)
14. Zhao Xiaobing. Translation studies of meaning reconstruction on base of Russian-Chinese mutual co-reference. China: Social Sciences Press, 2018. (In Chinese)

Received: December 20, 2018; accepted for publication February 5, 2019

Reference to the article

Zhao Xiao-bing, Wang Ying-li. Reconstruction of Aesthetic and Poetic Meanings in Translation Based on Bilingual Interactivity // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 93–99. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-93-99.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

УДК 81’373.21(470.47)

Раиса Гандыбаловна Жамсаранова,
доктор филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),
e-mail: rebeca_zab@mail.ru
orcid: 0000-0002-1275-6396

Рецензия на издание «Топонимический словарь Республики Калмыкия»

Статья носит рецензионный характер. «Словарь» создан творческим коллективом авторов – Н. А. Кичиковой, Э. Б. Манджиевой и В. И. Супруном, при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Рецензируемое издание представляет собой уникальное собрание архивных, историко-этнографических и политико-экономических документальных данных по каждому из описанных в «Словаре» топонимов. С позиции лексикографии, «Топонимический словарь Республики Калмыкия» представляет собой безупречный пример составления словаря топонимов. Каждое название прописано особым шрифтом, даются морфологические характеристики употребления топонима, включая сложные по структуре названия. Представлены варианты топонима и тех образований, которые этимологически связаны с названием. В конце словарной статьи приводится нарицательная или проприальная лексика, значение которой, по мнению авторов, может считаться этимологией топонима.

Развитие научной мысли в современном языкознании во многом предопределяется развитием парадигмы концептуально-когнитивного подхода к исследуемым языковым единицам. Топонимы как географические имена собственные фиксируют в своей содержательной части богатую событийно информацию, что и представляет крайне любопытное для всех исследовательское поле. Появление топонимического словаря любого региона, любой части света является достаточно важным и ожидаемым событием. В таких словарях, как правило, представлен солидный пласт имён собственных, которые действительно представляют собой важные для истории и истории языков факты. Презентация этих фактов, которая способна при условии адекватной исследовательской интерпретации «развернуть» скрытые смыслы, понятия и факты, – чрезвычайно важное событие как для этнической истории, культуры и этнографии отдельного народа, так и в плане освещения исторических и языковых явлений отдельного региона.

Топонимия Республики Калмыкия, по сравнению с другими регионами Российской Федерации, изучена хорошо, представлена рядом научных статей, монографий. Данное рецензируемое издание является первым опытом топонимического словаря региона, где, как и в любом лексикографическом издании, представлено обширное описание свода географических имён собственных Калмыкии – более 300 названий. Словарь создан творческим коллективом авторов – Н. А. Кичиковой, Э. Б. Манджиевой и В. И. Супруном, известными российскими ономастами, при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-04-00137).

Рецензируемое издание представляет собой уникальное собрание архивных, историко-этнографических и политико-экономических документальных данных по каждому из описанных в «Словаре топонимов». В предисловии авторами представлено интересное историческое описание картографических источников, где имеется упоминание о

© Жамсаранова Р. Г., 2019

таком народе, как калмыки или «колмак(и)» (по-видимому, от самоназвания *хальмг*). Это является именно тем историческим фоном, которое предопределило во многом этническую судьбу одного из монголоязычных племён – ойратов, некогда покинувших пределы Центральной Азии и обосновавшихся на далёких от исторической родины землях.

Однако, с другой стороны, известно, что евразийский континент представлял собой некую ойкумену многих кочевых племён эпохи Средневековья. Кочевые конфедерации появлялись и исчезали во тьме веков, «оставляя» только имена собственные в изустных преданиях или же в топонимах – этих «письменных» памятниках былой истории. Как отмечают авторы, «земли между Каспийским и Азовским морями» были заняты ещё в I веке н. э. савроматами, а эта территория на картах Птолемея носит “говорящее” название – Сарматия Азиатская». Поэтому считать потомков ойратов Джунгарского ханства – калмыков пришлым народом на эти земли преждевременно. Средневековый номадизм как культура многих и многих средневековых племён Евразии, представляя собой не до конца изученное феноменальное явление, являлся основанием для глобальных переселений, миграций и передвижений народов, больших и малых.

В основном исследуемую территорию, входящую в Сарматию или позднее, в Тартарию, населяли кочевники, освоившие и связавшие в единое целое огромную территорию от Тихого океана до Волги. При этом следует отметить, что достоверно неизвестна ни этническая, ни тем более этноязыковая принадлежность сарматов или савроматов, населявших некогда всю европейскую часть России.

«Следы» этих древних племён и народов имеются и в топонимике Восточной Сибири, что свидетельствует, в первую очередь, о невозможности простого стратифицирования топонимических названий, исходя из данных истории. Известно, что результаты исследования топонимики отдельных регионов способны добавить новые, доселе не известные знания в историографию языков и народов.

Данное издание в виде словаря снабжено краткой физико- и экономико-географической характеристикой с цифрами, персоналиями и датами практически к каждому названию, что является необходимым социокультурным фоном при описании топонимии региона. Такой подход к описанию всех ойконимов в топонимике Калмыкии видится своеобразной исторической летописью села или города, т. к. фиксируются все непростые перипетии в историческом прошлом калмыков. В «Словаре» даны все факты переименования тех или иных поселений как следствие политических и иных событий. В каждой словарной статье по каждому топониму представлены факты, извлечённые из архивных документов, что само по себе является свидетельством кропотливой, многолетней исследовательской работы авторов.

Особенно ценной информацией, собранной и представленной в «Словаре», можно считать описание биографического характера выдающихся деятелей образования, науки, культуры, экономики, героев Гражданской войны, участников Второй мировой войны наряду с нойонами и зайсанами дореволюционного периода Калмыкии, упоминаемыми в связи с тем или иным топонимом. Это уже история народа, преломленная сквозь призму истории топонима.

Однако следует отметить, что «Топонимический словарь» – это, прежде всего, лексикографическое издание, где описан свод проприальной лексики, поэтому данное издание представляет собой интерес для ономастов, в частности, топонимистов. С этой точки зрения издание представляет собой безупречный пример составления словаря топонимов. Отметим, что каждое название прописано особым шрифтом, даются морфологические характеристики употребления топонима, включая сложные по структуре названия. Представлены варианты топонима и тех образований, которые этимологически связаны с названием.

В конце словарной статьи приводится нарицательная или проприальная лексика, значение которой, по мнению авторов, может считаться этимологией топонима. При этом оговаривается то, что «не все топонимы имеют подробно разработанные статьи, поскольку не всегда имеется доступный материал об истории географического объекта, его физико-географических характеристиках, этимологии».

Подобная оговорка вполне естественна при составлении словарных изданий, т. к. исследование топонимической системы как отдельного региона, так и отдельного района края, области или республики требует долгих лет полевого сбора микротопонимов, поисковой работы в архивах, опросов местного населения. Все эти этапы являются естественными этапами в подготовительной работе исследователя при написании топонимического словаря.

Основной этап – это этап создания и написания словарной статьи. Важно сохранить основное кредо – точность, лаконичность и скупость при описании разного рода фактов, включая и лингвистические. При этом важно написать словарь таким языком, который отличается достоверностью, ёмкостью и доступностью для каждого взявшего в руки данное издание.

На наш взгляд, в книге удачно соединены и научность стиля, и строгость подачи материала (исторического, этнографического, лингвистического), что позволяет считать «Топонимический словарь» достойным вкладом в ономастику Калмыкии и России.

Статья поступила в редакцию 16.08.2018; принята к публикации 20.09.2018

Библиографическое описание статьи

Жамсаранова Р. Г. Рецензия на издание «Топонимический словарь Республики Калмыкия» // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 100–102.

Raisa G. Zhamsaranova,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: rebeca_zab@mail.ru
orcid: 0000-0002-1275-6396

A Review of “Toponymic Dictionary of the Republic of Kalmykia”

The article is a review of the Toponymic Dictionary of the Republic of Kalmykia. The dictionary is created by famous authors N. A. Kichikiva, E. B. Mandzhieva, V. I. Suprun and was funded by RFBR. The reviewed dictionary is the unique collection of archive, historic and ethnographic facts for each of the toponyms described in the Dictionary. From the point of view of lexicography, the Toponymic dictionary of the Republic of Kalmykia is a perfect example of compiling a dictionary of toponyms. Each name is written in a special font, given the morphological characteristics of the use of the toponym, including complex structure of the name. Variants of a toponym and those formations which are etymologically connected with the name are presented. At the end of the dictionary there is a common or proprietary lexicon, the meaning of which, according to the authors, can be considered fs the etymology of a certain toponym.

Received: August 16, 2018; accepted for publication September 20, 2018

Reference to the article

Zhamsaranova R. G. A Review of “Toponymic Dictionary of the Republic of Kalmykia” // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 100–102.

http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 070.4

Алла Николаевна Тепляшина,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 1-я линия, 26),
e-mail: a-nik@list.ru
orcid: 0000-0002-2212-2514

Рецензия на монографию «Экстремизм в современном мире»

В монографии «Экстремизм в современном мире» комплексно исследованы аспекты российской и международной правовой основы борьбы с экстремизмом, проанализированы теоретические аспекты изучения вопросов экстремистского дискурса в различных общественных науках. Авторы сформулировали предложения, ориентированные на выявление маркеров экстремистского дискурса, локализацию и искоренение экстремизма как конечную цель. Особого внимания заслуживает глава монографии, посвящённая медийной модели мира в контексте экстремистского дискурса. Петербургские учёные Б. Я. Мисонжников, Г. С. Мельник, А. Н. Гришанина отмечают опасную тенденцию выбора экстремистами средств и приёмов ведения информационно-психологических войн, которые могут привести к долговременным изменениям в социально-политическом строе общества, к обострению политической борьбы и использованию прямых форм насилия, к частичному изменению или поражению центральной нервной системы человека.

В 2018 году вышла в свет монография «Экстремизм в современном мире», подготовленная учёными Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Московского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, целого ряда других учебных заведений, а также сотрудниками органов государственной власти и управления, непосредственно занимающимися данной проблемой. В работе приняли активное участие почетный профессор политологии и общественного управления факультета юриспруденции Университета г. Аликанте (Испания), доктор политических наук (PhD) Руис-Мартинес Франсиско Хавьер; директор Института глобальных исследований Университета Аль-Кудс (Иерусалим), доктор политических наук Бадран Амнех. В редакционную коллегию монографии вошли известные российские учёные: председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации А. И. Бастрыкин, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор В. А. Шамахов, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации В. П. Кириленко.

В рецензируемой монографии представлен научный образ экстремизма как сложного социально-деструктивного феномена: выявлен генезис экстремизма (1-я глава) и определены векторы противодействия экстремизму в современных геополитических условиях (2-я глава), проведено серьёзное исследование уголовно-правовых аспектов противодействия экстремизму (3-я глава); на высоком уровне значимости выявлена корреляция политики экстремизма и либеральных ценностей (4-я глава); обозначены проблемы воинствующего экстремизма в информационном пространстве как среде массовых политических выступлений (5-я глава); обоснованы экономические предпосылки возникновения экстремизма и изучены его экономические последствия (6-я глава); сконструирована медийная модель мира и осуществлено всестороннее исследование маркеров экстремистских текстов (7-я глава); осуществлён комплексный анализ проблем националистического экстремизма и предложены шаги по его нейтрализации (8-я глава).

Все авторы монографии сходятся в выводе о том, что политика борьбы с экстремизмом преследует совершенно конкретную цель – защиту основ конституционного строя Российской Федерации, общественной безопасности, прав и свобод граждан от экстремистских угроз.

Авторы главы «Медийная модель мира и экстремистский дискурс» (А. Н. Гришанина, Б. Я. Мисонжников, Г. С. Мельник) подчёркивают, что «все тексты, имеющие семиотиче-

© Тепляшина А. Н., 2019

ский потенциал и входящие в гипертекстовой континуум, независимо от их содержания и материального носителя, на платформе которого они могут быть реализованы – в разное время на разных платформах, а иногда одновременно на нескольких разнящихся между собой, – образуют медиа как средства коммуникации. Данные медийные тексты могут быть типологизированы, подвергнуты анализу, в частности фрактальному, при котором рассматриваются различные аспекты функционирования данного самоподобного сегмента системы, и они иллюстрируют специфику отдельного фрактала, а также позволяют определить сущностные типологические, содержательно-тематические, психолингвистические, социокультурные особенности медиатекстов как производных фрактального дробления».

К наиболее существенным положениям исследования петербургских учёных можно отнести суждение о том, что экстремистская политика глобального уровня прямо или косвенно провоцирует вовлечение в экстремистское пространство обычных жителей, прежде всего молодёжь. «Проблема усугубляется тем, что молодые люди особенно активно используют самые современные медийные платформы порой и для создания и распространения текстов экстремистской направленности, а жизненного опыта, необходимого для адекватной оценки происходящего, ещё не имеют. Некоторый парадокс заключается в том, что эта проблема вызывает обеспокоенность также в странах, которые часто демонстрируют агрессивность и неприятие позиции других, активно используют массмедиа для шельмования и демонизации тех, кто выбирает независимый путь развития», – утверждают авторы рецензируемой монографии. Против данного тезиса трудно возразить, так как, действительно, молодёжный экстремизм является составной частью политической борьбы, которая, как известно, осуществляется в целях овладения властью.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018; принята к публикации 15.01.2019

Библиографическое описание статьи

Тепляшина А. Н. Рецензия на монографию «Экстремизм в современном мире» // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 103–104.

Alla N. Teplyashina,
Doctor of Philology, Professor,
Saint Petersburg State University
(26, 1st Line, Vasilievsky island, Saint Petersburg, 199034, Russia),
e-mail: a-nik@list.ru
orcid: 0000-0002-2212-2514

Review of the Monograph “Extremism in the Modern World”

The monograph “Extremism in the Modern World” comprehensively explored aspects of the Russian and international legal framework to combat extremism, analyzed the theoretical aspects of studying the issues of extremist discourse in various social sciences. The authors formulated proposals aimed at identifying markers of extremist discourse, localization and the eradication of extremism as the ultimate goal. The head of the monograph on the media model of the world in the context of extremist discourse deserves special attention. St. Petersburg scientists B.Ya. Misonzhnikov, G. S. Mel’nik, A. N. Grishanina note the dangerous tendency for extremists to choose the means and methods of conducting information-psychological wars that can lead to long-term changes in the socio-political system of society, to the intensification of the political struggle and the use of direct forms of violence, to a partial change or lesion of the human central nervous system.

Keywords: strategic communications, terrorist structures, tactical media, language of protest, sociolinguistic markers

Received: December 20, 2018; accepted for publication January 15, 2019

Reference to the article

Teplyashina A. N. Review of the Monograph “Extremism in the Modern World” // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 103–104.

 ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

ЗВЕНЯЩАЯ СТРУНА: ДУША УЧЁНОГО

A RINGING STRING: THE SOUL OF A SCIENTIST

(поэтическая рубрика памяти выпускающего редактора Галии Дуфаровны Ахметовой – Нины Ганьшиной)

ТЕМА НОМЕРА:
Философская лирика

Галия Дуфаровна АХМЕТОВА

доктор филологических наук, профессор

Ах, что нас ожидает за углом?

Ах, что нас ожидает за углом?
Страдая от несбывшегося счастья,
Наверное, мы всё-таки умрём.
Снег упадет на тёплые запястья.

Уставших переулков тупики
Минуем, на проспекты выбегая.
Мы счастья ждём. Шаги его близки.
Но за углом опять не видно рая.

Стремится к небу чистая Душа.
Исписана последняя страница.
Но снится ночью: всё ещё спешат,
Как синий лёд, сияющие птицы.

Ах, за углом не отыскать следы.
У каждого из нас свои кварталы.
…Но в свете умирающей звезды
Они живут, незримые фракталы.

Где-то падают листья рябины

Где-то падают листья рябины.
Наше прошлое плачет навзрыд.
И ещё там алеет малина.
И звезда голубая горит.

Тополя ещё не повзрослели.
На Медведице абрис ковша.
Я брожу по знакомой аллее,
Удивляясь, что жизнь хороша.

Мне бы жить в странном том измеренье:
Среди звёзд, тополей и рябин.
Я писала бы стихотворенья
На пластинах расколотых льдин.

А весною дождём и снегами
Вдруг прольётся вода из ковша.
Неземными прольётся стихами
Улетевшая к небу Душа.

Сергей Владимирович Петухов

кандидат филологических наук, доцент,
Ленинградский областной институт развития образования
(Россия, г. Санкт-Петербург),
e-mail: sergeypetuhov@mail.ru

Скоропостижно…

Скоропостижно жизнь меняется и точка.
Уходим вместе мы, но чаще в одиночку.
Скоропостижно обрываются желанья…
И кто-то каяться, а кто-то на закланье…

Мы в споре с Вечностью проигрываем метко,
Лишь только миг на свете зеленеет ветка…
Скоропостижно до отчаянья, до боли
Свой путь проходит каждый в отведённой роли.

Скоропостижно дни укутывают ночи,
И тьма предательски нас искушает очень…
Как только свет небес спускается на землю,
Так в суете житейской мы ему не внемлем.

И по законам бытия скоропостижно
Уходит с нами дом, семья, любовь, Отчизна
Туда, где всё еще окутанные тайной,
Нас ждут у Вечных врат… и рай, и ад… Печально…

Мы в снах своих многоголосье одиночек –
И в этом видится мне гофмановский почерк…
Скоропостижно мир устроен был во благо,
А мы спешим его разрушить шаг за шагом.

Скоропостижны наши встречи и прощанья…
В любви признанья, первые свиданья…
Скоропостижны обретенья и стремленья…
И не продлить, а так хотелось бы, мгновенье…

Не изменить того, что в суете домашней
Скоропостижен бой курантов Спасской башни…
Огней бенгальских маленькие жизни…
Что может быть ещё скоропостижней?..

Я не хочу в скоропостижность верить,
Всего в одну, прошу её, по крайней мере…
Чтоб, продолжаясь от рождения до тризны,
Хотя бы ты, ЛЮБОВЬ, не будь скоропостижной…

2015

Уметь прощать…

Уметь прощать желаю Вам!
Терпенья сердцу!
Смиряться, если искушает лютый враг…
И верить искренним словам,
без лишних специй
И не сдаваться, даже если всё не так!

Жизнь – суета, бегут года, мелькают лица,
То рябь в судьбе, то ожидание, то гладь,
Но радость есть… , что вспомнить нам
И кем гордиться!
Кого любить и знать, где блажь,
где благодать?!

Порой бывает больно, жалко и обидно…
Но Вы терпите, ждите после тьмы рассвет!
Кольнёт, ударит кто –
Вы не подайте вида!
Тому на небесах ещё держать ответ!

Прощать умейте! Просто, честно,
без корысти,
Ведь жизнь нам Богом только раз дана!
Продлись, мгновенье! –
Вот одна из вечных истин!
Для Вас пусть будет эта истина верна!

2012

Двое…

Я в поединке с жизнью пораженье
Свое, как не хотел, но признаю…
Для друга подвернувшейся мишенью
Я на тропе охотничьей стою.

В моих, как перед смертью отражаясь,
Глазах застынет преданных ружьё…
И всё...! К курку протягивает палец
Друг, плача, чтобы выполнить своё!

И выстрел горьким эхом пронесётся
Сквозь мрак тайги по вечности вершин,
А с ветром мой прощальный голос к солнцу
Прольётся утром песнею души!

Следы от красных пятен снег укроет,
И жизнь, как прежде, мирно потечёт
По белому таёжному безмолвью,
Где был оборван другом мой полёт!

И если Бог хотя бы на мгновенье
Меня допустит к алтарю небес,
Свечу поставлю я без сожаленья
За друга и его нелёгкий крест…

2005

***

Моя философия жизни проста,
Она для иконы, она для креста…
В любви отдавал тебе душу свою –
Отвергнутый в храме теперь я стою.
И словно я чей-то, и словно ничей
Молчанием скован нетленных свечей.
Задуешь ты свечи, а я не смогу
И ради тебя снова свечи зажгу.
И ради тебя в их свечении сгорю
И крест одиночества боготворю.
И крест одиночества я сколочу,
К нему свою ближе придвину свечу
А воск от твоей пусть течет от креста
И ищет по свету чужие уста.

1998

Вячеслав Исаевич Теркулов

доктор филологических наук, профессор,
Донецкий национальный университет;
Международная славянская академия наук, искусств, образования и культуры
(Украина, г. Донецк),
e-mail: terkulov@rambler.ru

Увертюра

Ты ветер над полем, полынным, штормящим, прогорклым,
Несущий листву непонятных ночных сообщений,
Ты гений,
Бессонный, бездарный, бездушный, стоокий,
Но всё-таки гений…

Ты утро, ты кофе, ты несколько слов на прощанье,
Бессмертие книг и прочитанных лекций минутность,
Ты гулкость ступеней, ты тело, покрытое тканью,
Безлюдие улиц…

Ты снег в декабре, ты деревья, фонарь у подъезда,
Прогулка с собакой под вечер в преддверии чая,
Ночные беседы на кухне, вино, сигареты,
Звонки, на которые
Не отвечали…

Когда-то (полвека тому) это стало телесным,
Вселенная выросла, вместе с тобою взрослея,
Но, кажется, скоро
Придуманность эта исчезнет,
Как ветер, как утро, как гулкость озябших ступеней…

Ангел

Мой ангел проснётся сегодня часам к девяти,
Когда гололёд за окошком укроет деревья,
И кот замяучит за нашей закрытою дверью
В безумном желанье хотя б на минутку войти..

Мой ангел-хранитель — орехов и фруктов любитель,
Кошмаров ночных и вечерних невзгод победитель,
Хороших вестей и плохих новостей повелитель,
Целитель, мыслитель, ревнитель и домостроитель…

А в городе снег, он везде – на бульваре и в небе,
В автобусах, в мыслях, на купленном только что хлебе.
Я знаю, мой ангел был создан из этой метели,
Из вычурных слов не дошедшей до нас пасторели.

Он ночью летает над городом, зная пути
Сомнений моих и моих неудач ежедневных,
Он помнит, что сделать, он сделает всё непременно,
Как только проснётся примерно часам к девяти…

Мой ангел-хранитель – души моей грешной ревнитель,
Квартиры, компьютера, кофе великий правитель,
Судьбы сыновей справедливый и верный вершитель,
Стихов моих новых ценитель, читатель, любитель.

А в городе снег, гололедица, грохот орудий,
по городу ходят какие-то грустные люди,
машины несутся навстречу вину и ночлегу,
чтоб в этом ночлеге в окне были промельки снега.

И снег будет ночью мести, и мести, и мести…
Мой ангел и завтра проснётся часам к девяти…

Космос

Перед выходом в открытый космос утренней свежести,
Держась за ручку подъездной двери межпланетного корабля
Дома,
Ты переполнен какой-то нелепой, бессмысленной нежностью,
Предвосхищение выхода в открытый космос боготворя…

Ты отворяешь дверь, впуская рассвета непрочность,
Птиц гомонящих, поющих на ветках какую-то ерунду,
Шарканье дворников, лепет детей, крик молочницы
В лёгкие,
И задыхаешься на ходу…

Ты сегодня почти Гагарин, вернее, Леонов,
Гагарин… Леонов… О чём ты думаешь? Какая разница?
Ты надеваешь на себя космос –
Утренний, терриконный
И путешествуешь по нему, шатаясь, как невыспавшийся пьяница.

Ты шатаешься, ты медведь-шатун, ты очнулся от спячки,
Ты вышел в космос из берлоги своей словарной работы.
Ты даже не помнишь, на что ещё вчерашний день был потрачен –
Ты даже не знаешь, что вчера была среда, а не суббота.

Но это неважно, день проживается, чтобы быть пережитым,
Чтобы где-то на клавиатуре осталась неосознанная рифма
О том, что ты в космосе, что ты уже вышел на орбиту
Наступившего утра, несущего в себе все признаки мифа.

Пятьсот шагов от подъезда к автобусной остановке
В метеоритном дожде, в астероидах машин, порождающих скорость….
Ты становишься персонажем в утренней акварельной зарисовке
Разноцветной художницы, рисующей космос.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объёмом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

Жанр	***Минимальный объём***
Статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, если автор статьи – аспирант.
4. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, Orcid.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация: 150–200 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: введение, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 15 источников, в том числе не менее 5 зарубежных источников. Литература на иностранных языках должна следовать за литературой на русском языке.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Самоцитирование допускается в объёме не более 20 % от общего количества источников в списке литературы.

Объём цитирования в статье должен составлять не более 30 % от общего объёма статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский и английский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое поля – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например, *таблица 1,* в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например, *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например, *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции:
672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129. Забайкальский государственный университет. Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь:
Седина Елена Витальевна,
Блажевская Ирина Николаевна.
Тел. +7(3022) 35-24-79, e-mail: zab-nauka@mail.ru